

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Серия «Трансдисциплинарная регионология»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Трансдисциплинарная регионология

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ**

Монография

УДК 94(5+7)
ББК 63.3 (5+7)
И90

Серия основана в 2020 году

Печатается по решению Ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Научный редактор:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф.

Ответственный редактор:

О. В. Кузнецова, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты:

А. В. Аленко, д-р ист. наук, проф.

Л. А. Лебединцева, д-р. соц. наук, доц.

Авторский коллектив:

В. В. Ананьев, К. А. Иванов, Н. С. Карачева, В. О. Коробко

Е. В. Кремнев, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская,

Д. В. Пелихова, О. А. Хо, И. В. Шалина

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология
регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона
в русле современной трансдисциплинарной регионологии»*

И90

История и методология региональных исследований
в Азиатско-Тихоокеанском регионе: монография / [под
науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой; отв. ред. О. В. Кузнецова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 287 с. – (Транс-
дисциплинарная регионология).

ISBN 978-5-9624-1894-0

Монография, выполненная в русле трансдисциплинарной регионологии, посвящена описанию и анализу истории и методологии региональных исследований в одном из важнейших для глобального развития в XXI в. регионов мира – Азиатско-Тихоокеанском. В работе дается характеристика основных этапов развития и современного состояния региональных исследований в таких субрегионах АТР, как Северная Америка, Северо-Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия, Южно-Тихоокеанский регион.

Исследование может представлять интерес как для регионологов, так и для широкого круга других специалистов – культурологов, историков, социологов, педагогов и всех тех, кто интересуется историей и культурой АТР, а также теоретическими и прикладными аспектами изучения регионов и процессом институционализации науки о регионах.

УДК 338:91(5)(091)
ББК 65.04(5)Г

ISBN 978-5-9624-1894-0

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Региональные исследования в Европе в контексте изучения Азиатско-Тихоокеанского региона	11
1.1. Трансформация парадигм региональных исследований в Европе	11
1.2. Американистика в Европе	19
1.3. Китаеведение в Европе	24
1.4. Корееведение в Европе	29
Глава 2. Региональные исследования в Северной Америке: векторы институционализации региональной науки	36
2.1. Этапы развития региональных исследований в Северной Америке	36
2.2. Зарождение региональных исследований в США, Канаде и Мексике, появление региональной науки ..	37
2.2.1. Основоположники региональной науки и вклад Уолтера Айзарда	41
2.2.2. Начало изучения регионов в Канаде	43
2.2.3. Начало изучения регионов в Мексике	47
2.3. Рост интереса к исследованиям регионов в 50-х гг. XX в., создание ассоциаций и лабораторий ..	52
2.4. Расцвет и многовекторность региональных исследований (1990-е гг. – начало XXI в.)	68
Глава 3. Регионологическое знание стран Дальнего Востока как локус синтеза дальневосточных и западных векторов развития региональных исследований	93
3.1. Россия: между комплексным и доминантно-дисциплинарным регионологическим знанием	94
3.1.1. Этапы развития регионологического знания в России	94
3.1.2. Роль комплексного и доминантно-дисциплинарного в отечественной регионологии	97
3.2. Китай: регионологическое знание «с китайской спецификой»	103

3.2.1. Этапы развития регионологического знания в Китае.....	103
3.2.2. Институционализованный региональный научный процесс в КНР	125
3.3. Корея: на эволюционном пути от страны-отшельницы до страны региональных инноваций.....	134
3.3.1. Этапы развития регионологического знания в Корее	134
3.3.2. Специфика современных региональных исследований в Корее	139
3.4. Япония: от островного мышления к глобальному регионологическому знанию.....	149
3.4.1. Этапы развития регионологического знания в Японии	149
3.4.2. Специфика современных региональных исследований в Японии	152
3.5. Анализ процессов взаимовлияния дальневосточного и западного регионологического знания.....	167
Глава 4. Южнотихоокеанские региональные исследования: от методологического экспансионизма к региональной самоидентификации.....	176
4.1. Этапы развития региональных исследований в ЮТР.....	177
4.2. Ведущие центры региональных исследований в ЮТР.....	180
4.3. Направления региональных исследований в ЮТР....	197
4.3.1. Азиатские исследования в ЮТР.....	197
4.3.2. Исследования Океании	202
4.3.3. Азиатско-тихоокеанские исследования как макрорегиональное направление в ЮТР ...	210
4.3.4. Австралийские и новозеландские исследования	212
4.4. Перспективы развития южнотихоокеанских исследований	221

Глава 5. Региональные исследования Южной и Юго-Восточной Азии	226
5.1. Южноазиатские исследования	227
5.2. Исследования Юго-Восточной Азии.....	236
5.3. Взаимосвязь исследований Южной и Юго-Восточной Азии	246
Заключение	248
Библиографический список.....	252
Сведения об авторах	286

АВТОРЫ БЛАГОДАРЯТ

- Научного редактора *Евгению Федоровну Серебренникову*, доктора филологических наук, профессора.

- Рецензентов *Александра Валентиновича Аленко*, доктора исторических наук, профессора, *Любовь Александровну Лебединцеву*, доктора социологических наук, доцента.

- Руководство Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации и лично его директора *Марину Борисовну Ташлыкову*.

- Коллег, магистрантов и студентов кафедры востоковедения и регионоведения АТР и Школы востоковедных и регионоведческих исследований *О. М. Готлиба*.

- Российский фонд фундаментальных исследований.

Эта монография стала возможной благодаря идеям, высказанным нашим Учителем, *Олегом Марковичем Готлибом* (1951–2016), вдохновившим своих учеников на осуществление этого проекта.

ВВЕДЕНИЕ

Особый интерес к изучению отдельного региона в мире всегда определяется комплексом причин, включая и исторический контекст. К примеру, начало холодной войны привело к осознанию необходимости разработки таких направлений, как советология и восточноевропейские исследования в США. Большое количество научных работ по изучению Латинской Америки в США объясняется в некоторой степени последствиями следования доктрине Монро. Ряд примеров подобного рода может быть легко продолжен. Одним из результатов глобальных и региональных трансформаций в мире, произошедших в последние несколько десятилетий, стало усиление внимания к появляющимся новым центрам экономического могущества в так называемом Тихоокеанском кольце.

По мнению географа Нила Смита, сложность изучения определенного региона заключается не только в том, чтобы четко очертить его границы. Так, среди ученых до сих пор нет единого мнения о том, входит ли Индия в состав Азиатско-Тихоокеанского региона. Сложность изучения обширного пространства, прежде всего, в том, чтобы соотнести концепцию пространства не только с устоявшимся пониманием континентального и национального деления, но и с социальными, экономическими, культурными и политическими потоками, которые приводят к возникновению новых видов социальной активности, новых пространственных организаций и подразделений, новых мест [363].

Ученый считает, что возникновение исследований АТР – сравнительно нового направления – является, во-первых, ответом на критику подхода об отдельном изучении Азии, Тихоокеанского региона и Америки как абсолютно отдельных регионов. Во-вторых, данный вектор исследований соответствует современной тенденции изменения масштаба объектов изучения и предоставляет обширные возможности для более фундаментального транснаци-

онального культурного и социологического анализа. В-третьих, подобный подход является ответом на возросшую интенсивность экономических и политических взаимодействий в Тихоокеанском регионе. Именно исследования АТР в целом могут предоставить необходимые инструментальные знания не только ученым, но и политикам [363].

В последнее время исследования АТР находятся в фокусе внимания ученых из разных стран [279; 344; 167; 260; 374; 181; 241] так же, как и проблемы изменения векторов региональных исследований в период глобализации [341; 360; 116; 120; 356; 144; 193; 249; 253 и др.]. Достаточное внимание региону уделено и в работах российских специалистов, занимающихся изучением таких вопросов, как роль региона в политике [50]; географическое изучение и картографирование региона [19; 20]; страноведение отдельных стран региона [18]; перспективы регионального сотрудничества в регионе [84]; перспективы интеграции России в АТР [80; 76; 14]; перспективы развития экономики региона [1]; перспективы образовательных и научных связей между странами региона, состояние высшего образования в странах региона [9; 52]; сотрудничество отдельных стран и субрегионов АТР [83; 57]; интеграционные процессы в регионе [15; 23] и др.

Авторам монографии представляется целесообразным не только изучение подходов к региональным исследованиям в разных субрегионах АТР, но и анализ и синтез этих подходов в рамках трансдисциплинарной регионологии¹, что и составляет цель данного исследования. Трансдисциплинарная регионология – это наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регио-

¹ Подробнее о трансдисциплинарной регионологии можно прочитать в: Кремнев Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Се-ребренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

нального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования [37; 59]. Данное научное направление формируется сегодня в рамках двух взаимосвязанных процессов: объективное движение к трансдисциплинарности как новый этап развития науки и субъективное стремление части научных регионологических школ продвинуть трансдисциплинарность как перспективную и многообещающую парадигму регионологии.

Теоретическая значимость исследования видится в комплексном вкладе в разработку данной проблематики: в работе установлены основные этапы развития регионологического знания в описываемых субрегионах, выделены особенности каждого и определены основные факторы, повлиявшие на формирование этих особенностей.

В качестве гипотезы исследования считаем возможным выдвинуть следующее предположение: в истории региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе выделяется несколько этапов: формирование знаний о регионе проходило неравномерно в разных субрегионах АТР; несколько стран, где быстрее накапливались регионологические знания, имели возможность устанавливать векторы региональных исследований, которые позднее распространялись на другие субрегионы.

В работе впервые предлагается и обосновывается концепция о том, что в странах Дальнего Востока синтезировались западный и восточный подходы к региональным исследованиям, а также делается попытка объяснить особый подход России к исследованию регионов, нашедший свое выражение, по мнению авторов, в поле трансдисциплинарной регионологии.

Стоит упомянуть, что базовые термины, использующиеся в работе, более подробно разъясняются в других монографиях серии, прежде всего, в исследовании «Трансдисциплинарная регионология: теория и методология»². Тер-

² Кремнев Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Указ. соч.

мин «регионология» мы используем как гипероним, обозначающий совокупность всех дисциплин, школ и направлений, изучающих регионы (регионалистика, регионоведение, area studies, regional studies, regional science и т. д.). Выбор термина «региональные исследования» для обозначения общего поля науки о регионах в АТР обусловлен распространенностью в большинстве стран региона наименований regional studies и area studies (и его аналогов на других языках), калькированным переводом которых и является этот термин. Упоминаемое в работе «регионологическое знание» мы также определяем как наиболее общий термин, позволяющий рассматривать науку о регионах через призму континуальности и обозначающий совокупность представлений о регионе в их развитии: от знаний, собранных до наступления в стране этапа институционализации науки о регионах, до всей их совокупности с момента институционализации.

Для обозначения специалистов, занимающихся изучением регионов, мы считаем возможным в качестве термина, выражающего родовое понятие, предложить «регионолог», сохраняя право обращаться и к описательным вариантам «специалист по региональной науке», «специалист в области региональных исследований / занимающийся региональными исследованиями». Термин «региональная наука» используется, прежде всего, применительно к американской научной школе, которой он и обязан своим появлением. Под регионоведением мы понимаем в первую очередь изучение определенного региона, название которого чаще всего и сопровождает термин: регионоведение Китая, регионоведение Японии и т. д. Кроме того, мы используем его для обозначения отдельных российских школ и направлений, которые сами пользуются этим термином.

ГЛАВА 1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЕВРОПЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

О. В. Кузнецова
Е. В. Лесниковская
Д. В. Пелихова

1.1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЕВРОПЕ

Первый шаг регионологии – формирование регионоведения (*area studies*) как области знания и академической дисциплины – был сделан во второй половине XX в., однако ключевые понятия территориальных исследований, такие как регион и территория, описывались и анализировались на протяжении столетий широким рядом географических дисциплин.

Основной смысловой единицей регионологии является регион, наиболее часто определяемый как часть территории, выделяемой по общности ряда признаков. Таким образом, базовым ключевым понятием региональных исследований (*regional studies* – термин, привычный для европейского поля науки о регионах) можно считать территорию. Региональные исследования, начавшись с описания новых и известных территорий, к сегодняшнему времени эволюционировали до расширенного понимания региона как социального конструкта, как локализации территориального и реляционного капитала, как места реализации обучения и трансфера знаний и технологий. При этом Европа всегда была в авангарде продвижения и развития регионального знания. Такая мотивация объясняется как исследованиями в эпоху великих географических открытий,

так и тем, что именно Европа явилась центром зарождения геополитики, местом возникновения пространственной экономики; Европа характеризуется вместе с тем интенсивностью военных, socioэкономических и социокультурных потрясений в первой половине XX в., а позже процессами формирования единого европейского пространства и актуализацией новых концепций региональной политики [54].

В целом исторически территория исследуется с точки зрения широкого ряда аспектов: физического, экономического, социально-политического, геополитического, культурного и т. д. Представляется целесообразным разделить европейские региональные исследования на три крупных блока:

- географический детерминизм-поссибилизм;
- хронологическая концепция;
- современная региональная парадигма.

Данное разделение основывается на смене парадигмы региона и, соответственно, смене ключевых концептов региональных исследований. В рамках парадигмы географического детерминизма-поссибилизма регион выступает как данность и ресурс, а центральными концептами выступают *территория* и *человек*. В рамках хронологической парадигмы регион рассматривается как организованное пространство, как структура, а ключевыми концептами можно назвать архитектуру связей в пространстве и организацию физического и ментального пространства. В рамках современной региональной парадигмы регион выступает как единица глобальной конкуренции и субъект развития, а центральными понятиями становятся *знание*, *развитие*, *инновации*.

Первый блок (преимущественно с XIX в. до середины XX в.) характеризуется возникновением особого интереса к значимости территории для жизни человека, социума, государства. При этом природа, географические условия рассматриваются как определяющие для жизни человека и сообщества. Такая парадигма получила название географического детерминизма [54]. Идеи географического детерминизма берут начало в работах Ш.-Л. Монтескье, развита Ф. Ратцелем, К. Риттером и другими учеными [62; 73;

74; 25; 26] и предопределили формирование ранних теорий новой науки – геополитики (Ф. Ратцель, К. Шмитт, Х. Маккиндер и др.) [87; 63]. В контексте доминирования парадигмы географического детерминизма формируется такая дисциплина, как антропогеография (Ф. Ратцель). Идеи влияния природы на человека, связанные с конкретной территорией возможности и ограничения, определяющие направление развития рода занятий, характера формирования общества и социокультурного кода, стали концептуальной основой региональных исследований того времени. С другой стороны, та же идея доминировала и в парадигме POSSИБИЛИЗМА, однако сторонники POSSИБИЛИЗМА делали акцент не на ограничения, налагаемые на человека природной средой, а, напротив, на возможности (фр. *possibilité* – возможность), предоставляемые ею. Так, школа POSSИБИЛИЗМА Видаля де ла Блаша акцентирует внимание на активной природе взаимодействия человека с окружающей средой, творческом использовании человеком географических условий. В отличие от географического детерминизма, в центре которого оставались территория, пространство, школа географического POSSИБИЛИЗМА признает человека с его волей и способностями в качестве активного субъекта преобразования природной среды [64].

В первой половине XX в. формируется и получает развитие хорологическая (греч. *хорос* – пространство) концепция [54]. Опираясь на кантовскую классификацию наук, основоположник хорологического подхода А. Геттнер формулирует его основные принципы. Согласно А. Геттнеру, географическая наука призвана изучать пространства, в которых размещены явления, а также причинно-следственную связь между данными пространствами и существующими в них явлениями. А. Геттнер искал нишу для географии, подобно тому как история изучает исторические события и ход исторического времени, объектом географии видятся пространства. К заслугам А. Геттнера можно отнести попытку обосновать единство географической науки, разделить границы естественных наук, «защи-

тить» границы географии от других частных наук, привлечь внимание научной общественности к проблемам и общему кризисному состоянию географической науки в то время [7]. Другой видный представитель хронологического подхода, Ж. Готтман, критически переосмысливает доминировавшие в то время идеи значимости размера территории, необходимости завоевания новых пространств для развития государств. Согласно Ж. Готтману, принципиальное значение имеет не жизненное пространство, а коммуникации, организация пространства, культурный и духовный потенциал местности, региона, государства. Особое внимание уделяется исследованию культурного измерения пространства. Ж. Готтман основал иконографический подход, суть которого заключается в том, что с течением времени пространство развивает свою «иконаграфию» – набор символов и культурных архетипов. Данный символический набор играет важнейшую роль в организации территории, региона, пространства. Именно выкристаллизованная культура архетипов, мифов, сказаний, табу предстает фактором, организующим социальное, экономическое и особенно политическое пространство местности [196, p. 214].

В дальнейшем хронологический подход «размылся», при этом большая часть идей была унаследована школой пространственного анализа. Необходимо отметить, что формирование и развитие школы пространственного анализа происходило в контексте «количественной революции» в науке, популяризации математических и геометрических моделей, применения вычислительной техники. Доминировала идеология неопозитивизма, объективной науки [54]. Основой для формирования и развития школы пространственного анализа послужили такие теории организации пространства, как теория центральных мест В. Кристаллера, теория размещения производства А. Леша, теория размещения сельскохозяйственного производства И. фон Тюнена. В рамках школы пространственного анализа изучаются такие аспекты, как принципы размещения производств и принципы расселения, территориальная ор-

ганизация, математическое моделирование пространственных взаимосвязей и взаимодействий. Наиболее видные представители европейской школы пространственного анализа – П. Хаггет и Д. Харви. П. Хаггет предпринял попытку синтеза географических знаний путем интеграции различных подходов к географии: как науки о ландшафтах; как науки, изучающей взаимодействие человека и природной среды; как науки о размещении, использующей преимущественно геометрические модели. Используя принципы общей теории систем и метод моделирования, П. Хаггет внес значительный вклад в развитие метода анализа региональных систем и территориальных структур. Другой представитель школы пространственного анализа, Д. Харви, применил идеи и принципы социальной философии к географическому анализу. Д. Харви отмечает, что, занимаясь проблемами пространственного размещения, географы не уделяют внимания неизбежным социальным последствиям такого размещения, а они зачастую связаны с увеличением социально-экономического расслоения и ростом социальной несправедливости [82, с. 11]. Расширение предметного поля пространственного анализа приводит к тому, что акцент перемещается с возможностей, предопределенных территорией (а также ограничений, накладываемых ею), и взаимодействия человека с природой в этом ключе, обоюдной трансформации на вопросы управления территорией, т. е. парадигма передвигается к современному восприятию территории как объекта управления, как объекта развития [54].

По сей день актуальным и продуктивным остается применение идей Ж. Готтмана в анализе городов АТР. Результаты его анализа паттернов развития столичных городов оказались эффективны при планировании и развитии крупных городов, мегаполисов Юго-Восточной Азии. Так, например, они были использованы при управлении развитием японского мегаполиса Токайдо, причем Ж. Готтман лично привлекался для экспертного комментария по планам его развития [365].

На современном этапе глобализационные процессы актуализировали понимание региона как основной территориальной единицы глобальной экономики [301]. Регионы воспринимаются как участники мировой экономической конкуренции. Изменилось региональное управление: акцент сместился на эндогенный потенциал региона. В то время как концептуальной основой классической парадигмы регионального управления выступали теории производственного размещения, концептуальной основой современной парадигмы становятся теории «обучающегося региона» (*learning region theories*) [110]. Соответственно, ключевыми параметрами становятся инновационная среда, кластеры, сети взаимодействий. Целью же региональной политики становится повышение конкурентоспособности региона.

Наиболее активно современные европейские региональные исследования развиваются в русле теории территориального капитала. Понятие территориального капитала (*territorial capital*) было впервые введено Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Согласно основоположнику теории территориального капитала, Р. Камани, территория конструирует конкурентные преимущества, не только являясь основой для компаний, находящихся в этом регионе, но и благодаря той роли, которую она играет в процессах накопления и передачи знаний, информации, актов коллективного обучения, «интерпретативных кодов» [133, p. 3].

Концепт «территория» рассматривается Р. Камани в нескольких аспектах: как система локализованных технологических связей, направленных вовне; как система экономических и социальных отношений, составляющих «отношенческий» (*relational* – термин, введенный самим Р. Камани), или социальный капитал; как система управления, основывающаяся на взаимодействии местной администрации и частных акторов [133]. В таком свете территория становится многоаспектным, «объемным» концептом, выступающим основным импульсом формирования современной парадигмы регионального развития. Такие пре-

имущества региона, как инновационная среда, кластеры, сети взаимодействий, обретают твердую, физическую основу именно в виде территории. Движение от восприятия территории как пассивного объекта освоения и управления к восприятию ее как сложной, многофакторной, политически, социально и культурно обусловленной системы отношений предполагает изменение вектора в сторону проактивной политики развития, базирующейся на стратегическом планировании.

В современной теории территориального капитала его значимость определяется двумя основными факторами. Во-первых, в условиях риска и неопределенности, вызванных модернизационными и глобализационными процессами, территория содержит в себе потенциал снижения рисков, создания социального доверия и устойчивых политических, экономических и социальных взаимосвязей. Во-вторых, на сегодняшний день большее значение для эффективности производства и экономического благополучия имеет так называемое неявное знание (термин М. Полани) – атрибут человеческого капитала, навыки, знания, чем кодифицированное (например, промышленные технологии). В свою очередь, именно неявное знание глубоко укоренено в территориальности и неразрывно связано с территориальной близостью и локальными взаимодействиями [133].

Значимость территориального капитала особенно высока в контексте присущей современному миру неопределенности. Отметим, что активный интерес исследователей к вопросам территориальной близости (*proximity* – одно из ключевых понятий территориального капитала) начал проявляться в Европе в 1990-е гг. (так, экономическое значение территориальной близости активно изучалось европейской исследовательской группой Proximity Dynamics (Bellet, Colletis, Lung, Gilly, Torre). В этот же период актуализируется и набирает популярность концепция общества риска (У. Бек, Э. Гидденс), определяющая современное общество как вынужденное реагировать на вызовы неопределенности, создаваемой технологическим прогрессом и

модернизацией в широком смысле. Таким образом, территориальная близость, а также формируемый во многом на ее основе территориальный капитал начинают рассматриваться как ресурс, позволяющий значительно снизить риски, связанные с социальными и экономическими взаимодействиями [54].

Другим важнейшим фактором, определяющим роль территориального капитала, выступает его влияние на способность региона формировать и поддерживать конкурентное преимущество в условиях глобализированной экономики. Как указывает исследователь европейской региональной политики Р. Бачтлер, целью современной региональной политики является повышение конкурентоспособности посредством развития предпринимательства, инноваций, навыков и умений [110]. В свою очередь, именно эти рычаги повышения конкурентоспособности тесно связаны с локализованным трансфером знаний, территориально обусловленным коллективным обучением, тем социальным доверием и устоявшимися связями (по Р. Камани, «отношенческим капиталом»), которые могут сложиться в результате регулярного взаимодействия близко расположенных компаний, индустрий, местных сообществ и местных властей.

Таким образом, выделяется три крупнейших парадигмы региональных исследований в Европе: парадигма географического детерминизма-поссибилизма, хронологическая (пространственная) парадигма и современная парадигма региона, в рамках которой регион рассматривается как единица глобальной конкуренции. Видение региона (территории) как *данности*, налагающей ограничения для жизни и деятельности человека, с одной стороны, и предоставляющей возможности, с другой стороны, постепенно трансформируется в представление о регионе как *пространстве*, *вмещающем в себя* географические явления и локализуящем причинно-следственные связи между этими явлениями. От парадигмы *вмещающего пространства* происходит переход в сторону *моделируемого пространства*, региона, выступающего объектом управления, и наконец,

на сегодняшний день регион предстает *субъектом* глобальной конкуренции, *участвующим* в глобализационно-дезинтеграционных процессах и *конструирующим* все виды капитала, задействующие возможности территориальной близости.

1.2. АМЕРИКАНИСТИКА В ЕВРОПЕ

На начальном этапе интерес к изучению американистики в Европе диктовался возрастающей ролью США в мировом сообществе и уникальностью страны. Необходимость изучения этой страны появилась во второй половине XX в., после Второй мировой войны, когда возникло биполярное противостояние двух гегемонов – США и СССР. Мы разделяем точку зрения многих специалистов о том, что в России и Восточной Европе развитие американистики связано с периодом холодной войны, в то время как в западных европейских странах – с устоявшимся политическим и экономическим сотрудничеством [47].

Например, в Великобритании американские исследования имеют долгую историю, что объясняется, прежде всего, колонизацией Северной Америки в XVIII в. Начиная с того времени британские историки исследовали причины и следствия обретения независимости британскими колониями от Империи. Безусловно, британо-американские отношения носили сложный характер, начиная с войны 1775 г. и заканчивая борьбой за мировые рынки в XX в. Необходимость изучения США как отдельного региона в Великобритании была обусловлена и тем, что две нации тесно связаны историей, общей правовой системой, религией и языком. Полагаем, что 1930-е гг. можно считать периодом становления британской американистики, так как временной отрезок между двумя войнами характеризовался интересом не только к точным наукам, но и к социальным. Кроме того, произошло сближение двух стран из-за создания военного альянса НАТО. Во время Второй мировой

войны британское правительство поощряет изучение США, в свою очередь американское правительство начинает видеть необходимость поддержки американских исследований за рубежом во время холодной войны, аргументируя это тем, что чем больше людей знают о Соединенных Штатах, тем больше они будут восхищаться их политическими и экономическими ценностями и внешней политикой [337].

В начале 1950-х гг. Фонд Рокфеллера и Комиссия по образованию США организовали серию англо-американских конференций, которые стали известны как конференции Фулбрайта, нацеленные на укрепление международных связей США с другими государствами. В 1955 г. была основана Британская ассоциация американских исследований (British Association for American studies, BAAS). Следует отметить, что Ассоциация имеет финансовую поддержку со стороны Государственного департамента США, следовательно, представляется возможным утверждать, что британские исследования часто подвержены политическому влиянию [47].

Процесс всемирной американизации привел к разработке нескольких курсов по американистике в учебных заведениях Англии. Такие курсы вызывали интерес не только британцев, но и самих американцев. По оценкам Британской ассоциации американских исследований, к 1980-м гг. в Великобритании работало не менее 2 тыс. американских специалистов в различных областях науки и культуры, благодаря которым исследования по американистике стали включать ранее не изучаемые аспекты: американское кино, новые области культурологии и гендерные исследования.

На сегодняшний день существует большое количество научных центров, которые координируют и обеспечивают исследования США, назовем лишь некоторые: Школа американских исследований при Ричмондском университете (University of Richmond), Центр американских исследований в Ливерпульском университете Джона Мура (Liverpool John Moores University) и др.

Другой крупной национальной ассоциацией является **Французская ассоциация американских исследований** (French Association for American studies, AFEA), основанная в 1975 г. Она содействует академическим исследованиям по американской литературе, истории, культуре и поощряет открытие программ по американским исследованиям на уровне бакалавриата и магистратуры. Ассоциация объединяет ученых, учителей старших классов и независимых исследователей. Сегодня она включает 610 американцев, представляющих различные области науки в Европе. Целями Ассоциации являются улучшение франко-американских отношений в сфере научных исследований, взаимный культурный обмен и усиление влияния французских американистов на американские исследования в Европе. Франция и США, также как Британия и США, связаны общей историей, этим обусловлен интерес к региональным исследованиям в области культуры [412].

Помимо национальных ассоциаций, в Европе также существует **Европейская ассоциация американских исследований** (ЕААИ) (European Association for American Studies, EAAS), которая объединяет 22 ассоциации и 35 стран. Такие страны, как Австрия, Италия, Франция, Польша, Нидерланды и другие, имеют ассоциации американских исследований на национальном уровне. Российское общество по изучению американской культуры также входит в Европейскую ассоциацию.

ЕААИ была основана в Берлине в 1954 г., поэтому все официальные документы публикуются на немецком языке. Число американистов в национальных ассоциациях достигло 4301 человека, что привело к созданию организации, которая стремилась объединить всех исследователей США. Целями и задачами Европейской ассоциации являются содействие изучению и исследованию во всех сферах американской культуры и общества, а также содействие сотрудничеству и взаимодействию между европейскими и американскими учеными во всех областях. С этой целью организовываются регулярные конференции, которые про-

водятся каждые два года. Также в рамках ЕААИ издается журнал «Американские исследования в Европе» (American Studies in Europe) и электронный сборник «Европейский журнал американских исследований» (European Journal of American Studies). С 1980 г. в журналах публикуются все статьи, представленные на конференциях, которые являются инструментом для взаимодействия исследователей двух континентов [284].

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в 1990 г. во время встречи членов ЕААИ в Лондоне возникла идея о создании сети исследовательских центров. Первоначально группа состояла из 8 центров, а сейчас включает 17 учреждений по всей Европе и в настоящее время принимает ассоциированных членов не только в Европе, но и за ее пределами. На сегодняшний день президентом является Маркус Хайде, доцент из Шведского института американских исследований. Хотя **Сеть объединенных исследовательских центров американистики** (American Studies Network) считается независимой организацией, которая имеет собственные источники финансирования, ее деятельность осуществляется параллельно с ЕААИ [106]. Все члены-участники придерживаются междисциплинарного подхода к американистике и изучают тот или иной объект через призму нескольких наук.

Одно из ключевых направлений центров – объединение ресурсов и информации. Поэтому среди центров нередкое явление – обмен учеными, которые читают лекции в различных учреждениях. Примечательно, что существует грант в 1000 евро за лучшее опубликованное исследование на английском языке по любому аспекту американистики. Грант присуждается ассоциированным членам, которые должны являться гражданами европейских стран. Такие вопросы, как получение гранта, обсуждаются ежегодно на встречах директоров научных центров, каждый год в состав принимают новое учреждение, если оно соответствует следующим критериям: является независимой организацией с внешним финансированием, придерживается междисци-

плинарного подхода к исследованиям, обладает научно-исследовательской базой, а также доступной связью с обществом, например, через содержание библиотеки или научного архива.

Кроме того, Ассоциация учредила несколько денежных грантов, открывающих возможности для начинающих исследователей. Так, один из таких грантов направлен на поддержку ученых из стран, где ВВП на душу населения менее 30 000 долл. США. Другим грантом является именная награда Роба Кроза, который был президентом Европейской ассоциации с 1976 по 1988 г. Он внес большой вклад в становление Ассоциации, и на сегодняшний день его награда является одним из престижных грантов для ученых [106].

ЕААИ определяет понятие «американистика» в широком смысле. Публикация должна быть в области литературных, культурных, политических или исторических и междисциплинарных исследований. Акцент на другие дисциплины в контексте американских исследований также может присутствовать в работе. Исследование должно быть связано с явлениями или событиями, которые сосредоточены в том регионе, где сейчас находятся Соединенные Штаты Америки [47].

Каждый год, помимо региональных конференций, проходят национальные, которые посвящены актуальным проблемам американского общества. Например, в 2018 г. Австрийская ассоциация американских исследований (Austrian Association for American Studies) проводила конференцию, на которой обсуждались проблемы феминизма и положение женщины в обществе [109].

Отдельного упоминания заслуживает то, что для европейских студентов и аспирантов существует много возможностей для реализации своих исследований по американистике. Например, в Австрии действует Ассоциация молодых американистов на основе австрийских университетов, которая направлена на обсуждение текущих проектов и обмен идеями. Помимо обмена опытом, студенты могут обратиться к большому архиву Ассоциации для проведения

своих исследований. Этот архив был открыт в 2006 г. с целью профессионального хранения, сбора, организации и предоставления записей, документов и памятных вещей Европейской ассоциации американских исследований. Инициатива принадлежала бывшему президенту Ассоциации Гансу Бангерту, который первый начал архивировать опубликованные работы. В настоящее время в архиве хранятся исследования таких европейских американистов, как Гарри Аллена, Мориса Гонно, Серхио Пероса, Ханса Бангерта, Хайнца Икштадта, Орма Оверланда и Криса Бигсби, которые внесли неоценимый вклад в историю исследований Североамериканского континента [47].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что американские исследования в европейских странах на сегодняшний день становятся все более востребованными, несмотря на то что началом американистики принято считать вторую половину XX в. Многие европейские центры по изучению Северной Америки положили в основу трансдисциплинарный подход. Основной целью исследований является улучшение понимания американской культуры через политические, социальные и экономические аспекты. Необходимость изучения и анализа процессов, происходящих в США, продиктована также стремлением европейских государств стабилизировать американо-европейские отношения, так как страны объединены общей историей и политическими позициями.

1.3. КИТАЕВЕДЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Первыми европейскими китаеоведами по праву считаются итальянские иезуиты Микеле Руджери, работавший в Макао с 1579 по 1588 г., и Маттео Риччи, который находился в Китае с 1582 по 1610 г. Дневники Риччи, получившие название «О христианских экспедициях в Китай», сразу же стали общественным явлением, которое послужило огромным толчком для сравнительного исследования цивилизаций [67].

Как академическая дисциплина современное китаеведение возникло во Франции в первой половине XIX в. Свое развитие научная дисциплина получила благодаря становлению дипломатических отношений европейских стран с Китаем. XIX в. ознаменован распространением исследований восточных цивилизаций. Так, в Великобритании академическое китаеведение возникает благодаря протестантским миссионерам – Р. Моррису и Дж. Леггу. Джеймс Легг впоследствии становится основателем и первым заведующим кафедрой китайского языка в Оксфордском университете [70].

В 1890 г. в Голландии был основан первый журнал по синологии «Тун бао» (T'oung Pao International Journal of Chinese Studies), который и на сегодняшний день является одним из важнейших изданий в европейском китаеведении. Журнал издается на французском, немецком и английском языках, в нем публикуются статьи европейских ученых, которые освещают широкий спектр тем, посвященных Китаю. В отдельном разделе печатаются рецензии на европейские и китайские книги. За время существования журнал оказал большое влияние на развитие европейского китаеведения [395].

В XX в. расширяется предмет исследования. Помимо традиционного изучения языка и древней культуры, начинается изучение Китая в контексте глобализации. Отметим, что европейские ученые чаще предпочитают использовать термин *Chinese Studies* (китайские исследования) вместо *Sinology* (синология), примером этого могут служить названия ассоциаций: *European Association for Chinese Studies* (Европейская ассоциация китайских исследований), *British Association for Chinese Studies* (Британская ассоциация китайских исследований) и др.

Во время холодной войны появляется термин «аналитик-наблюдатель по Китаю» (*China watcher, Pekingologist*), обозначающий человека, который предоставляет информацию западным странам о политической ситуации в КНР, находясь в материковой части Китая. Одними из выдаю-

щихся «наблюдателей по Китаю» были венгерский журналист и редактор журнала «Анализ новостей Китая» (China News Analysis) Ласло Ладань и Пьер Рикманс – бельгийский публицист, чьи работы были сосредоточены на политике и традиционной культуре Китая [346].

В XXI в. западные страны продолжают вести активные исследования зарубежных государств. На сегодняшний день существует много научных центров по региональным исследованиям, и значительное внимание в этой сфере уделяется КНР.

Одной из ведущих организаций является **Европейская ассоциация китаеведения** (European Association for Chinese Studies, EACS), основанная в 1975 г. в Париже. Цель Ассоциации – поощрение научной деятельности, связанной с изучением Китая. EACS проводит ежегодные конференции, в которых принимают участие все европейские научные центры по региональным исследованиям Китая. На конференциях освещаются современные проблемы КНР, пути их решения, а также новые формы сотрудничества стран. Ассоциация осуществляет научные проекты на регулярной основе. Например, ежегодная летняя школа, которая действует в различных странах на базе высших учебных заведений. Одна из таких школ проходила в Санкт-Петербурге на восточном факультете СПбГУ в 2015 г. под названием Traditional China: a Closer Distant View.

С 1995 г. EACS предоставляет гранты на поездки в основные синологические библиотеки и архивы Западной Европы. Финансирование происходит с помощью Фонда Чан Чинг-Куо (Цзян Цзинго) и предназначено для аспирантов и молодых ученых из стран Восточной Европы [92].

Наряду с EACS существуют национальные ассоциации, например, **Британская ассоциация китайских исследований**, основанная в 1976 г. (British Association for Chinese Studies).

Во второй половине XX в. Китай привлекает еще больше внимания в политических и научных кругах Европы. Так, в 1990 г. появляется еще одна национальная ассо-

циация – **Немецкая ассоциация китайских исследований** (German Association for Chinese Studies), базирующаяся в Берлинском университете имени Гумбольдта (Humboldt University of Berlin). Все ассоциации объединяет общая цель – развитие дипломатических отношений между Китаем и Европой.

Помимо наднациональной и национальных ассоциаций, существуют национальные научные центры и школы китайских исследований. Например, в Оксфордской школе глобальных и региональных исследований (Oxford School of Global and Area Studies) существует **Центр современных китайских исследований** (Contemporary China Studies), основанный в 2002 г. Директором является профессор Пол Ирвин Крукс, который внес значительный вклад в изучение внешней политики и международных отношений Китая.

Центр реализует несколько проектов, связанных с экологией, социальной жизнью, экономикой и политикой страны. Например, в рамках проекта «Современные отношения ЕС и Китая» Круксом было опубликовано несколько статей, в которых он приводит доказательства того, «что основным препятствием на пути к достижению подлинного стратегического партнерства между Европейским союзом и Китаем является парадигма, основанная преимущественно на традиционных ценностях, которая продолжает доминировать в моделях взаимодействия ЕС с Китаем» [157]. Исследование направлено на то, чтобы представить альтернативные стратегии, базирующиеся на концепциях современных теорий международного сотрудничества. Основная цель научного центра – обеспечить постоянное развитие и расширение региональных исследований, поскольку растущая мощь Китая ставит новые задачи и требует появления новых областей исследований.

Другим крупным научным центром по изучению Китая является **Шотландский центр китайских исследований** (Scottish Centre of Chinese Studies), который объединяет ученых по ряду социальных наук в шотландских

университетах. В его состав входят исследователи из университетов Сент-Эндрюса (University of St Andrews), Эдинбурга (University of Edinburgh), Данди (University of Dundee) и Глазго (University of Glasgow). Университет Глазго производит набор студентов по междисциплинарной программе изучения Китая на бакалавриат и магистерские направления. Также осуществляет межкультурный обмен между студентами Китая и Шотландии, так как одной из главных задач научного центра является содействие молодым китайским и европейским ученым [70].

Таким образом, изучение Китая, его культуры, социально-политической системы, экономики представляет собой важную часть региональных исследований в Европе. Такое положение китаеведения обусловлено стремлением европейских стран поддерживать стабильные отношения с Китаем как со страной, занимающей лидирующие позиции в современной системе международных отношений. С ростом экономики Китая возрастает и потребность в детальном изучении этой страны. В XXI в. «китайский феномен» изучают не только самые развитые страны Европы, но и страны, которые только начинают приобретать значимость на мировой арене, для них изучение Китая является одним из главных инструментов на пути к развитию.

В современном европейском понимании китаеведение — это междисциплинарные исследования, которые включают в себя в первую очередь изучение международных отношений, стратегического планирования, политических наук и экономики страны. Основной целью всех европейских научных центров является улучшение понимания аспектов взаимодействия ЕС с Китаем, поэтому научная деятельность направлена на исследования современных проблем в контексте глобализации и поиск способов их решения. Однако без изучения языка, истории и культуры понимание страны невозможно. Данные аспекты представляют неотъемлемую часть региональных исследований, именно поэтому в европейских университетах функционируют факультеты, которые занимаются изучением китайской культуры [70].

В совокупности образовательные программы подобного рода дают фундаментальные и актуальные знания, которые помогают исследователям, политикам, экономистам, дипломатам найти релевантные подходы в своей профессиональной области.

1.4. КОРЕЕВЕДЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Факты всемирной истории указывают на то, что в Европе стали получать сведения о Корее и интересоваться происходящим на Корейском полуострове раньше, нежели жители Кореи стали серьезно заниматься изучением европейских стран. Изначально информация о Корее поступала в Европу в виде сведений, привезенных путешественниками из экспедиций и предоставляемых европейскими миссионерами. Интересно и то, что первоначально Корея воспринималась европейцами скорее как «приложение» к Китаю или Японии, нежели как отдельная страна с собственной культурой. Добавим, что в период проникновения первых знаний о Корее в Европу, а именно в XVII–XIX вв., большинство представителей западных стран при подготовке изданий о Корее находились под влиянием ведущих концепций этого периода – идеи империализма, цивилизаторской миссии белого человека, представления о «недоразвитости» и «варварстве» стран Востока, культурном превосходстве стран Запада. Зачастую стремление собрать информацию о Корее объяснялось намерением оценить ресурсный потенциал территории с целью приобретения новой колонии в дальнейшем. Как обнаруживается при анализе западных работ, авторы нередко использовали эпитеты «варварский», «дикий» и «примитивный» по отношению к Корее, кроме того, часто в работах фигурировали и образы «закрытая страна», «страна-отшельница», «запретное государство».

Многие ученые разделяют точку зрения, что изучением Кореи долгое время не занимались в западных странах,

игнорируя эту сферу регионологических исследований. Только в середине XX в. ситуация изменилась в лучшую сторону, прежде всего, благодаря созданию первых европейских ассоциаций корееведения.

Ассоциация корееведения в Европе (The Association for Korean Studies in Europe), ведущая научная организация корееведов в Европе, была основана в Лондоне 30 марта 1977 г. 31 ученым-европейцем с целью стимулирования изучения Кореи и координирования этого процесса во всех странах Европы.

Основными целями Ассоциации являются следующие [317]:

- организация академических конференций раз в два года;
- публикация ежегодного информационного бюллетеня, на данный момент издано 29 выпусков;
- организация обменных программ европейских лекторов каждый год.

Стоит сказать, что большинство первых членов Ассоциации были юны, неопытны и не имели никакого авторитета в науке. Единственным исключением являлся профессор Лейденского университета (Нидерланды) Фриц Вос, известный японист и кореевед. Вос впервые побывал в Корее в 1950 г., позднее именно благодаря его деятельности началось преподавание корейского языка в Лейдене. Этот ученый и стал первым президентом Ассоциации [368].

Еще одним специалистом, много сделавшим для развития организации и становления корееведения в Европе, был профессор Бруно Левин, немецкий японист, кореевед и лингвист.

Безусловно, первые несколько конференций стали значимыми событиями, позволившими европейским корееведам обзавестись новыми научными контактами, обмениваться идеями, что привело к продвижению корееведения в научных кругах Европы.

30-я конференция Ассоциации запланирована к проведению 28–31 октября 2021 г. во Франции. Тематика об-

суждаемых вопросов достаточно широка: это и вопросы корейского языка, древней и современной истории, литературы, государства и права, восточной философии, а также проблемы, остро стоящие в XXI в., – будущее корееведения в глобализованном обществе, экологическая обстановка в Корее, политическая гомофобия, защита прав человека и многое другое [317].

В трактовке Ассоциации трансдисциплинарный подход к содержанию корееведения значительно расширен и выходит за рамки страноведения в классическом понимании.

Британская ассоциация корееведения (British Association for Korean Studies, BAKS) образовалась в конце 1980-х гг. с целью поддержки и продвижения корееведения в Великобритании. В деятельность организации входит поощрение преподавания и изучения любых аспектов корееведения посредством организации академических мероприятий и издания рецензируемого журнала «Европейский журнал корейских исследований» (European Journal of Korean Studies (ранее Papers of the British Association for Korean Studies)). Ассоциация также учредила две стипендии на годичное обучение в Корее для студентов и аспирантов.

В Совет Ассоциации входят ученые, кураторы музеев, библиотекари и члены Министерства иностранных дел, интересующиеся корееведением [91].

С 1987 г. организуется ежегодная серия конференций и воркшопов в разных местах страны. Тематика мероприятий крайне обширна: археология, искусство, экономика, литература, политика, общество.

Стоит также упомянуть, что вместе с партнерскими организациями (Британскими ассоциациями китаеведения и японоведения) Ассоциация корееведения приняла участие в четырех совместных конференциях: в 1994 г. тема конференции была заявлена как «Восточноазиатский национализм», в 1997 г. – «Восточная Азия в постколониальную эру», в 2001 г. – «Глобализация и регресс», в 2014 г. – «Динамичная Восточная Азия – прошлое и будущее» [126].

Французская ассоциация корееведения (Association Française Pour l'Etude de la Corée) была создана в 1986 г. с целью академического развития корееведения во Франции, она объединяет как специалистов, так и любителей корееведения, регулярно встречающихся на конференциях, организованных совместно Ассоциацией и различными исследовательскими центрами, на которые приглашаются французские корееведы и их зарубежные коллеги.

Добавим, что одним из президентов Ассоциации был выдающийся специалист по корееведению Александр Гильемоз (2003–2007) – один из немногих специалистов в мире по шаманизму в Корее, директор Центра по исследованиям Кореи в Высшей школе социальных наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales) в Париже (1999–2006 гг.), директор лаборатории корееведения (1994–2005 гг.) Университета Париж-7, президент Европейской ассоциации корееведения (2003–2007 гг.), автор многочисленных научных работ по корейскому шаманизму [446].

Чешско-корейское общество (до 1993 г. Чехословацко-корейское общество) (Česko-korejská společnost) ведет свою историю с 1990 г., когда в Праге состоялось его первое собрание. Основным направлением деятельности общества было и остается расширение знаний о Корее в Чехии, углубление и поддержка контактов между двумя странами в сферах культуры, образования, науки и технологий, экономического сотрудничества, туризма, спорта и др. С момента основания было проведено несколько важных мероприятий. Например, в 1990 г. при поддержке Карлова университета, Сеульского форума по международным делам и Общества был проведен чешско-корейский симпозиум на тему «Политическая и экономическая ситуация и проблемы в Корее и странах Азиатско-Тихоокеанского региона».

Общество постоянно организует образовательные мероприятия в различных регионах Чехии, знакомящие с корейской культурой, включая ежегодный крупнейший фестиваль корейской культуры в Чешской Республике «Дни Кореи в Моравско-Силезском крае».

Веб-сайт <http://www.cks-korea.cz/> является наиболее посещаемой страницей, посвященной современным чешско-корейским отношениям. На сайте содержится база данных по развитию отношений в сфере культуры, политики и образования.

Диапазон деятельности организации чрезвычайно широк. Безусловно, Общество занимается скорее культурно-просветительской и образовательной работой, нежели научной, однако данная сфера также играет существенную роль в успешности процессов глобализации и интеграции [413].

Таким образом, представляется возможным утверждать, что изучение Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, а также его субрегионов по отдельности имеет значительный интерес для европейских регионологов. Целью нашего исследования не является подробная характеристика особенностей изучения каждого субрегиона, тем не менее на примере развития трех регионологических направлений – американистики, китаеведения и корееведения – явно прослеживается тенденция к росту востребованности исследований подобного рода в европейском научном пространстве. Кроме того, в Европе активно функционируют и многочисленные научные центры по изучению Азии в целом. Назовем лишь два из них.

Международный институт азиатских исследований (The International Institute for Asian Studies) в Лейдене (Нидерланды) – это крупный научно-исследовательский институт, являющийся платформой для обмена опытом представителей всего мира. Цель учреждения – способствовать лучшему и более интегрированному пониманию современных азиатских реалий и переосмыслению азиатских исследований в меняющемся глобальном контексте.

Институт стремится стимулировать диалог между учеными и другими экспертами со всего мира, действуя таким образом в качестве глобального посредника, объединяя академические и неакадемические организации (культурные, общественные и политические) в Азии и других частях мира.

Большая часть научно-исследовательской деятельности осуществляется в рамках трех тематических кластеров: азиатское наследие, азиатские города, глобальная Азия. Выбор подобного подхода объясняется стремлением культивировать синергию и когерентность между людьми и проектами и не исключать никого из участников [96].

Немецкая ассоциация азиатских исследований (Die Deutsche Gesellschaft für Asienkunde) с момента своего основания в 1967 г. является одной из наиболее важных платформ для диалога и формирования мнения об Азии в Германии, фокусируется на текущих событиях в регионе и их предыстории. Интересен подход Ассоциации к своей роли – она видит себя мостом между наукой, политикой, бизнесом и общественностью.

Организация способствует передаче обществу эмпирически обоснованных знаний, полученных в результате исследований Азии, а также обмену наукой и практикой, поддерживает молодых ученых, а также изучение и преподавание азиатских исследований. Общество открыто для ученых и студентов всех специальностей, сотрудников университетов и неуниверситетских исследовательских учреждений, а также для представителей политики, бизнеса и средств массовой информации.

Как научное сообщество специалистов и платформа обмена знаниями Ассоциация предлагает различные форматы для взаимодействия своих членов: предоставление регулярной информации о соответствующих событиях; проведение два раза в год научной конференции; содействие научной деятельности через программу малых грантов; создание регионально ориентированных рабочих групп, которые самостоятельно проводят конференции и семинары; продвижение молодых ученых; издание журнала *Asien*; эксклюзивный доступ к базе данных по Азии и мн. др. [284].

Итак, проанализировав ряд западных организаций по изучению американистики, китаеведения и корееведения, действующих в настоящее время, мы можем констатировать возрастающий интерес к изучению этих регионов в

Европе. В деятельности большинства организаций наблюдается явная смена вектора – переход от описательных страноведческих исследований к рассмотрению научной области с позиций трансдисциплинарности. Глобализационные процессы в мире повлияли и на то, что зачастую объектом изучения видится Азия как отдельный регион, что и находит свое выражение в создании научных учреждений, занимающихся комплексным изучением Азии.

ГЛАВА 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ: ВЕКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ

*В. О. Коробко
О. В. Кузнецова
Н. С. Карачева*

2.1. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ³

Полагаем, что в истории становления региональных исследований на Северо-Американском континенте можно выделить несколько важных дат и событий, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие данного научного направления:

1) 1950 г. – отправная точка в зарождении американской регионологической школы (первое неофициальное собрание ученых, посвященное региональным вопросам);

2) 1954 г. – формальное признание региональной науки как междисциплинарной научной отрасли благодаря созданию Ассоциации региональной науки;

3) 1956 г. – официальное признание Ассоциации в качестве организации, открытие первой докторской программы по региональным исследованиям и создание Регионального научно-исследовательского института.

Кроме того, нам представляется логичным выделить несколько этапов развития регионологического знания:

³ Подробнее развитие регионологического знания в США можно проследить в: Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 363 с. (Трансдисциплинарная регионология).

1. 1939–1953 гг. – период зарождения научного направления, первые попытки организации научных мероприятий.

2. 1954–1968 гг. – начало научной деятельности: создание Ассоциации в США, шаги по установлению взаимодействия с европейскими учеными, образование секций.

3. 1968–1989 гг. – расцвет научной деятельности: активная деятельность по проведению североамериканских заседаний, создание Европейской ассоциации региональной науки, организация Тихоокеанской конференции, учреждение Североамериканского совета, проведение Всемирного конгресса, летних институтов, открытие докторских программ по региональной науке в вузах.

4. 1990-е гг. – определенный научный кризис, анализ достигнутых результатов, поиски новых направлений.

5. 2000-е гг. – по настоящее время – возрождение и глобализация региональной науки, возрастающее осознание необходимости трансдисциплинарного подхода.

2.2. ЗАРОЖДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В США, КАНАДЕ И МЕКСИКЕ, ПОЯВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ

Большинство специалистов склонно утверждать, что наука в Северной Америке формировалась под сильным воздействием европейской научной мысли. Кроме того, на стремительный рост интереса к научным исследованиям и осознание их необходимости повлияли глобальные кризисы первой половины XX в., прежде всего, два крупнейших мировых конфликта.

Поясним, что первоначальный подход к исследованию регионов, естественно, кардинальным образом отличался от существующего в настоящее время. Так, один из специалистов, внесший значительный вклад в становление регионологического знания в США, географ Роберт Б. Холл, считал, что регионоведение (*area studies*) – это область

постклассических исследований, которая фокусируется на древних цивилизациях с акцентом на лингвистическую составляющую [201]. Подобный подход в первой половине XX в. доминировал в американских научных кругах и считался одним из лучших для изучения современных культур. Фактически языковая компетентность и междисциплинарная подготовка стали рассматриваться как необходимые условия для приобретения знаний о регионе и разработки образовательных программ, направленных на достижение целей культурного признания и политического понимания.

Постепенно от моногеографического измерения исследование регионов переходит к многоаспектному рассмотрению, включая международные отношения, экономику, безопасность и др.

Историки сходятся во мнении, что начало холодной войны представляет собой поворотный момент в понимании и осуществлении производства знаний в западных обществах, а также время консолидации многих наук в исследованиях регионов [53]. В рамках данных процессов классическая наука о регионах расширила сферу своих интересов и стала носить название региональной науки, задуманной быть междисциплинарной областью исследований, включающей большинство социальных наук. Согласно У. Айзарду, основателю региональной науки, социология должна была стать существенной частью новой дисциплины. Несмотря на это, исследования о регионах первоначально развивались с небольшим вкладом социологии. В региональной науке стали доминировать экономисты и географы.

В дополнение к уже упоминавшимся академическим и научным аспектам исследований о регионах необходимо сказать, что с момента своего создания региональная наука рассматривалась как проект, тесно связанный с американскими интересами. В таком случае было бы справедливо отметить, что исследования о регионах возникают в результате двустороннего подхода, объединяющего идеологические и научно-образовательные аспекты.

Говоря о воздействии европейских ученых на зарождение науки о регионах на Северо-Американском континенте, упомянем работу немецкого экономиста Иоганна фон Тюнена «Изолированное государство», оказавшую большое влияние на развитие пространственного анализа как в Европе, так позднее в США, Канаде и Мексике. Труды экономиста, развивающие теорию регионального развития, характеризуют **локационное направление** в ранних исследованиях регионов. В данных исследованиях мы можем проследить следующие таксономические уровни: город, регион, страна [405].

В американских⁴, канадских и мексиканских исследованиях долгое время наблюдалось преобладание германского подхода В. Лаунхардта, А. Вебера, В. Кристаллера и А. Лёша. Экономисты также являлись представителями **локационного (размещенческого) направления**, глубоко анализирующего не только пространство, но и время. Главной задачей их исследований было определение наиболее выгодного места размещения предприятий и изучение неравномерного развития территории.

Появление **исторической географии** в XIX в. называют еще одной предпосылкой для оформления региональной науки в качестве отдельной науки. Данная историческая дисциплина получила свое развитие в Соединенных Штатах благодаря историкам Д. Спарксу и Ф. Тернеру. Так, тезис Тернера о том, что социальные институты, существующие в Америке, не были заимствованы из Европы, а появились в результате экспансии новых земель, присутствует в умах американцев до сих пор.

Подход **диффузии инноваций**, используемый еще экономистом Й. Шумпетером в начале XX в., также стал решающим для развития региональной науки. Подход был доработан впоследствии социологом Э. Роджерсом и использовался для объяснения того, как новые идеи и технологии распространяются через разные культуры. Его рабо-

⁴ Под американскими исследованиями мы понимаем исследования США.

ты получили широкое признание в исследованиях по внедрению коммуникаций и технологий и нашли свое отражение во множестве других социальных исследований.

В 1923 г. была создана Ассоциация регионального планирования Америки (Regional Planning American Association), ставящая перед собой цель соединить различные группы людей для совместного улучшения городского пространства и распространения политических идей. В качестве научных подходов представители Ассоциации использовали социологический, этический, обществоведческий и культурологический.

Представляется возможным утверждать, что как такое **региональное направление** возникло в 30-е гг. XX в. с публикацией работ немецкого географа В. Кристаллера. Впоследствии его исследования продолжали экономисты США Э. Гувер, Л. Мозес, Р. Нурксе, У. Ростоу, А. Хиршман, П. Самуэльсон и другие, рассматривающие инфраструктуру городов для быстрого развития и эффективного управления регионами и странами.

Таким образом, в послевоенный период усовершенствовались подходы к региональным исследованиям. Считаем возможным отдельно выделить следующие научные школы и направления:

- 1) локационное (размещенческое) направление;
- 2) школа исторической географии;
- 3) концепция диффузии нововведений;
- 4) школа регионального планирования;
- 5) концепция инфраструктуры.

Не умаляя значимости каждого подхода и направления, сделаем акцент на том, что экономический подход удерживал лидерство, что подтверждает количество региональных исследователей и их публикаций в экономической сфере. Региональная наука, уже упомянутая нами, непосредственно связана с именем У. Айзарда и других выдающихся экономистов, деятельность которых будет рассмотрена в следующем параграфе.

2.2.1. Основоположники региональной науки и вклад Уолтера Айзарда

Несомненно, прослеживается важный вклад существующих ранее научных школ, в основном исторической и экономической, в становление региональной науки.

Еще отец экономики, шотландский экономист Адам Смит (1723–1790), изучал связь между пространством и торговлей, подчеркивая важность доступности пространства. Другие классики экономики, например, англичане Давид Рикардо (1772–1823) и Томас Мальтус (1766–1834), а также француз Франсуа Кенэ (1694–1774) затрагивали важные вопросы пространственной экономики, фактически предпринимая попытки создания междисциплинарного научного поля, сталкиваясь при этом со многими проблемами, включая методологические [203].

Конечно, не стоит забывать и предшественников региональной науки, о которых упоминалось в предыдущем параграфе: И. Тюнен (1783–1850), М. Вебер (1864–1920), Т. Паландер (1902–1972), А. Лёш (1906–1945). Однако сравнивая глубину исследований регионов в их работах, мы приходим к выводу, что действительная история региональной науки началась с деятельности американского экономиста У. Айзарда (1919–2010)⁵, заложившего базис строгой и аналитической дисциплины в 1950-е гг. Структура, разработанная ученым, имела прочную теоретическую и методологическую основу. Кроме того, она строилась на моделировании реальных явлений, рассматриваемых с позиции междисциплинарности.

В 1940-е гг. профессор У. Айзард совместно с другими учеными (в частности, экономистами) пытался разработать более совершенные способы оценки экономической активности на преднациональных территориях. Отметим, что исследователи регионов в то время изучали факторы, влияющие на размещение предприятия в определенном месте,

⁵ Подробнее о деятельности У. Айзарда см. [46].

его влияние на окружающую территорию, внутреннюю миграцию или региональную экономику. Айзард, вдохновленный работами немецких экономистов о пространственной теории, пришел к выводу о необходимости продвижения междисциплинарного подхода для анализа местных и региональных экономик [200].

В 1942 г. У. Айзард стал акцентировать еще большее внимание на **пространственном анализе**, начав работать в Национальном совете по планированию ресурсов в Вашингтоне. Там Айзард познакомился со специалистами в области городского регионального планирования Робертом Бьюкененом Митчеллом и Джорджем Холмсом Перкинсом, которые способствовали дальнейшей работе исследователя в университете Пенсильвании.

Начиная с 1948 г. У. Айзард начал воплощение своей идеи о создании единого форума для обсуждения региональных проблем, вначале надеясь лишь на помощь президентов Американской экономической ассоциации (АЕА) для организации сессий по обсуждению региональных проблем во время конвенций самой Ассоциации. Далее У. Айзард обращался также к социологам и демографам с предложением о создании отдельного комитета по региональным и экономическим вопросам как структуры внутри Исследовательского совета по социальным наукам (Social Science Research Council) [121].

Научные достижения Айзарда обеспечивали не только развитие учения о регионах и экономики, но и обобщение материала по экологии, транспортной логистике, конфликтологии. Его подход служил ярким примером междисциплинарности в региональной науке. Так, с начала 1950-х гг. У. Айзард заявлял, что региональная наука должна была стать полем для социологии.

Так чем же являлась региональная наука для У. Айзарда? Мы не можем односложно ответить на этот вопрос, так как сам «отец региональной науки» выделял более 13 ее определений. Согласно Айзарду, очевидно, что из множества определений ни одно не может считаться лучшим

или более совершенным. Речь идет о том, что «каждому исследователю необходимо разработать или синтезировать свое собственное определение с помощью анализа литературы об исследованиях региона» [205].

2.2.2. Начало изучения регионов в Канаде

Научный регионологический дискурс в Канаде отличается от дискурса США и Европы. Это определенный остов, детально анализирующий культуру, географию, экономику и историю. Представляется, что его отличительная черта – четкое разграничение технологии и ландшафта. Начиная со своих истоков, канадская наука, инновации и технологии подстраивались под определенные регионы и провинции, их экономическое развитие и позднее формирование промышленных кластеров.

Примечательно, что региональные проблемы в Канаде стояли особенно остро уже на этапе становления государства. Еще со времен заселения Новой Франции (французских колоний в Северной Америке) благосостояние территории зиждилось на коммерческих связях с внутренними районами. Объединение в конфедерацию было достигнуто при помощи построения баланса региональных интересов между территориями Нью-Брансуик и Новой Шотландией [410].

Уже в 1871 г. рассмотрение вопросов **региональной экономики** привело к решению Британской Колумбии (западная канадская провинция) стать доминионом. Решение вопросов постройки дорог, эксплуатации ресурсов, введения тарифов и влияние, оказываемое на провинции из федерального центра, – все это являлось характерными признаками ранней государственной политики Канады.

Канадские региональные исследования возникли, как и в Америке, на базе обсуждения разногласий по политическим, экономическим, классовым и экологическим вопросам. Исследователи, участвовавшие в этих дискуссиях, разнились по своим научным интересам от социологов (И. Аткинсон) до анархистов (О. Джексон), от географов

(Ч. Кэмселл) до экономистов, от планировщиков (Г. Блюменфельд) до политэкономистов (Г. Иннис). Итак, предлагаем провести обзор ключевых этапов деятельности основателей региональной науки в Канаде.

Вопросы **регионального неравенства** имеют долгую историю. Эмпирические доказательства указывают, что процент регионального неравенства в Канаде на протяжении истории оставался довольно высоким, превышая уровень США и стран Европы на 50 % [269]. Итогом данных процессов явилось появление анархического движения, выступавшего против политического и экономического контроля государства. Одним из представителей движения являлся Оноре Джексон, личный секретарь политика Луи Риеля, выступавшего за права коренных народов. Он призывал к тому, чтобы все оппозиционные группы в северо-западном регионе страны работали вместе на благо общей справедливости [361].

Анархистское направление региональных исследований в Канаде представлено и инициативами Джорджа Вудкока. Будучи поэтом, критиком, историком и путешественником, он отражал веру в необходимость революционных изменений в обществе. В 1940 г., невзирая на финансовые трудности, Вудкок начал издавать революционный журнал *Now*, а также работал на издательство с анархистскими взглядами *Freedom Press* [190].

Джордж Вудкок обосновывает мысль о том, что регионы, озабоченные своей самобытностью, должны преодолеть все ограничения, навязанные национальным правительством, и занять свои собственные места в расширяющемся мире. При этом соратники Вудкока говорили о необходимости быть осторожными, ведь регионализм, нередко связываемый с национализмом, имеет свои плюсы и минусы. Он может принимать открытые и закрытые формы. Так, по мнению канадского политолога Филипа Резника, регионализм состоит в озабоченности граждан вопросами своей территории, что спустя время может привести к некому шовинизму относительно других регионов [336].

Следующей наукой, внесшей свой вклад в региональные исследования в Канаде, стала **география**. Данная наука занималась, в частности, анализом концепций региональной культуры как основы для стабильных отношений между человеком и природой. Одним из выдающихся канадских географов являлся Чарльз Кэмселл.

В 1929 г. исследователь и его сподвижники основали Королевское канадское географическое общество. Целью его создания являлось обширное и глубокое изучение географии Канады и анализ взглядов ученых на ее будущее. Однако создатели и не предполагали, что североамериканская нация находилась на пороге Великой депрессии. Тем не менее первая официальная встреча общества состоялась в январе 1930 г. [165].

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос об открытости Географического общества для всех сфер. Первыми управленцами в нем были довольно известные научные деятели. Один из них – геолог и картограф Джозеф Берр Тиррелл (1858–1957). Будучи также историком, Тиррелл исследовал обширные северо-западные территории Канады, используя данные своих предшественников и приобретая новые.

За предпринятые попытки раскрытия сущности канадских территорий ученый получил многочисленные награды от университетов и ученых сообществ: награду от Королевского географического общества в 1896 г.; премию шотландского географа Мерчисона от Лондонского географического общества в 1918 г.; медаль имени президента Американского географического общества Чарльза Дейли; премию канадского бизнесмена Джозеффа Уэсли Флавелла от Королевского общества Канады в 1947 г. и др.

Тезис о том, что региональные неравенства исчезнут полностью, представлялся канадскому научному сообществу весьма спорным, кроме того, необходимо было обратить внимание на тот факт, что данному феномену всегда сопутствует увеличение **социальных неравенств**. Канадские социологи, в свою очередь, были заинтересованы в ре-

гиональном развитии, но не показывали огромного желания заниматься построением истинно региональной науки, несмотря на то что уделяли большое внимание регионализму и региональному неравенству [137].

Первым социологом, о котором пойдет речь в работе, будет Исабел Аткинсон (1891–1968). В подростковом возрасте Аткинсон перебралась с матерью в Соединенные Штаты, где начала выступать за права женщин. В 1914 г. семья переехала в Керрберт, Саскачеван, где Исабел начала работать бухгалтером, а также внесла немалый вклад в открытие местной библиотеки, где она провела немало времени, подробно изучая социальные вопросы.

Позднее Аткинсон переехала в Саскатун, где еще больше внимания стала уделять изучению вопросов социальных услуг и здравоохранения. Данный интерес позволил ей осуществить путешествия в страны Содружества в 1948–1949 гг. с целью анализа этих проблем. О своих путешествиях Аткинсон опубликовала немало статей в газетах [328].

Следующим социологом, внесшим вклад в развитие исследований, посвященных регионам Канады, является Хелен Макгилл Хьюз (1903–1992). Хьюз родилась в Ванкувере, где в дальнейшем обучалась в Университете Британской Колумбии. Хьюз получила степень бакалавра экономики и немецкого языка в 1925 г., а магистерскую степень – уже по социологии в Чикагском университете, работая непосредственно с выдающимся американским социологом Робертом Парком.

Два года Хьюз с супругом проживали в Германии. Этот опыт способствовал написанию ее диссертации по теме *The Human-Interest Story: A Study of Popular Literature*. После окончания обучения Хелен Макгилл Хьюз продолжала писать статьи о социологии и массмедиа [213].

В начале XX в. начало бурно развиваться **региональное планирование**. В 1919 г. был учрежден Канадский институт планирования (*Canadian Institute of Planners*), занимающийся вопросами землепользования, ресурсов,

сферы услуг с целью обеспечения физической, экономической и социальной эффективности, здоровья и благополучия городских и сельских общин [95].

Среди ученых того времени следует выделить немецко-канадского специалиста Ганса Блюменфельда (1892–1988). Блюменфельд, произошедший из семьи работников банковского сектора, интересовался архитектурой. После участия в Первой мировой войне он продолжил обучение и написал магистерскую диссертацию на тему отношений между формой города и его функциями. В качестве основного вклада в развитие регионального планирования обычно называют его видение мегаполиса как нового городского организма, чей уникальный масштаб и структура требуют особого подхода [204].

Таким образом, канадская региональная наука на ранних этапах касалась множества акторов и уровней: от локального и регионального до международного. Последующие подходы исследователей выводились из многоуровневого управления государством, активов и их интеграции, экономических инноваций и социального положения регионов. Эти концепции региональной науки через некоторое время станут глобальными в их создании и применении [387].

2.2.3. Начало изучения регионов в Мексике

В Мексике важность независимого развития исследований регионов стала очевидной еще в XIX в. и была связана с продвижением экономического развития, а также с совершенствованием географической и исторической науки. Вначале предлагаем остановиться именно на **историческом дискурсе**. Так, после изгнания французских войск с мексиканской территории в июле 1872 г. президент Бенито Пабло Хуарес был переизбран, однако вскоре скончался. После его смерти управление государством было передано в руки Себастьяна Лердо де Техада, который успешно продолжил продвигать реформы Хуареса.

В 1877 г. Техада был свергнут Порфирио Диасом, основной политической курс которого являлся полный внутренний контроль над всеми государственными проблемами. Диас продолжал свое правление вплоть до начала XX в., при этом в значительной степени опираясь на определенные группы общества, в числе которых были и ученые. Порфирио Диас известен своими шагами, предпринятыми для развития инвестиций в научных исследованиях, так как считал их средством экономического роста наравне с привлечением в страну иностранных корпораций и капитала [122].

Экономический рост был бы невозможен без развития науки, в особенности **географии**. Именно с ее помощью и при содействии институциональной консолидации исследователей географии начался расцвет и других научных исследований. Учитывая важность научных знаний о территории при осуществлении политического контроля и управления, Диас отводил значительное место образованию новых институтов для модернизации и развития государства.

Несмотря на то что существует несколько точек зрения на данную проблему, революционное движение 1910 г. считается большим достижением, так как вооруженный конфликт по прошествии времени привел к крупным переменам для всего государства. По окончании деятельности движения его идеологи начали представлять не только политическую, но и научную значимость. Исходя из этого конституционное правительство постановило, что такие структуры, как Географическая исследовательская комиссия (Comisión Geográfico Exploradora), Геодезическая комиссия (Observatorio Meteorológico) и другие, должны сделать Мексику еще более привлекательной для колонизации вдобавок к имеющейся свободной и плодородной территории и существующим центрам торгового сотрудничества [108].

Остановимся на основных моментах деятельности правительства в вышеуказанном направлении. Так, 26 февраля 1915 г. был издан документ, в котором подробно излагался процесс реорганизации Министерства развития (Ministerio de Fomento) в связи с созданием новой админи-

стративной структуры. В этом предложении определенно прослеживалась логика, отличная от предыдущей и имеющая четкое видение регионального развития. Новая структура находилась в поиске путей обогащения нации, не забывая при этом о культуре исследований и производственного развития, ориентированного на экспорт полезных ископаемых и нефти, в развитии новых отраслей промышленности, распределении земель, разумной эксплуатации лесов, развитии систем орошения и в конечном счете в социальном развитии.

Для образования новой организации использовалась концепция территориальных ресурсов, утверждающая важность нужд народа в основном по вопросу распределения земель, что являлось необходимым для социальной справедливости. Так, была организована Дирекция по географическим и климатологическим исследованиям (*Dirección de Estudios Geográficos y Climatológicos*), которая была возглавлена географом и астрономом Педро Санчесом.

Важно отметить, что Санчес занимал особое место в мексиканской науке: географии, геодезии, картографии, географическом детерминизме. Период его жизни охватывает целых две Мексики: до революции и после 1910 г. В то время исторические события создавали новую политическую и экономическую реальность. Это было особенно сложное время для Мексики, включающее ранее не известные административные процедуры и принятие конституции [108].

Необходимо добавить, что еще одним исследователем регионов в историческом направлении являлся Хосе Фернандо Рамирес (1804–1871), юрист, политик, журналист, директор Национального музея. Благодаря разнообразным знаниям библиография Рамиреса также широка: исторические и археологические произведения о колониальной и национальной мексиканских эпохах. Среди них особенно выделяются *Diario de las operaciones militares de la división que al mando del General José Urrea hizo la campaña de*

Tejas (1838 г.); *Notas y esclarecimientos a la Historia de la Conquista de México* (1844–1845 гг.) и др. [432].

Хосе Фернандо Рамирес был основателем одной из первых масонских лож, а также являлся организатором патриотического общества Мексики. Надо сказать, что Рамирес был сторонником федералистов и защищал права генерала Висенте Герреро на пост президента республики. Достигнуть этого не удалось, и позже он был свергнут с должности прокурора и изгнан из государства в результате переворота в начале 1830 г.

Следует признать, что вышеуказанные инициативы регионального развития стимулировали эволюцию в экономике, политологии, социальной среде и истории. В это время начали появляться ученые, занимающиеся региональной экономикой, при этом работающие в других научных, технических и военных сферах, например, Мануэль Ороско и Берра. Среди его работ, внесших вклад в исследования о регионах, отметим *Apuntes para la historia de la geografía en México*, *Memoria para el plano de la Ciudad de México*, *Geografía de las lenguas y carta etnográfica de México* [433].

Важным является то, что большинство работ Берра представляют немалую ценность вследствие их широкой направленности (от истории до географии). Помимо того, что Мануэль Ороско и Берра описывал такие исторические процессы, как завоевание Мексики, он не забывал о социальных и культурных характеристиках, в частности, мексиканского и испанского народов. Некоторые ученые считают, что идеи Берра во многом определили развитие Нового Света, ведь наравне с историческими описаниями автор старался выразить свое экспертное мнение касаясь политической ситуации [434].

Интересно, что одним из первых ученых в сфере исследований регионов в 30-е гг. XX в. являлся инженер, дипломат и политик Мануэль Меса Андрака. В 1910 г. Андрака поступил в Автономный Университет Чапинго, который закончил, получив профессию агронома. В тече-

ние года работал как топограф для нефтяной компании Мексики. Первое региональное деление описано в его автобиографии *Mi encuentro con Cárdenas*, представляющей деятельность группы ученых для Национального мексиканского автономного университета (Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM) об условиях в сельской местности.

Достоин внимания, что Мексика в данном труде разделяется на 8 регионов. Считается, что исследование было сделано для продвижения аграрной реформы. Регионализация Мануэля Меса Андрака была признана как первая ступень развития мексиканской региональной науки после революции.

Представляется важным упомянуть еще одного человека, продвигавшего исследования регионов в Мексике, – генерала Ласаро Карденаса (1895–1970). Благодаря Карденасу осуществлялась работа в бедных и незаселенных районах страны. С его приходом в правительство в 1936 г. была введена целая серия реформ для установления политической, социальной и экономической инфраструктуры [104].

Известно, что крестьяне и рабочие поддерживали Ласаро Карденаса в его радикальных земельных реформах, а также в национализации иностранных нефтяных компаний. В аграрной реформе генерал видел выход из экономического кризиса: более 15 млн га было отдано в пользование крестьянам. Карденас распределял не только сельскохозяйственные владения, но и агропромышленные комплексы. В результате крестьяне занимались коллективным производством и в некоторых регионах преуспели даже в смещении неудобного им местного правительства [231].

Нельзя не согласиться с тем фактом, что с течением времени все больше ученых предлагали свои способы территориального деления. Так, инженер Эмилио Аланис Патиньо разбивал территории на зоны, регионы и экономические округа. Исследование было проведено с помощью Главного мексиканского статистического управления (Dirección General de Estadística). Имея прочную теоретическую подготовку, Патиньо стал одним из новаторов региональной науки в Мексике, подчеркивая, что социально-

экономическое и географическое деление региона отличаются от его традиционного концепта [425].

Подводя итог анализу, можно утверждать, что начало непосредственно региональных и урбанистских исследований в Мексике научными институтами и учеными приходится на 40-е гг. XX в. Кроме поддержки научных исследований, институты занимались улучшением своей инфраструктуры. Несмотря на вышеуказанные достижения, существовали и определенные проблемы, не позволяющие науке, в том числе и о регионах, играть фундаментальную роль. Среди наиболее важных проблем выделяются следующие: ограниченное число участников научного сообщества, концентрация научных и технологических институтов в столице, невозможность многих университетов проводить исследовательскую и образовательную политику, недостаточность центров для послевузовского профессионального образования [428].

2.3. РОСТ ИНТЕРЕСА К ИССЛЕДОВАНИЯМ РЕГИОНОВ В 50-Х ГГ. XX В., СОЗДАНИЕ АССОЦИАЦИЙ И ЛАБОРАТОРИЙ

Нельзя не отметить тот факт, что в США бурное развитие исследований о регионах было связано с возникновением определенных организаций, среди которых необходимо выделить уже упомянутую нами Американскую экономическую ассоциацию, большая встреча участников которой состоялась 29 декабря 1950 г. в Чикаго, Иллинойс. Встреча 27 членов заключалась в обсуждении междисциплинарной природы региональной науки и необходимости разработки новых концепций. Участники выдвинули предложение о проведении аналогичной встречи летом и создали комитет для ее организации. Однако когда идея должна была получить материальное оформление, процесс был застопорен. Эта неудачная попытка заставила У. Айзарда и его коллег приложить еще больше усилий для стимулирования исследований регионов.

С 1951 г. все сессии по региональной науке были организованы на базе встреч экономических, географических, политических и социологических ассоциаций. В течение трех лет было проведено больше 20 встреч. На протяжении этого периода Айзард начал преподавать региональную экономику на кафедре городского и регионального планирования в Массачусетском технологическом институте [121].

Наконец, была реализована новаторская идея о создании **Ассоциации региональной науки** (Regional Science Association), первая встреча участников которой состоялась 27 декабря 1954 г. на базе собрания участников Американской экономической ассоциации в Детройте, Мичиган.⁶

Формальная организация Ассоциации происходила постепенно. Междисциплинарный комитет занимался написанием конституции и ее распространением в июле 1955 г. В итоге конституция была ратифицирована 15 августа 1956 г. В 1956 г. Ассоциация была официально признана как организация социальных наук и включена в Объединенную ассоциацию социальных наук (Allied Social Science Associations).

Укрепляя престиж Ассоциации, У. Айзард не забывал и о необходимости подготовки кадров – будущих членов. После неудачной попытки создания докторской программы по региональной науке в Массачусетском технологическом институте, он искал новые способы развития дисциплины. Пенсильванский университет, находящийся в поиске новых исследователей, среди которых были экономист из США Лоуренс Клейн и сам Айзард, предоставил данную возможность. Макроэкономические модели Клейна по национальной, региональной и мировой экономике впоследствии принесли ему Нобелевскую премию. А 13 апреля 1956 г. считается днем создания новой образовательной программы по региональной науке [121].

Очевидно, что в дополнение к журналам издание монографий и учебников тоже являлось необходимым усло-

⁶ Подробнее об этапах создания Ассоциации см. [Кузнецова, Карачева, 2020].

вием для развития исследований регионов. Публикация книг не была легким процессом, но в 1956 г. У. Айзард представил свой труд Location and Space Economy. Это был большой успех, который привел к появлению следующих трех работ Айзарда с соавторами: Industrial Complex Analysis and Regional Development (1959 г.), Methods of Regional Analysis; an Introduction to Regional Science (1960 г.), General Theory: Social, Political, Economic, and Regional, with Particular Reference to Decision-making Analysis (1969 г.) [121].

Следует подчеркнуть, что вышеуказанные труды служили базисом для обучения студентов в Пенсильванском университете, где в 1958 г. была создана **кафедра региональной науки**.

Первая докторская степень была получена подающим надежды американским экономистом Уильямом Алонсо, который, как и другие исследователи, перебрался для этого в Филадельфию. Научные достижения Алонсо отражены в таких публикациях, как The Core of Regional Science (1958 г.), Industrial Location and Regional Policy in Developing Countries (1968 г.) и др. [259].

В 1960-е гг. распространилась практика создания **Летних институтов исследований регионов** в Калифорнийском университете в Беркли. После чего в 70-е гг. внимание ученых из смежных областей (экономика, география и др.) было приковано к росту университетских программ по исследованиям регионов. Надо отметить, что первой образовательной попыткой Айзарда вне Пенсильванского университета являлось создание проекта ландшафтной архитектуры в Школе дизайна Гарвардского университета. Со временем У. Айзард распространил эту программу и в Корнелльском университете в Нью-Йорке, где в 1972 г. была разработана **докторская программа** по региональной науке.

После укоренения исследований регионов в Пенсильвании Айзард обратил свой взор на остальной мир. 1962 г. ознаменован стремительным увеличением количества встреч ученых, занимающихся исследованиями регионов.

Ввиду того, что с каждым разом становилось очевиднее, что Североамериканские встречи, как и другие успешные секции на этом континенте, находились в противостоянии с остальным миром, советом Ассоциации рассматривался вопрос о ее реорганизации. Дилемма обсуждалась во время Балтиморских встреч 1987 г. и Торонтских встреч 1988 г. совместно с написанием чернового варианта конституции Североамериканского совета региональной науки (North American Regional Science Council). Совет был организован в 1989 г. в Санта-Барбаре, Калифорния.

Вследствие создания трех надрегиональных организаций (The Pacific Regional Science Conference Organization, The North American Regional Science Council, The European Regional Science Association) Ассоциация все же была реорганизована в 1989 г. В конституции было утверждено новое название **Международная ассоциация региональной науки** (Regional Science Association International) [343].

По нашему мнению, в заключение необходимо упомянуть и другие важные персоналии, внесшие свой вклад в исследования регионов во время их расцвета в Соединенных Штатах (президенты ассоциации): планировщик Роберт Б. Митчелл (1906–1993), географ Эдвард Ульман (1912–1976), экономист Эдгар М. Гувер (1907–1992), географ Уильям Гаррисон (1924–2015), политолог Уильям Линдус Коди Уитон (1913–1978), экономист Чарльз Левен (1928–2011), географ Уильям Варнц (род. 1922 г.), планировщик и экономист Бенджамин Х. Стивенс (1929–1997), экономисты Бенджамин Чиниц (род. 1924 г.) и Леон Мозес (1924–2013) и др.⁷

По убеждению некоторых исследователей, в Канаде важные региональные данные были опубликованы еще до Второй мировой войны, но Великая депрессия не позволила осознать их значимость для общества. После войны все больше данных о региональных диспропорциях в области

⁷ Подробнее о деятельности некоторых региональных экономистов см. [Коробко, Кузнецова, 2020b].

развития и занятости становились доступны, что неизбежно оказывало влияние на общественное сознание и на политиков, подобно тому, как это отражалось на национальных различиях статистических данных, публикуемых ООН или Всемирным банком. Представители канадских приморских провинций, например, теперь имели доступ к документам, свидетельствующим об относительной отсталости их развития по сравнению с другими регионами [151].

Говоря о развитии непосредственно региональной науки в Канаде, мы не можем еще раз не упомянуть вклад **социологии**. Еще в довоенное время группа социологов, возглавляемых Гарольдом Иннисом вместе с канадским статистиком Робертом Х. Коутсом, пыталась сформировать исследовательский комитет для мониторинга сведений из целого множества дисциплин по всей стране. В результате была создана Федерация общественных и гуманитарных наук Канады (Federation for the Humanities and Social Sciences). Федерация выступает за продвижение исследований и обучения, сотрудничая более чем со 150 университетами Канады [90].

Еще до начала 50-х гг. XX в. политики многих стран были обеспокоены необходимостью территориальных изменений и их трансформации. Изучение пространственного и регионального строения общества стало важной политикой во многих государствах. Обеспокоенность региональными проблемами равным образом была связана с доступом к статистическим данным. Ведь их наличие – явление сравнительно недавнее. В большинстве западных государств способность национальных статистических агентств производить и сообщать такие данные стала эффективной только после Второй мировой войны. Одну из первых попыток изучения этих явлений в междисциплинарном ключе предпринял американо-канадский экономист Карл Поланьи [240].

В большинстве промышленных государств проходили процессы урбанизации. По мнению многих исследователей, города в Канаде разрастались в беспрецедентных масшта-

бах [351]. Урбанизация привела к потребности в региональных планировщиках и урбанистах. **Региональные и урбанистские проблемы** тесно переплетались в академической и научной сфере, поэтому проблемы в одной области вызывали слабость другой. Тем не менее с 1950-х гг. происходил расцвет регионального планирования, с помощью которого преодолевались трудности, объединенные пространственным фактором. Одним из выдающихся урбанистов того периода мы считаем Гарольда Спенс-Сейлза. Его публикации *A Guide to Urban Dispersal* (1956 г.) и *Beautifying Towns* (1967 г.) внесли весомый вклад в развитие городского и регионального планирования и оказались крайне полезны для следующего поколения городских и региональных планировщиков.

Согласно гипотезам исследователей, региональная наука в 1950-е гг. представляла собой все то же смешение деятельности архитекторов, инженеров и планировщиков [367]. Созданный еще в начале XX в. Институт планировщиков Канады (*Canadian Institute of Planners*) продолжал свою деятельность по проектированию участков для землепользования и разработке государственной политики. Сейчас этот институт также тесно сотрудничает с независимыми ассоциациями и другими институтами по планированию, расположенными сразу в нескольких провинциях. Наиболее известным из них является Институт планирования Британской Колумбии (*PIBC*), сформированный в 1958 г. Работники *PIBC* осуществляют работу в государственном и частном секторе в различных областях планирования: землепользовании, региональном и муниципальном планировании, управлении ресурсами, планировании политики, сохранении наследия и многих других [93].

Помимо исследований в сфере социологии и планирования, в канадской региональной науке 1950-х гг. мы можем выделить и **экономическое направление**. Так, исследования экономиста Тома Куршена казались довольно провокационными. Выделяются публикации *General Equilibrium Models and the World Payments System*, *Interprovin-*

cial Migration and Economic Adjustment (1970 г.), The Role of the Provinces in Regional Economic Development, Alternative Regional Development Objectives and Strategies in a Federal State (1976 г.), Regional Economic Policy (1977 г.), The Transfer System and Regional Disparities (1978 г.) и др. [389].

Таким образом, одним из последствий развития экономического направления региональной науки явилась организация Канадской экономической ассоциации (Canadian Economics Association) в 1966 г. Сама ассоциация способствовала основанию Департамента региональной экономической экспансии (Department of Regional Economic Expansion) в 1969 г. Но региональные проблемы оставались острыми. Ведь доходы в атлантических провинциях не достигали национального уровня, и вероятность изменения ситуации была минимальной. Обстоятельства осложнялись из-за фискального федерализма – системы экономических отношений, при которой все уровни правительства разделяют между собой налоговые полномочия [264].

Другая организация, осуществляющая непосредственное участие в исследованиях регионов, – Совет по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук (Social Sciences and Humanities Research Council), созданный в 1977 г. С помощью Совета учреждались гранты для посещения ежегодной встречи Ассоциации региональной науки в Канаде, речь о которой пойдет ниже. К тому же Совет стал тесно сотрудничать с учебными заведениями, например, с Королевским военным колледжем (Royal Military College of Canada), Колледжем полиции (College Canadian Police), отметим, что данная деятельность ведется и в настоящее время [166].

Канадская ассоциация региональной науки (Canadian Regional Science Association) была учреждена лишь 28 мая 1977 г. в Галифаксе, Новая Шотландия. В эти же дни проходила встреча Северо-восточной секции Ассоциации региональной науки (The Northeast Regional Science Association). Итак, Ассоциация стала первой в Канаде организацией, посвященной целиком и полностью ис-

следованиям регионов. Хотя ее члены были разнообразными выходцами из государственного и частного сектора и представителями таких наук, как экономика, география, планирование, социология и политология.

Кроме того, одним из стимулов для исследователей регионов являлось научное сотрудничество, представляющее собой совместные публикации. В 1978 г. был создан журнал *The Canadian Journal of Regional Science*, который обозревал широкий круг междисциплинарных вопросов: урбанистика, социология, экономика, география, политология. Его создание представлялось необходимым, учитывая размер государства, различия провинций и их экономики, существование немалого количества культурных групп. *The Canadian Journal of Regional Science* был учрежден на базе центра региональных и урбанистских исследований в Институте общественных отношений университета Далхаузи в Галифаксе (<https://idjs.ca/en/cjrs/>).

Среди членов молодой канадской Ассоциации присутствовало немало практикующих политиков, которые в дальнейшем оказывали содействие при публикации работ, организации встреч и семинаров. И действительно, при обзоре содержания *The Canadian Journal of Regional Science* поначалу обнаруживается обилие статей о государственной политике, сбалансированных теоретическими и математическими работами. К тому же политика должна была быть по-настоящему действенной, ведь, помимо территориальных неравенств, среди провинций существовали определенные разногласия между центровыми и периферийными секциями Ассоциации.

Анализируя тот исторический период, мы можем предположить, что каждая периферийная секция поначалу испытывала трудности при включении в глобальную структуру Ассоциации посредством встреч. Среди проблем особенно выделяется культурный шок, через некоторое время повлекший за собой столкновения в интеллектуальном плане. Не стоит забывать и о вечной проблеме отстающих регионов, распространенном употреблении термина

«региональное неравенство», проблемном (для некоторых регионов) процессе урбанизации. Тем не менее именно так и происходило развитие исследований о регионах. Лучший способ кооперации центров региональных исследований различных уровней – симбиоз строгости и дисциплинированности центральных ассоциаций и энергия периферийных [322].

Все же периферийные организации оставались довольно открытыми другим языкам и культурам. Так, Канадская ассоциация предпринимала попытки сотрудничества с Франкоязычной ассоциацией региональной науки (French-language Regional Science Association) для генерирования собраний и совместных публикаций. Западная секция Североамериканского совета, в свою очередь, экспериментировала в выстраивании отношений с Ассоциацией в Канаде. Ведь секции по канадским вопросам перестали быть чем-то необычным, равно как и не запрещалось использование французского языка.

В мае 1979 г. Ассоциация региональной науки Канады (Canadian Regional Science Association) вошла в топ-5 самых активных подразделений Ассоциации. Все-таки реализация целей, прописанных в конституции, осуществлялась успешно. Между тем одной из главных ее задач являлось продвижение канадских исследований, сфокусированных на регионе, инструментах осуществления региональной политики, методах и теоретических основах, разработанных специально для регионального анализа. Ассоциация всячески поддерживала эти стремления, содействуя знакомству ее членов, стимулируя научную деятельность, поощряя публикацию исследований и оказывая услуги, способствующие совершенствованию ее участников в области региональной науки [136].

Помимо деятельности Ассоциации, важнейшими инициативами в продвижении исследований региона были **государственные программы**. Целью Программы стимулирования регионального развития (Regional Development Incentive Program) являлось создание новых условий научных исследований для лучшего изучения экономических и

социальных систем региона. Основным способом стимулирования исследований выступали гранты. С 1983 г. ключевой программой в стране стала Программа промышленного и регионального развития (Industrial and Regional Development Program), ориентированная на повышение уровня регионального экономического развития через финансовую поддержку частного сектора [151].

Кроме того, считаем необходимым еще раз упомянуть специалистов, внесших свой вклад в региональную науку Канады во время ее расцвета. Особо отметим признанного эксперта по вопросам городского экономического развития Марио Полеза (род. 1943 г.) с публикациями *The Impact of International Migration on the Regional Labor Market* (1978 г.), *Regional Disparity, Migration and Economic Adjustment* (1981 г.); специалиста в области государственного управления и регионального экономического развития Дональда Дж. Савойя (род. 1947 г.) – *An Overview of the Importance of Federal – Provincial Relations on Regional Development: the Restructuring of 1982* (1984 г.), *Regional Economic Development: Canada's Search for Solutions* (1986 г.); социолога Джеральда Ходжа (1931–2017) – *Towns and Villages in Canada: the Importance of Being Unimportant* (1985 г.), *Planning Canadian Communities* (1986 г.); социолога Ирвинга Гофмана (1922–1982) – *The Presentation of Self in Everyday Life* (1959 г.).

Таким образом, 1950-е гг. были идеальным временем для исследований регионов вследствие некоторых экономических успехов и попыток сокращения региональных диспропорций. Однако, как считает Полез, если добавить к этому американский оптимизм, академический позитивизм и некоторые междисциплинарные идеи (включая кейнсианскую экономику), мы получим оптимальную для канадской науки смесь политики и академических дисциплин. Естественно, что в этом смешении существовало бы множество концепций и региональных инструментов, ориентированных первоначально лишь на продвижение промышленных комплексов и «поднятие» отстающих регионов [322].

1940-е гг. отличались стратегией популяризации промышленного роста и модернизации **Мексики** посредством концентрации основной экономической активности в крупных городах. Прежде всего, эта концентрация привела к значительному увеличению производства и занятости во вторичном секторе экономики. Процесс урбанизации служил базой для перемещения ресурсов (в том числе людских) из определенных регионов в мегаполисы – центры промышленного роста. Происходил постепенный переход населения из аграрного в городское, это сопровождалось процессом индустриализации страны и ее регионов.

На протяжении этого периода федеральное правительство учредило ряд отраслевых политик, направленных на стимулирование индустриализации и аграрного сектора. В первую очередь были приняты «Закон об освобождении промышленного сектора от налогов» (1940 г.), «Закон о новых отраслях промышленности» (1941 г.), «Закон о гидрологических бассейнах» (1946 г.). Последний правовой акт, без сомнения, являлся одним из самых амбициозных, устремленных на расширение гидрологических бассейнов и на борьбу с региональными неравенствами. Но закон не получил одобрения, напротив, первоначальная инициатива о поддержке гидрологических бассейнов по всей стране привела к еще большей концентрации промышленности в крупных городах.

Страна характеризовалась в то время следующими проблемами: неудачная планировка городов, сильные региональные неравенства и перенаселение, миграции населения из сельской местности, маленькие заработные платы, безработица, загрязнение окружающей среды и пр. Сначала целью мексиканских исследований регионов было рассмотрение новых форм производства и перераспределения населения, хотя по прошествии времени наука начала интересоваться социальными проблемами, такими как потребности населения. Важную роль в исследованиях продолжала играть география, отделившаяся теперь от географического детерминизма, делавшего человека бессильным против природы.

Географы стали смотреть на географию как на перво-степенную науку для ускорения прогресса в определенных областях. С 1960-х гг. выделяются исследования **социально-экономической регионализации**, которые основывались на новаторском опыте и породили новые методы разделения национальной территории с целью планирования и экономического развития (по историческим, экономическим, политическим, культурным, административным, социальным критериям). Стоит подчеркнуть, что если в прошлом концепт региона определялся как существование человеческого общества в физическом пространстве, то на новом этапе регион начал представлять собой систему социоэкономических отношений.

Итак, на данном этапе мы можем отметить деятельность профессора географии Хорхе Абилио Виво. Среди его идей выделялась инициатива о необходимости изучения географии как общественной мысли и **региональной идентичности** и ее включения в большинство учебных программ и планов. Географ, в свою очередь, осуществлял научные исследования в областях социологии, антропологии и этнологии. Виво преподавал в Колледже географии UNAM [406].

В своих работах *Razas y Lenguas Indígenas de México: su Distribución Geográfica* (1941 г.), *Geografía de México* (1953 г.) Хорхе Абилио Виво представлял базовые теории, практические примеры и идеи для привлечения внимания к проблемам государства. Ученый выступал координатором следующих журналов по географии: *Anuario de geografía* (1961 г.) и *Anales de geografía* (1975 г.) [406].

Еще одним выдающимся географом был Хорхе Л. Тамайо – работник экономического факультета в UNAM. Помимо преподавания экономической географии, Тамайо занимал руководящие посты в ирригационной и железнодорожной комиссиях [431].

Географ расширил область научных исследований географии и усовершенствовал ее методы. Хорхе Л. Тамайо изучал экономическую географию и множество тем, свя-

занных с электротехнической и горнодобывающей промышленностью, добычей нефти и трансформационной промышленностью.

Прежде чем перейти к следующему направлению региональной науки Мексики, обратимся к деятельности Анхеля Бассольса Баталья. Баталья являлся президентом ассоциации географов в Мексике (1983 г.) и вице-президентом Мексиканской академии политической экономии (1985 г.). В 1959–1960 гг. предлагал, а позже провел геоэкономические исследования в штате Нижняя Калифорния. Географ принял участие в XVIII Международном географическом конгрессе Международного географического союза (1956 г.), что стало поворотным моментом в его карьере. Ведь там, в Рио-де-Жанейро, Анхель Бассольс Баталья познакомился со многими известными учеными из США, Европы и Южной Америки [423].

Обширная теоретическая и практическая географическая подготовка и междисциплинарные труды позволили ему создать немалое количество работ, охватывающих социально-политическую и социально-экономическую географию и региональные исследования страны. В качестве основных проблем Баталья рассматривал недостаточное планирование территории и малое количество научных исследований. Осуществлял свою деятельность в Институте экономики UNAM.

В сфере **региональной и социо-экономической географии** выделялись и представители других дисциплин. Отметим деятельность экономиста Рикардо Торреса Гайтана. Публикации Гайтана внесли немалый вклад в национальную и региональную экономику Мексики. Гайтан был директором Института экономики в UNAM [438].

Внимание в его работах акцентируется на аспектах финансового и международного экономического сектора, межрегионального разделения труда, корреляции безработицы и географического положения, влияния пространственного фактора на промышленное развитие, отношений внешней торговли и промышленного регионального роста,

вмешательства государства в экономическую жизнь, экономического использования природных ресурсов. Следовательно, экономическая политика анализируется не только в национальном, но и в региональном измерении, что, согласно автору, облегчает интеграцию экономических зон государства [428].

Предлагаем вспомнить еще одного репрезентанта социоэкономического поля мексиканской региональной науки в 50-е гг. – Фернандо Кармона де ла Пенья. Де ла Пенья был одним из самых строгих критиков монополистического капитализма, в котором он видел негативные эффекты для развития страны. В своих трудах, вдохновленный деятельностью Института экономики UNAM, где Фернандо Кармона де ла Пенья занимался научными исследованиями, он делал обзор областей региональной географии. Географические знания ученого помогали ему в оценке природных ресурсов и их местоположения [426].

Также стоит сказать, что деятельность де ла Пенья заключалась не только в научных трудах. Он являлся основателем кружка мексиканских исследований (1954 г.), состоял в Мексиканской делегации на XIV Генеральной ассамблее ООН (1959 г.), поддерживал движение Национального освобождения (1961 г.) [427].

Остановимся на периоде, когда региональная наука вошла в новый этап своего развития с теориями и методами, отличными от традиционных. В 60-е и 70-е гг. XX в. появились другие формы анализа и изучения региона. И наконец, наиболее существенным историческим событием того времени стало создание **Ассоциации региональной науки в Мексике** (Asociación Mexicana de Ciencias para el Desarrollo Regional) в 1975 г. Формирование Ассоциации произошло благодаря уже накопленным знаниям о региональных исследованиях. Здесь мы будем говорить о Хосе Луисе Сесенья Гамесе – организаторе Первого международного коллоквиума по вопросам городского и регионального развития (г. Гуанахуато).

Итак, являясь экономистом в UNAM, Гамес продолжал способствовать увеличению количества научных исследований, посвященных региональным вопросам. Среди организаций, в которых осуществлял свою деятельность ученый, выделяется ООН, где Хосе Луис Сесенья Гамес занимался экономическими исследованиями и получил богатый опыт и знания о политике США в Центральной Америке [437].

Таким образом, нами были проанализированы наиболее яркие представители мексиканской региональной науки. Однако некоторые исследователи выделяют и чисто **экономическое направление**, связанное с деятельностью Густаво Гарса Вильярреала и Дэвида Баркина. Так, Вильярреаль в своих научных исследованиях применял новые подходы с целью изучения расположения туристических объектов, эксплуатации природных ресурсов, регионального развития, добычи энергоносителей, возрождения некоторых отраслей промышленности, полюсов развития и центров трансформации [164].

Баркин сфокусировал свой анализ на критике инструментария, показывая противоречия политики, не приносящей пользы для населения, и предлагая новые инструменты для планирования в условиях растущего регионального неравенства [424].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что новые подходы в региональной науке характеризуются существованием центральной зоны влияния и зависимой от нее остальной территории. Так, в 1983 г. был образован **Региональный центр междисциплинарных исследований** (Centro Regional de Investigaciones Multidisciplinarias). Создание центра стало возможным благодаря Октавио Риверо Серрано – ректору UNAM.

Следует сказать, что Центр начал функционировать как зависимое от UNAM образование. Он возник в результате новаторского предложения о диверсификации методов дисциплинарных исследований, проводимых на базе традиционных институтов UNAM. Структура представляет собой гибкую академическую организацию, способствующую

щую формированию специалистов, которые, исходя из конкретных проблем и с точки зрения полезности их услуг, будут проводить междисциплинарный анализ и исследовать формы культурного самовыражения, связи и влияния, играющие важную роль в научном процессе и национальных технологиях в различных сферах социальной деятельности [429].

Начиная с 1950-х гг. данные исследования в Мексике продолжают характеризоваться междисциплинарностью работ выдающихся географов и экономистов, начавших глубоко исследовать региональные неравенства, региональное развитие, региональную интеграцию, разнообразные стратегии развития, государственную политику, региональный политический и экономический анализ, доходы населения, долю социальной маргинализации, инфляцию, демографию и устойчивое развитие. Расцвет непосредственно мексиканской региональной науки связывают с начавшимися процессами урбанизации в 1960-е гг.

Во время этих процессов регион начинает использоваться как инструмент и интеллектуальный ресурс для выборки и изучения целых групп сложных явлений, встречающихся на земной поверхности. Однако не стоит забывать о структуре региона, в особенности о его исторической и социальной составляющей. Регион больше не представляется как природный объект, скорее это концепт, зависящий от выборки характеристик, анализируемых в связи с определенной проблемой. Поэтому начинают выделяться исследования маломасштабных регионов с точки зрения их социальных, экономических и территориальных неравенств.

2.4. РАСЦВЕТ И МНОГОВЕКТОРНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (1990-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI В.)

1990-е гг. считаются периодом зрелости региональной науки: произошли коммерциализация исследовательских журналов, установление новой структуры Ассоциации (RSAI) и другие административные и международные изменения [228]. Действительно, публикации того времени показали взаимосвязь деятельности старой и новой школы региональной науки. Один из выдающихся представителей второй группы – экономист из Соединенных Штатов Пол Робин Кругман. Исследователь вел обширную политическую деятельность: был экономическим советником президента Рейгана и выступал критиком деятельности Буша-младшего и Обамы.

Кругман получил Нобелевскую премию по экономике за научные исследования структуры торговли и ее места в экономическом функционировании. В самом деле, ученый объединил региональную и международную экономику с международной торговлей и экономической географией. Работы Пола Робина Кругмана появлялись еще в 1970-е гг., хотя именно в 1990-е гг. некоторые из его публикаций подвергались тщательному анализу и последующему цитированию: *Rethinking International Trade* (1990 г.), *First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location* (1993 г.). Концепция международной торговли, на которой основывался сам Кругман, – технологичная кастовая система регионов [397].

С другой стороны, нередко были случаи, когда исследователи-регионологи давали научному сообществу лишь одну крупную исследовательскую работу. Энн Р. Маркусен, напротив, являлась одним из ведущих теоретиков регионального развития. Маркусен проводила инновационные исследования политических и экономических аспектов американского регионализма, анализируя его историю и современное состояние (территориальные различия и последующие конфликты, пространственную трансформацию регионов).

В 1990-е гг. Энн Р. Маркусен была директором научно-исследовательского проекта, посвященного региональной и отраслевой экономике в Школе по связям с общественностью имени Хьюберта Х. Хамфри при Университете Миннесоты. Среди ее работ выделяются следующие: *International Trade, Productivity, and U.S. Regional Job Growth* (1991 г.), *American Federalism and Regional Policy* (1993 г.), *Studying Regions by Studying Firms* (1994 г.), *Growing Pains: Thoughts on Theory, Method, and Politics for a Regional Science of the Future* (1995 г.), *Interaction Between Regional and Industrial Policies, National laboratories as business incubators and region builders, Big Firms, Long Arms, Wide Shoulders: The 'Hub-and-Spoke' Industrial District in the Seattle Region* (1996 г.).

Впрочем, в расширяющейся региональной науке балансировало два поколения исследователей, среди которых, помимо ученых, присутствовали издатели, организаторы конференций и другие работники из исследовательской среды. Большинство ученых публиковали свои работы в уже известных журналах о региональных исследованиях, которые в 1990-е гг. стали не только научным, но и финансовым инструментом. Так, известнейший журнал *Papers in Regional Science* и *Journal of Regional Science* был приобретен международной издательской компанией *John Wiley & Sons* в 1955 г. и 1958 г. соответственно. Журнал *Regional Science and Urban Economics* в 1971 г. начал спонсироваться информационно-аналитической компанией *Elsevier*. Издание *International Regional Science Review* в 1975 г. – независимой издательской компанией *SAGE Publishing*.

Потеря некоторого контроля над публицистической деятельностью была не единственным событием для Ассоциации в 90-е гг., ибо после ее реорганизации появилось не только новое название, но и другие сроки в работе президента. В августе 1991 г. был представлен модернизированный логотип Ассоциации, состоящий из четырех шестиугольников. В декабре 1992 г. был выпущен сборник Ассоциации (выпускаемый затем каждые 2 года).

В декабре 1993 г. была закрыта кафедра региональной науки в Университете Пенсильвании. Это решение во многом было обусловлено начавшимся кризисом исследований регионов, о котором будет упомянуто ниже. Несмотря на закрытие кафедры, продолжалась подготовка магистров по данной специальности, однако новых студентов уже не набирали вследствие отсутствия преподавателей по пространственным теориям. Тем не менее в это время развивался Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн, где преподавал выдающийся американский географ Джеффри Хьюингс⁸. Хьюингс был не только профессором экономики и регионального планирования, но и занимал особое место в структуре Ассоциации.

Джеффри Хьюингс являлся секретарем и исполнительным директором Ассоциации. Первостепенную роль в исследованиях Хьюингса играют городской и региональный экономический анализ, генерирование экономических моделей, оценка их полезности в политике.

Что же происходило в регионах? Региональные вопросы вновь стали острыми, по сравнению с двумя десятилетиями назад, когда региональная наука характеризовалась своим относительным постоянством и спокойствием. Еще в 1970-е гг. рассмотрение вопросов регионального роста и промышленного развития являлось двигателем для улучшения региональной политики, размещения инфраструктуры, распределения доходов. Хотя акцент на региональных теориях и моделях с присущей им абстрактностью, а также математической и статистической сложностью служил катализатором для возникающей время от времени критики [271].

Так, очередным объектом недовольства являлись трактовки **отношения между индивидами в рамках региона**, рассматривающиеся через разные призмы. К примеру, американский политолог Джейн Мэнсбридж изучала в своей работе *The Rise and Fall of Self-Interest in the*

⁸ Подробнее о деятельности Д. Хьюингса см. [Коробко, Кузнецова, 2020a].

Explanation of Political Life (1990 г.) идею экономиста Альберта Хиршмана об изолированном индивиде и необходимости изменения человеческих ценностей в региональных и международных отношениях [267].

Недостаточная заинтересованность исследований регионов в других дисциплинах – еще одна причина для критики. Экономист из Соединенных Штатов Жерар Дебрё в публикации *The Mathematization of Economic Theory* (1991 г.) говорил о необходимости глубокой **математической подготовки** не только для экономистов, но и для региональных ученых. Ведь труды, написанные математиками, были непостижимы для анализа большинством исследователей в Американской экономической ассоциации, где состоял Дебрё.

Исследования регионов и политика – проблема, рассматриваемая в работе *The Citation Record of Regional Studies and Related Journals* (1992 г.) британских экономистов Джилл Джонс и Джима Тейлора. По их мнению, термин «региональные исследования» выгодно отличался от «региональной науки». Ведь количество ученых, занимавшихся исследованиями регионов, превышало количество региональных ученых. В Британии даже существовал журнал *Regional Studies*, пользующийся успехом среди исследователей.

Урбанист и планировщик из США Эндрю М. Иссерман в публикациях *Lost in Space?* (1993 г.), *The Economic Effects of the Appalachian Regional Commission* (1995 г.) призывает к **разработке новой региональной политики**. Иссерман⁹ критикует сам термин «региональная наука» и говорит, что это направление нельзя считать отдельной наукой, а лишь междисциплинарной отраслью научного знания. Несмотря на то что методы региональной науки использовались равным образом в других областях, оценить их точность не всегда удавалось [229].

⁹ Подробнее о подходе Э. Иссермана см. [Кузнецова, 2020].

Американский экономист Карен Поленски обращалась к **исследованиям региона для решения экологических проблем** в работах *Economic-Impact Analyses in US, State and Local Air-Pollution Control Agencies* (1994 г.), *Transportation Policy Implications of the 1990 Clean Air Act* (1996 г.). Данные ее исследований служат достаточным основанием полагать, что с появлением экологической осознанности интеграция физических и социальных наук в исследованиях региона стала более явной.

Одним из аргументов критиков региональной науки было то, что ее характеризует оторванность от прикладных исследований и реальных регионов благодаря склонности к построению абстрактных моделей. Так, экономист из США Роджер Э. Болтон в исследовании *Regional Science and Regional Practice* (1995 г.) предполагал, что региональные теории и модели не продвинулись достаточно далеко для анализа жизни людей, их занятости и потребления.

В 1997 г. географ Майкл Сторпер в публикации *The Regional World: Territorial Development in a Global Economy* требует от исследователей более тщательного изучения экономических регионов, так как в их пределах легко осуществляется передача и генерация необходимой информации. Сторпер отмечает, что всего существует три линии анализа экономической жизни региона: исследование институтов, промышленных организаций и транзакций.

Профессор Бристольского университета Рональд Джон Джонстон (Ronald John Johnston) в публикации *Geography and Geographers: Anglo-American Human Geography* (1997 г.) тоже разделял мнение вышеуказанных ученых о том, что региональная наука находится в ловушке позитивистской парадигмы, признающей лишь эмпирические исследования и отрицающей философские. В то время как Джонстон связывал исследования регионов не только с географией, но с политологией и экономикой.

Опять же критика региональной науки базировалась на ее связи с социологией. Американский социолог Лесли МакКолл в труде *Spatial Routes to Gender Wage (In)equality*

(1998 г.) высказывала спорную точку зрения относительно того, должна ли политика в регионах быть справедливой. В результате справедливость в данных исследованиях рассматривается с помощью следующих характеристик: раса, пол, заработная плата, приверженность к определенной социальной группе [275].

Таким образом, региональная наука в Соединенных Штатах в период своей зрелости характеризовалась относительной независимостью от своего основателя. Появились новые исследователи, которые отражали современные проблемы в своих работах, дискутировали о роли региональной науки и наряду с этим глубоко изучали смежные дисциплины. Три подсистемы в реорганизованной структуре RSAI тоже продолжали свое свободное развитие: проводились ежегодные встречи и публиковались исследовательские работы.

Канадская история «политики размещения» была довольно долгой. Она проводилась под видом региональных программ развития, которые пытались поддерживать экономический рост в провинциях посредством государственного вмешательства. В связи с этим программы преследовали две основные цели – справедливость и эффективность, достичь которых не всегда представлялось возможным. Тем не менее известный экономист Робин Боудвей (Robin Boadway) стремился доказать обратное.

В труде *Federal and Provincial Taxation of the Canadian Mining Industry: Impact and Implications for Reform* (1990 г.) Боудвей отмечает, что, как только региональная программа развития становится справедливой, то достижение ее эффективности, вероятней всего, не будет являться сложной задачей.

Второй экономической тенденцией для региональных исследований в 1990-е гг. являлась направленность регионов на установление нетарифных торговых барьеров между странами (например, Япония и Америка) или внутри стран (между канадскими провинциями). По сообщению экономиста Филипа Палда, Канада имеет особенно долгую исто-

рию установления таких барьеров, приведших к неэффективности, поскольку они препятствуют свободному перемещению товаров и факторов производства и увеличивают издержки и цены.

В работе *Provincial Trade Wars: Why the Blockade Must End* (1994 г.) Палда рассматривает торговые барьеры как, возможно, одну из самых больших, но разрешимых экономических проблем. Проводя исследования масштабов воздействия межрегиональных торговых барьеров на развитие бизнеса, с одной стороны, и увеличение безработицы – с другой, ученые оказались достаточным образом подготовлены к использованию методов, заключающихся в необходимом наборе сведений, подходящих для таких исследований (экономическая теория вычисляемого общего равновесия) [313].

По данным публикаций в сфере региональной науки и смежных дисциплин, стоит отметить, что ведущий канадский журнал по исследованиям регионов *Canadian Journal of Regional Science*, в отличие от своего аналога из США, продолжал свое функционирование под эгидой Ассоциации региональной науки. Однако этого нельзя сказать об изданиях смежных областей: *Canadian Geographer* (Wiley) и *Canadian Journal of Development Studies* (Routledge), которые выпускались международными издательскими компаниями.

Что касается функционирования Ассоциации в Канаде, то в мае 1991 г. ее секция стала одной из самых активных. Полагаем, что данный успех был достигнут с помощью участия в конференциях и исследованиях в вышеуказанном журнале. Тематами статей в то время являлись региональная торговля, региональные различия, социально-экономическое развитие, география инноваций, культурные барьеры, тарифы. А уже 17 ноября 1994 г. в Ниагара-Фолс, Онтарио, была проведена очередная конференция Североамериканского совета региональной науки. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время – основным направлением деятельности канадской секции является издание *Canadian Journal of Regional Science*.

Среди основных тем публикаций назовем следующие: изучение особенностей развития отдельных регионов и городов в Канаде, проблемы неравномерного развития регионов в Канаде [198; 440; 98; 130; 269; 445]. В последнее время все большую популярность приобретают такие новые направления региональных исследований, как роль больших данных в исследованиях регионов [441], промышленная экология [442], живые лаборатории¹⁰ [443; 444], неравенство возможностей – расовые, гендерные, этнические аспекты [195].

С течением времени исследователями разрабатывается **региональная инновационная система** как в социокультурной, так и в социально-экономической структурах. Система стала ведущим подходом в объяснении инноваций, разделяемых фирмами и отраслями на региональном уровне. Данные объяснения происходят из предположения о том, что региональная инновация – территориально встроенный процесс, подвластный многим акторам и информационным источникам. Этими вопросами занимался и Мерик Гертлер – канадский специалист по городскому планированию.

Совместно с коллегами в 1998 г. Гертлер представил работу под названием *Dynamics of the Regional Innovation System in Ontario*, где рассмотрел ситуацию, при которой индустриальные страны стали свидетелями волн экономических и политических изменений. Мерик Гертлер опубликовал более сотни научных работ, занимает административную должность, является 16-м президентом Университета Торонто. До этого исследователь работал деканом факультета искусств и наук, где его целью было введение многих важных инноваций в преподавание [192].

Канада, как и другие развитые государства, претерпела изменения, связанные с эффектами социально-

¹⁰ Живая лаборатория – ориентированная на пользователя интегративная экосистема открытых инноваций, часто функционирующая в территориальном контексте, объединяющая параллельные исследования и инновационные процессы в рамках государственно-частных партнерств.

экономической и политической реструктуризации. В результате появилась **концепция нового регионализма**, во время которого господствовали неолиберальные теории, уделявшие повышенное внимание локальным ответам на национальные и мировые тенденции. Данные преобразования потребовали переосмысления идей старого регионализма. Со временем канадские исследователи тоже были задействованы в критической дискуссии на предмет необходимости трансформаций в региональной науке.

Любопытно проследить взаимоотношения **региональной науки и социологии** в Канаде. В качестве одного из объяснений того, почему в Канаде региональная наука и социология должны были находиться в более тесных отношениях, называют традиционную значимость региональных вопросов в канадских академических кругах. Так, канадская школа **политической экономики** в течение долгого времени продвигала идею о необходимости использования мультидисциплинарного подхода при анализе процессов регионального развития в Канаде. К этой школе принадлежали, в частности, и специалисты по экономике, истории, политологии, социологии и географии. Такие известные ученые, как социолог Гарольд Иннис, экономист Вернон Фоук, историк Дональд Крейтон, экономист и политолог Мел Уоткинс занимались изучением региональных вопросов, используя несколько научных дискурсов. Именно данная школа оказала большое влияние на канадскую социологию, однако это не поспособствовало сближению социологии с региональной наукой.

Отсутствие интереса у социологов к региональной науке становится очевидным при анализе выпусков *Canadian Journal of Regional Science*. Начиная с 1981 г. (периода, когда журнал начал указывать принадлежность автора к определенной науке) и до 1990 г. журнал опубликовал 197 статей. Ни один из авторов этих статей не обозначен как социолог или сотрудник кафедры социологии. Учитывая, что социологи могут работать в междисциплинарных учреждениях, автор исследования смог обнаружить, что 6

из 197 статей были написаны социологами, в то время как 76,5 статей написаны экономистами, 36,5 – географами, 25,5 – региональными и городскими планировщиками. Вклад социологов, таким образом, составил чуть более 3 %. [367].

Еще более примечательно то, что 5 из 6 статей опубликованы в специальном тематическом выпуске о региональных исследованиях в Квебеке (т. 12, № 1, 1989 г.). Кроме того, все 6 статей написаны так называемыми франко-квебекскими социологами. За период до 1993 г. в журнале не обнаружено ни одной статьи, написанной англо-канадским социологом. Еще одним доказательством большего интереса франко-квебекских социологов к региональной науке является то, что в дальнейшем три из них (Бруно Жан, Беатрис Соколов, Даниэль Лафонтен) будут редакторами журнала.

Тем не менее было бы ошибочным утверждать, что англо-канадское направление социологии полностью игнорировало региональную науку. Напротив, региональное развитие всегда представляло важную сферу исследования для этой школы. Так, известный социолог Роберт Брим в работе, посвященной англо-канадской социологии, называет региональное экономическое развитие и отсталость одной из четырех главных тем, изучаемых канадскими социологами [128]. Интересно, что по большей части внимание к региональному развитию продиктовано попытками объяснить разницу в уровне развития Канады и США. До конца 1970-х гг. вопросы неравномерного развития регионов Канады представляли второстепенную значимость по сравнению с проблемой неодинакового уровня развития Канады и США. Многие из появившихся позже теорий, используемых для объяснения разницы в развитии регионов Канады, изначально были предназначены для объяснения отношений между Канадой и ее вездесущим соседом с юга [367].

Социолог Крис Сауткотт таким образом поясняет различия между взаимосвязями англо-канадской и франко-квебекской социологии с региональной наукой. В англо-канадской научной социологической традиции основной

задачей было объяснение структурных ограничений канадского общества. Региональные исследования фокусировались на объяснении внешних сил, создающих экономическую отсталость регионов и тормозящих эндогенное региональное развитие в периферийных зонах. Этот тип анализа можно охарактеризовать как фаталистический, так как он показывает, что региональные акторы обладают недостаточной силой для изменения ситуации в регионе без массивных структурных изменений, происходящих в его центре. Соответственно, англо-канадская социология принесла бы мало пользы региональной науке.

Франко-квебекские социологи, напротив, находились под сильным влиянием «тихой революции»¹¹ и националистического движения 1960-х гг. и смотрели гораздо с большим оптимизмом на возможность изменения общества местными акторами. В региональном анализе это означало поиск способов улучшить экономическое положение регионов самостоятельно [367].

Исследователи регионов старались сделать область своих интересов более научной, параллельно принося пользу обществу. Сталкиваясь с проблемами, когда ресурсы представлены в недостаточном количестве, а финансы тщательно контролируются государством, исследования регионов ставили себе целью возвращение прошлого положения дел. Они все чаще определялись по степени способности направлять политику и региональное планирование. Одним из теоретиков планирования являлась Джейн Джекобс (Jane Jacobs), критиковавшая обилие мужчин в научных исследованиях по городскому планированию и некоторые процессы, в том числе джентрификацию.

Канадский политолог Питер Аукойн в трудах *Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums* (1990 г.), *The New*

¹¹ «Тихая революция» – ряд политических и социально-экономических событий в Канаде 1960–1970-х гг., который привел к пересмотру отношений между англоканадцами и франкоканадской общиной.

Public Management: Canada in Comparative Perspective (1995 г.) предпринял попытку рассмотрения вопросов нового государственного управления (New Public Management) в исследованиях региона. Автор критиковал недостаточное внимание, оказываемое качеству услуг, но уже государственных, и призывал к уменьшению государственных расходов [287].

При рассмотрении **политического направления** в региональной науке Канады считаем необходимым упомянуть деятельность Роберта В. Кокса, анализировавшего региональные и международные отношения. В публикации *Structural Issues of Global Governance: Implications for Europe* (1993 г.) Кокс пришел к выводу, что новые организации и конфигурации повлекли за собой раздробление государства на еще большее количество частей, связанных лишь пространственным фактором. Таким образом, денационализация экономики, региональные и городские иерархии привели к глокальному масштабированию данной территориальной организации [123].

Еще одной определенной характеристикой вышеуказанного направления является повышенное внимание к влиянию **глобализации** на регионы. Так, Роб Б. Дж. Уокер в работе *Inside/Outside: International Relations as Political Theory* (1993 г.) разделяет мнение исследователей, считавших, что глобализационные процессы привели к пересмотру всех концепций, изучающих пространство в качестве платформы для социальных отношений. Стоит отметить, что прежде социальные отношения смешивались с территорией государства.

Перейдем к описанию **географического направления** в критических канадских исследованиях. Джейми Пек совместно со своей коллегой в труде *Searching for a New Institutional Fix: the after-Fordist Crisis and the Global-Local Disorder* (1994 г.) фокусируется на процессах глокализации. В заключении автор заявляет, что гегемонию неolibе-ральных идеологий следует рассматривать как симптом продолжающегося кризиса и глобального беспорядка, а не

как последовательный путь к новому пространственному или институциональному решению региональных проблем [123].

Тревогу у географа Джона Фридмана, работавшего в Канаде, вызывали вопросы, касавшиеся содержания образовательных программ. Так, он провел анализ двадцати ведущих программ Северной Америки по региональному планированию (*The Core Curriculum in Planning Revisited*). В результате географ пришел к выводу, что основной учебный план лишь на 25 % соответствует требованиям на получение степени и состоит главным образом из изучения количественных методов в науке, экономики и юридических аспектов. В региональной науке Фридман призывает делать больший упор на региональное планирование и развитие профессиональных компетенций [265].

Равным образом мы можем выделить значимость работ географа Уильяма Дж. Коффи, преподающего в Монреальском университете. Выдающейся работой исследователя является *Regional Science: Back to the Future?* (1994 г.), написанная в соавторстве с коллегами. Акцент сделан на следующих причинах для критики: невозможность науки решать насущные проблемы, ее аморфность, устаревание некоторых региональных концепций, недостаточное количество программ обучения, неполное финансирование [111].

Экстремальные критические замечания высказывались географом Тревором Дж. Барнсом, работавшим в Университете Британской Колумбии. В его публикациях, в частности, в *Logics of Dislocation: Models, Metaphors and Meanings of Economic Space* (1996 г.) критикуется рационализм и эссенциализм, которые характеризовали модели исследований регионов. Кроме того, автор изучает альтернативные концепции, при которых региональная наука предлагает частные, а не универсальные истины. Таким образом, Барнс рекомендует реконструировать прошлое экономической географии и основу для ее переосмысленного будущего.

Примечательно, что в работах Барнса содержится критика основных идей Айзарда. Остановимся на этом моменте подробнее. Он пишет, что в настоящее время распространённым убеждением в научных исследованиях является то, что научное знание, образуя многодисциплинарный корпус литературы, формируется локальным контекстом. Универсальных знаний нет, есть только локальные знания [113]. Наука – это набор условных практик, тесно связанных с ее более широким социальным контекстом. Иногда эти практики становятся утверждениями научной истины, иногда нет. Некоторые из этих утверждений, например, никогда не выходят за пределы лаборатории; в других случаях они появляются, но затем игнорируются и забываются. И все же иногда они становятся частью научного канона. Задача научных исследований состоит в том, чтобы показать, что научные неудачи, такие как неудачные лабораторные эксперименты, и научные успехи, такие как открытие законов и теорий, являются следствием локального контекста, а не универсалий, таких как рациональность или истина. Тревор Барнс, изучив работы американской научной школы, выступил с критикой некоторых идей Айзарда и его последователей. Для выявления слабых сторон исследований американских регионологов он использовал представление о структуре науки французского социолога и философа Латура. Латур пишет, что «понятие науки, изолированной от остального общества, так же бессмысленно, как идея системы артерий, отделенных от системы вен» [51, с. 80].

То же самое относится и к региональной науке. По словам Барнса, даже если Айзард смог бы заставить уравнения Ньютона, демографические данные переписи 1940 г., логарифмические правила и вычислительные машины работать вместе, чтобы создать карту в книге, это только начало. Существует гораздо больше компонентов, необходимых для создания региональной науки. Хорошей идеи недостаточно. Например, некоторые географы скажут, что региональная наука ничего нового не представляет и география или экономика уже обладают необходимыми инструментами для решения региональных проблем [113].

В «Надежде Пандоры» Латур предлагает метафору васкуляризации: четыре контура – инструменты, коллеги, союзники и общественность – объединяются в пятый в виде звеньев или узлов. Это своеобразная карта, содержащая словарь и концептуальную сетку для связи науки и общества. Как подразумевает сам термин васкуляризация, потоки людей, книг, учреждений, машин и объектов помогают научным дисциплинам оставаться «живыми». Это, безусловно, характерно для региональной науки на раннем этапе, и она обладала именно таким импульсом, который связывал общество и науку.

Первый контур Латура – это мобилизация мира, под которым он подразумевает серию актов, приводящих объекты исследования в устойчивую сеть. В науке такая цель достигается, прежде всего, за счет различных таблиц, диаграмм, карт и фотографий. Благодаря этому объекты исследования дисциплинируются и упорядочиваются.

Здесь необходимо уточнить, что подход Латура, который применил Барнс для анализа результатов деятельности американской регионологической школы, в некоторой степени является универсальной теоретико-методологической рамкой, позволяющей выявить степень связности и систематизированности практически любой науки, в частности, это полезно и для развивающейся региональной науки. Наблюдения Айзарда о распределении населения в Соединенных Штатах в 1940 г. – иммиграция и эмиграция, рождение и смерть, браки и разводы – это то, как ученый мобилизует мир, позволяя ему перемещаться вокруг этих объектов, а не наоборот. Заставляя мир работать на них, региональные исследователи также участвуют в географическом движении, перемещаясь с мест, где происходят события, которые они изучают, на места, где происходит представление и презентация. Например, в 1960-х гг. Айзард работал над проектами в Пуэрто-Рико, Колорадо, Нью-Йорке и Нью-Джерси, а также в своем родном городе Филадельфии. Но сама наука создавалась не в этих местах, а в кабинете Айзарда в здании Мак-Нейла в Универ-

ситете Пенсильвании. Именно там собирались и анализировались данные, рисовались фигуры, выводились уравнения и писались выводы. Другими словами, полевые объекты были менее важны, чем то, что Латур называет «центром вычислений» [113].

Второй контур, возможно, ведет к большему успеху региональной науки: ее институционализации. Это касается того, как дисциплина становится независимой и формирует свои собственные критерии оценки. Первоначально ключом к институционализации региональной науки была энергия Айзарда. Благодаря поездкам на различные национальные конференции по социальным наукам и огромному количеству корреспонденции он создал связи, необходимые для развития региональной науки как институциональной структуры. Конференции, а позднее летние институты функционировали аналогичным образом, укрепляя через образование региональную науку как институт, а также расширяя ее географический горизонт.

Третий контур вращается вокруг альянсов. Под этим подразумевается необходимость привлечения новых сторонников к проекту с целью его укрепления. Количественная и теоретическая революция географии началась в конце 1950-х гг., и ранние революционеры видели в региональной науке союзное движение, предлагавшее влияние и престиж, интеллектуальную пищу и площадку для дискуссий [113].

Четвертый контур – это отношения между региональной наукой и миром, лежащим за пределами академии, в данном случае более широкий социально-политический контекст Америки 1950-х и 1960-х гг., в котором возникает региональная наука. Он включает в себя холодную войну, а также реальные войны в Корее и Вьетнаме, богатое общество Гэлбрейта и борьбу с нищетой, фордистов и субурбанизацию, космическую программу и военно-промышленный комплекс и т. д. Айзард изначально был заинтересован в применении теории общего равновесия к многорегиональной экономике. Первый аспирант Айзарда, Бен Стивенс,

разработал пространственную версию линейного программирования, которая затем использовалась для столичного и регионального планирования. Аналогичным образом, хотя региональная наука не развивает компьютеризацию по новым направлениям, она широко использует возможности таких машин для проведения численных расчетов и статистического анализа больших географических наборов данных.

Последний контур объединяет четыре предшествующих узлами и звеньями, оставаясь полностью зависимым от них. Региональная наука обладала столь впечатляющей и быстрорастущей сетью в ранние годы, потому что циркуляция исследований, профессоров и студентов, денег, союзов и взаимодействий с большим миром была яркой и мощной. Тем не менее где-то в конце 1970-х гг. из-за изменений, произошедших как на местах, так и в интеллектуальном плане, прежняя сильная циркуляция и течение, которыми отличалась региональная наука, стали ослабевать. Из виду упускали глубокую васкуляризацию между наукой и обществом. Возникшие изменения обнаруживаются во всех пяти контурах [113].

Но несмотря на существующие мнения о кризисе региональной науки, в XX в. сохраняется необходимость изучения таких классических тем для региональных исследований, как **вопросы землепользования, размещения предприятий, пространственного анализа**, однако данные темы рассматриваются иначе. Так, появляется любопытная концепция **«региональная аналитика и прогнозирование»**¹² (Regional Intelligence), принадлежащая к группе таких концепций, как бизнес-аналитика, территориальная конкурентная аналитика, стратегическая экономическая аналитика, рассредоточенная аналитика, социальная или коллективная аналитика, подчеркивающих организованный и систематический сбор, анализ и распространение информации с целью развития и осуществления экономической деятельности [251].

¹² Перевод термина предложен авторами.

Как пишет специалист по пространственному анализу и геоинформатике Эрик Ваз, это новая концепция, которая возникла в период глубоких антропогенных изменений на региональном уровне в ответ на ускорившиеся темпы появления новых экономических, социальных и экологических проблем. Эпоха антропоцена диктует необходимость появления новых методов изучения географических и региональных вопросов, а именно методов мониторинга, оценки и измерения изменений. Кроме того, появилась возможность измерить человеческое участие в географическом взаимодействии благодаря успехам в вычислительных и геовычислительных исследованиях [334].

Однако некоторые вопросы остаются нерешенными:

1. Масштаб. Не все количественные меры могут адекватно решить проблемы географических регионов разных типов.

2. Доступность данных. Объем цифровых данных часто недостаточен для измерения сложности взаимодействий в окружающей среде.

3. Вычисление. Вычислительным методам часто не хватает возможности передачи знаний, которые можно было бы быстро и эффективно интегрировать политическим деятелям и учреждениям для лучшего понимания проблем.

В таких случаях новый региональный подход может интегрировать географические и социально-экономические взаимодействия регионов. Неотъемлем тот факт, что регионам придется стать более гибкими, адаптивными и умными, чтобы иметь возможность пользоваться сбалансированным подходом при решении проблем территориальной динамики. В рамках проведения региональной аналитики как раз возможно осуществлять долгосрочный мониторинг при изучении тревожной динамики изменений в антропоцене. Таким образом, можно назвать это революционным подходом, который рассматривает региональные взаимодействия как сложный набор динамичных экосистем, стремящихся к максимизации устойчивого состояния равновесия [334].

Итак, по мнению вышеуказанных ученых, исследования регионов в 1990-е гг. находились в кризисном положении. Для ученых в то время существовало два выхода из сложившейся ситуации: адаптировать исследования к новым реалиям или отправить их в еще большую неизвестность не только в академической и научной сфере, но и в сфере правительства и бизнеса. Однако заметим, что выше нами были выделены некоторые работы по исследованиям регионов в 90-е гг., которые, определенно, исправили критическую ситуацию. Среди советов, данных учеными для улучшения ситуации, фигурируют изменение повестки дня в исследованиях региона и концентрация внимания на академической сфере.

В 1990-е гг. в **Мексике** также выделялось немалое число ученых, поставивших перед собой важные исследовательские задачи. Среди многообразия подходов и типологий региона предлагаем отметить представителей, внесших наибольший вклад в мексиканскую региональную науку. Наиболее важным пространством для участия в симпозиумах и академических проектах по-прежнему являлся Институт географии UNAM. В данном институте большая группа исследователей с кафедр физической, социальной и экономической географии разрабатывают проекты, связанные с региональным анализом в различных его аспектах. Стоит особенно отметить работу декана института Марии Терезы Гутьеррес Васкес (María Teresa Gutiérrez Vázquez).

Васкес, как многие люди послереволюционной Мексики, была свидетелем неопределенности, с которой столкнулась страна. Это стимулировало географа начать деятельность сначала в государственных школах, а затем в Национальной подготовительной школе (Escuela Nacional Preparatoria) UNAM после обучения на бакалавриате и впоследствии в аспирантуре. Глубокий интерес к городской географии позволил Марии Терезе Гутьеррес Васкес стать соавтором целого цикла статей, посвященных созданию мексиканского атласа миграции и научному исследованию

урбанистских тенденций. Васкес вдобавок занималась управлением университетскими научными проектами, что позволяло ей в своих трудах проводить региональный анализ, опираясь на социально-экономический подход.

Своим особым видением региональной науки отличался экономист Хосе Луис Сесенья Гамес (José Luis Ceseña Gámez), осуществлявший масштабную работу. Ведь именно с его идеи о необходимости создания постоянного форума, где обсуждались бы региональные вопросы, Мексиканская ассоциация начала свою международную деятельность. Огромен был вклад и рядовых исследователей из смежных областей. Так, социолог Маргарита Роза Камарена Лурс (Margarita Rosa Camarena Luhrs) из Автономного университета Керетаро обратилась к Ассоциации с просьбой провести первую национальную встречу по региональному развитию на базе их университета.

Научная деятельность Лурс отражалась в ее публикациях. Так, в 1990 г. совместно с коллегами была опубликована работа *Grandes Rutas del Espacio Social en México*, в которой восстанавливается история социального пространства Мексики и обсуждаются конкретные проблемы, которые необходимо решить с помощью регионального анализа для координации политики отдельного региона (государства). В *Homogeneización del Espacio* автором подчеркивается региональный аспект развития транспорта и его различные интерпретации [435].

UNAM служил не только образцом для заведений, занимающихся обучением специалистов и их широкой исследовательской деятельностью. В 1990-е гг. продолжали издаваться журналы *Boletín Ciudades y Regiones* и *Investigaciones Geográficas*. Другие учебные заведения тоже поддерживали научные труды в сфере исследований региона: Колледж Мексики (*Colegio Mexiquense*) издавал журнал *Economía, Sociedad y Territorio*, Колледж Соноры (*El Colegio de Sonora*) – *Región y Sociedad*, Автономный университет штата Мехико (*Universidad Autónoma del Estado de México*) – *Quivera*, Автономный университет Ку-

ахимальпа (Universidad Autónoma Metropolitana Unidad Cuajimalpa) – Espacialidades.

Используя информацию, представленную на официальном сайте Ассоциации, мы можем утверждать, что первой целью научной деятельности Мексиканской ассоциации (Asociación Mexicana de Ciencias para el Desarrollo Regional) являлась поддержка организации и проведения в 1994 г. международного семинара по региональному развитию. Это событие стало возможным благодаря региональному центру междисциплинарных исследований (Centro Regional de Investigaciones Multidisciplinarias) UNAM и международным региональным научным ассоциациям. Семинар послужил импульсом для дальнейшего роста интереса к региональной науке и проведению первой национальной встречи по региональному развитию в Мексике.

В уже упомянутом нами UNAM, так активно распространяющем исследования о регионах на национальном уровне, осуществляла свою работу Атлантида Колл Олива де Уртадо. Объектом изучения в ее трудах являлись научные исследования исторической географии и региональной экономики. Стоит упомянуть участие Оливы де Уртадо в подготовке вышеуказанного национального Атласа 1990 г. Создание Атласа было инновацией в генерации не только географической, но и общей информации в сфере региональной науки, систематизированной по основным картографическим критериям с географической привязкой.

С 1998 г. Атлантида Колл Олива де Уртадо являлась заведующей кафедрой экономической географии UNAM и состояла во внутреннем совете института географии. Принимала участие в проектах по экономической и исторической географии, среди которых *Geografía económica de México a mediados del siglo XVIII...*, *Geografía histórica de la minería en México* и др. В работах в качестве региона изучения нередко выбор делался в пользу столичного региона Мехико: *Mexico City: a Geographical Approach, The Mexico City Metropolitan Area* (1995 г.) и др. [436].

Дав обзор деятельности вышеуказанных географов, экономистов, социологов и историков в мексиканских исследованиях регионов, предлагаем вспомнить некоторые другие концепции, но уже с позиции критики. Если мы посмотрим на все аспекты региональной науки, включая политические отношения, экономические потоки и культурные особенности, мы придем к выводу, что границы региона размываются. Об этом говорит и географ Мария Тереза Санчес-Салазар (María Teresa Sánchez-Salazar) в своей публикации *La Industria Petrolera como Factor de Cambios Territoriales en la Economía Nacional a Partir de los Años Setenta* (1990 г.). Автор не только упоминает изменение территориальной организации, повлекшее за собой национальный кризис, но и отмечает процесс укоренения социальных и региональных неравенств [439].

Необходимо проводить различие между региональностью и регионализмом, и только тогда исследования регионов будут считаться валидными. Ученый должен всегда подвергать сомнению имеющиеся факты, руководствоваться только подтвержденной в процессе анализа информацией, стараться классифицировать регионы по многим характеристикам. Так полагает и урбанист Хенаро Хавьер Дельгадо Кампос в труде *Reinventar la Ciudad y su Región* (1990 г.). Исследователь утверждает, что региональный стиль развития, основанный на централизме, затрудняет формирование регионов, которые могли быть легко построены согласно логике [422].

Опыт региональной науки показывает немалую степень мультивалентности в понятии «регион». Некоторые историки удивляют непосвященных в исследования регионов, ставя под сомнение понятие региона, которое было установлено определенными традициями. Среди данных ученых выступает Педро Перес Эрреро в публикациях *Región e Historia en México* и *Los Factores de la Conformación Regional en México* (1991 г.).

Делая вывод о **географическом критическом направлении** исследований регионов необходимо упомя-

нуть другие типы региона, связанные с административно-территориальным делением. К этим типам относятся муниципалитеты и города, которые также легко принимаются некоторыми учеными и представляют собой систему фактов, не подлежащих дальнейшему анализу. Географ из Мексики Адриан Гильермо Агилар Мартинес критикует данный подход в *La Crisis Reciente* (1991 г.), *Urban Expansion in the Debt Crisis* (1992 г.) и последующих работах, призывая к углублению знаний о городской и региональной структуре, а также о факторах территориального планирования.

Тема регионов в качестве гипотез развивается в **экономическом направлении** исследований регионов. Данный подход поддерживает Марио Черутти (Mario Cerutti), который в труде *Monterrey and its Ambito Regional* (1992 г.) приводит пример восстановления влияния и господства Монтеррея в последние десятилетия XIX в. и первые десятилетия XX в. В статье представлена группа следующих аспектов, необходимых для доказательства гипотезы «регион»: 1) опыт, сконцентрированный на определенном региональном пространстве; 2) первичные источники, расположенные в провинциальных архивах; 3) историографические научные исследования, проведенные в других странах Латинской Америки [421].

Таким образом, при определении модели мексиканской региональной науки мы можем заключить, что одной из важнейших характеристик выступала ее многополярность: исторические, экономические, географические исследования. При этом ученые так и не пришли к единому мнению касаясь границ региона и «региональности», не ответив на вопрос, является ли регионом пространство внутри страны или за ее пределами. Кроме того, исследовательскому сообществу индустриального мира сложно было принять аналитические критерии постиндустриальности. Основными предметами изучения на тот момент являлись механизмы социально-политического доминирования, анализ местных рынков и распределительных сетей.

Итак, многие эксперты сходятся во мнении, что ведущим идеологом региональной науки являлся А. Айзард. И действительно, достижения У. Айзарда обеспечивали не только развитие исследований регионов и экономики, но и обобщение материала по экологии, транспортной логистике, конфликтологии. Его подход служил ярким примером междисциплинарности в региональной науке. Как считает канадский специалист М. Полез, региональная наука – это создание одного человека, убежденного пацифиста и квакера. М. Полез называет У. Айзарда идеалистом, мечтающим не только о создании новой науки, но и об избавлении мира от будущих войн. В дальнейшем он бы создал Общество исследования мира, а также субдисциплину «Экономика мира» [323].

Среди канадских исследователей выделялись И. Аткинсон, О. Джексон, Ч. Кэмселл, Г. Блюменфельд, Г. Иннис. Среди мексиканских – П. Санчес, Х. Ф. Рамирес, М. Ороско и Берра, М. М. Андрака, Л. Карденас, Э. А. Патиньо.

Можно утверждать, что бурное развитие региональной науки было связано с возникновением определенных организаций. Благодаря экономическим, географическим, политическим и социологическим ассоциациям в 1950-е гг. в США начали организовываться сессии по региональным вопросам. Далее эти обсуждения послужили новаторской идеей для создания RSAI. В противовес академическим программам публикации в журналах и книгах по исследованиям регионов продолжали свой расцвет совместно с увеличением количества конференций и летних институтов. Канадские региональные данные стали публиковаться еще до Второй мировой войны, но их общественное воздействие было в значительной степени омрачено влиянием Великой депрессии. Мексиканская эра характеризовалась стратегией популяризации промышленного роста и модернизации посредством концентрации основной экономической активности в крупных городах. Бесспорно, на формирование основных тенденций региональных исследований в Канаде и Мексике оказал значительное влияние их непосредственный сосед – страна, создавшая региональную

науку и вызвавшая рост региональных исследований во всем мире. Неслучайно первоначальные исследования неравномерного развития в Канаде были сосредоточены на изучении причин экономического неравенства США и Канады, и лишь позднее ученые осознали необходимость изучения проблемы неравномерного развития регионов внутри Канады.

Кроме этого, на взаимопроникновение научных идей на территории Северной Америки достаточно большое воздействие оказала активная мобильность научных специалистов: многие ученые даже имеют статус американско-канадских специалистов, проработавших в течение долгого времени как в канадских, так и американских вузах.

Тем не менее и в Канаде, и в Мексике исторический контекст также повлиял на формирование специфических черт региональных исследований.

С 1990-х гг. специалисты начинают говорить о периоде зрелости (а иногда даже упадка) региональной науки. Публикации этого времени поддерживают данную гипотезу и показывают взаимосвязь деятельности старой и новой школы по исследованиям регионов. Региональные вопросы по-прежнему являются острыми, а диапазон тем исследований значительно расширяется, включая проблемы, не входившие в вотчину региональных исследований в XX в.

ГЛАВА 3

РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ЛОКУС СИНТЕЗА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*В. В. Ананьев, Е. В. Кремнёв
О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская
И. В. Шалина*

Дальний Восток, развиваясь в собственной цивилизационной парадигме, одновременно с этим сумел сам обогатить Запад и почерпнуть на Западе новые векторы развития. Это в высшей степени актуально и для регионологического знания, которое построено, по сути, на двух составляющих: познании себя и познании других. На цивилизационном перепутье оказалась и Россия, постоянно стоящая перед выбором между дальневосточным и западным путями, что также повлияло на развитие науки о регионах в нашей стране. Наличие этого «вечного выбора» неудивительно: географически разрываясь между Европой и Азией в евразийском пространстве, своей административной частью она оказывается в Европе, но, когда речь заходит о ее роли в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона, Россия замечает, что «вторая нога», региональная, но оттого не менее важная, стоит в Азии. Отсюда и существенное влияние азиатского регионологического знания. Чтобы понять, какой путь прошло регионологическое знание в АТР, следует взглянуть на то, как оно развивалось в отдельных странах Дальнего Востока, как распорядилось собственным наследством и западными «дарами», какие перспективы видит для себя в третьем тысячелетии. В качестве ведущих стран, задающих темп развития регионологии на дальневосточном берегу АТР, мы выбрали Россию, Китай, Респуб-

лику Корея и Японию. Здесь и далее, описывая этапы развития регионологического знания, мы будем придерживаться концепции трех крупных периодов: проторегионологического знания, систематического регионологического знания и институционализированного регионологического знания¹³.

3.1. РОССИЯ: МЕЖДУ КОМПЛЕКСНЫМ И ДОМИНАНТНО-ДИСЦИПЛИНАРНЫМ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ¹⁴

3.1.1. Этапы развития регионологического знания в России

Отечественное регионологическое знание прошло в своем развитии несколько этапов. На этапе *проторегионологического знания* (XI–XVII вв.) важными источниками такового можно назвать [55]:

- 1) отдельные факты и сведения в русских летописях;
- 2) греческие и южнославянские книги;
- 3) хождения как жанр проторегионологического знания;
- 4) страноведческие описания, составляемые в процессе освоения Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии;

¹³ Модель разделения на проторегионологическое, систематическое регионологическое и институционализированное регионологическое знание построена на нашей гипотезе о том, что первый тип знания базируется на традиционных знаниях, сформировавшихся в каждой из изучаемых стран до начала периода проникновения науки по западному образцу (в отношении многих стран Восточной Азии в научной литературе для такого типа знания закрепился термин «традиционная наука»), второй формируется под влиянием западного знания, массово проникающего в Россию и страны Востока в XVIII–XIX вв., третий возникает, когда регионологическое знание обретает собственную научную базу.

¹⁴ Подробнее развитие регионологического знания в России можно проследить в: Лесниковская Е. В., Кремнев Е. В. Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. (Трансдисциплинарная регионология).

5) переписные книги и карты.

Систематическое регионоведческое знание формируется в России с приходом западных наук в XVIII–XIX вв. На XVIII в. приходится активное развитие страноведения России в рамках описательной географии. Благодаря экспедиционной деятельности наиболее весомый вклад в развитие комплексных историко-географических и этнографических наук, по мнению исследователя истории регионологии М. В. Ивановой, внесли Г. Миллер, И. Гмелин, В. Беринг, П. Паллас, И. Фальк, И. Лепехин, И. Георги и др. Среди наиболее выдающихся ученых, внесших свой вклад в развитие описательной географии, М. В. Иванова называет С. П. Крашенинникова, П. И. Рычкова, И. К. Кирилова, В. Н. Татищева и, конечно, М. В. Ломоносова [22]. Что касается формирования системы регионологических знаний о зарубежье, то в рамках крепнущей российской науки XVIII в. появилась возможность широкомасштабного изучения и перевода западных источников. Кроме того, как уже указывалось выше, освоение Дальнего Востока, не только российского, но и зарубежного, в значительной степени повлияло на становление регионологического знания, в связи с чем востоковедение и китаеведение стали его важными составляющими.

Для XIX в., кроме дальнейшего изучения зарубежных регионов, а также развития востоковедения и китаеведения, также характерно формирование новой хозяйственной географии России, новых индустриальных и сельскохозяйственных регионов, усиление процессов территориального разделения труда. Вышеизложенное стало причиной появления экономического районирования как метода изучения трансформирующейся географии производительных сил и разработки рекомендаций по развитию последних. Среди наиболее значимых ученых, внесших вклад в разработку проблемы экономического районирования, следует назвать К. А. Арсеньева, Н. П. Огарева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Д. И. Менделеева и др. [22].

Проторегионологическое и регионологическое знание досоветского периода характеризуется как минимум двумя важными особенностями. В качестве первой следует отметить то, как регионологическое знание с самого начала стремится к комплексному, всеохватному анализу изучаемого региона. И если для древних текстов это было нормой, то для более поздних периодов, особенно XIX в., когда начинается выраженное характерное обособление отдельных наук, регионологическое знание продолжает сохранять курс на комплексность, которая приобретает черты междисциплинарности и трансдисциплинарности.

Вторым важным аспектом, характеризующим регионологическое знание, является его востоковедческий ориентир. Знания о западной цивилизации приходили в значительной степени уже в готовом виде, тогда как Восток требовал изучения. Это касалось как отдельных земель, ждущих освоения, так и цивилизованного Востока, плохо понятного и недостаточно описанного не только в русскоязычном проторегионологическом дискурсе, но и в западном тоже [55].

В советское время развитие научных подходов к комплексному исследованию регионов, способствовавших формированию регионологической традиции, проходило, прежде всего, в рамках трех направлений:

1) советская экономическая география в целом и районная школа Н. Н. Баранского в частности (Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, Т. М. Калашникова, С. Я. Нымик, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев и др.);

2) страноведение в целом и экономико-географическое страноведение (Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, В. М. Гохман, И. М. Маергойз, Я. Г. Машбиц и др.);

3) комплексное проблемное страноведение (Я. Г. Машбиц, В. М. Гохман и др.).

Взаимодействие этих направлений позволяло им совершенствоваться и находить новые пути развития, обогащая друг друга подходами и производя парадигмальные сдвиги в общей канве советского регионологического знания [55].

Период *институционализации регионологического знания* пришелся уже на постсоветское время, хотя предложения по созданию новой науки звучали еще в 1980-е гг. Еще тогда начался поиск термина, который обозначил бы это направление. Как оказалось, прийти к согласию в выборе термина российская наука не сможет вплоть до настоящего времени. В активном научном лексиконе фигурируют как минимум три термина: регионология, регионалистика и регионоведение.

В России к настоящему моменту сложилась сложная система регионологического знания, неоднородная как с точки зрения определения целей и задач ее отдельных сфер, так и с парадигмальных позиций.

3.1.2. Роль комплексного и доминантно-дисциплинарного в отечественной регионологии

С одной стороны, толчком к развитию регионологии в России послужило внедрение в образовательную систему такой специальности, как «Регионоведение». Создание профильных подразделений в образовательных учреждениях простимулировало исследовательскую работу в этом направлении. С другой стороны, получили активное развитие и не связанные с образовательным процессом регионологические направления, а незакрепленность регионологии в правовом научном поле (отсутствие отдельной отрасли наук в номенклатуре специальностей научных работников и, как следствие, осуществление защит по регионологии в рамках других отраслей) определила специфический статус этой науки, позволяющий научным и образовательным учреждениям самим определять векторы развития в этой сфере [55].

Отсутствие регионологии в утвержденном списке отраслей наук нивелирует важную для значительного числа стран дискуссию о том, какие исследования относят к регионологии непосредственно, а какие выполнены в рамках

прочих наук. Всякий проект, который должен обрести формальный статус (диссертация, грант, внутривузовское исследование, финансируемое в рамках научных тем и т. п.), вписывается в существующую систему через привязку к науке, которая включена в официальный перечень. Это накладывает на российские научные школы определенный отпечаток: они начинают искать для себя «точку опоры» – научную отрасль, которая становится базовой для каждой конкретной школы.

С известной долей условности российские школы и направления регионологического знания можно разделить между собой как минимум по двум основаниям: по признаку монорегиональности/трансрегиональности и признаку доминантно-дисциплинарности/мультидисциплинарности [55].

По признаку монорегиональности/трансрегиональности научные направления и школы могут быть поделены на те, что изучают конкретный регион (собственный или внешний), и те, что сосредоточены не на одном регионе, а на других проблемах регионологии (межрегиональных связях, процессах регионализации в мире, теории и методологии науки о регионах и др.).

По принципу доминантно-дисциплинарности/ мультидисциплинарности – и это деление является более значимым для нашего исследования, поскольку именно в этой парадигмальной конструкции (доминантно-дисциплинарность/ мультидисциплинарность) следует ожидать дальнейшей трансформации не только российского, но и мирового регионологического знания – научные школы и направления можно также поделить на две группы [55]:

1) школы и направления, позиционирующие себя как доминантно-дисциплинарные (доминанта выражается в значительном влиянии на школу положений какой-либо одной науки);

2) школы и направления, позиционирующие себя как мультидисциплинарные (с подчеркнута комплексным, мультидисциплинарным подходом).

Это условное деление должно сопровождаться пониманием, что первые направления нередко привлекают междисциплинарные подходы, а вторые, продвигая идеи мультидисциплинарности, в реальности часто развиваются на базе одного научного направления, иногда – двух-трех.

Среди доминантно-дисциплинарных направлений можно выделить следующие (список далеко не исчерпывается перечисленными единицами):

1. Регионоведение как региональная география. Распространенный подход, исходящий из предпосылки, что «по своему характеру регионоведение тяготеет, прежде всего, к географии и может рассматриваться в качестве ее субдисциплины (т. е. вспомогательной дисциплины)» [3, с. 3]. Подробно этот подход изложен, в частности, в работе А. В. Алепко «Основы регионоведения» [3].

2. Политическая регионалистика. Указанная проблематика разрабатывается в большом количестве вузов и научных центров, в одной только Высшей школе экономики можно назвать Лабораторию региональных политических исследований (Р. Ф. Туровский, М. Н. Шестакова и др.) и Международную лабораторию исследований мирового порядка и нового регионализма (А. В. Лукин, Д. П. Новиков, А. С. Пятачкова и др.).

3. Образовательное/педагогическое регионоведение. Примером трансрегиональной деятельности может быть работа НИИ образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (руководитель НИИ – историк и энциклопедист В. В. Яковлев) [66], монорегиональной деятельности – выпуск журнала «Педагогическое регионоведение» в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета, журнал ставит своей целью активизацию комплексного изучения, сохранения и дальнейшего развития уникальной территории, называемой Воронежское Прихоперье.

4. Филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика. Эта проблематика разрабатывается, в частности, на факультете филологии и журналистики Там-

бовского государственного университета им. Г. Р. Державина (руководитель направления филологической регионалистики – Н. Ю. Желтова, доктор филологических наук, профессор, филолог-литературовед, среди представителей – филологи Е. Н. Бармина, Э. Н. Дзайкос, Я. В. Иконникова, Л. В. Полякова, Н. Е. Солопова, С. А. Старостина и др.), там же издается журнал «Филологическая регионалистика» [81]. Есть и монорегиональные учреждения по данному профилю, например, научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово» Курского государственного университета (М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко, И. С. Климас, С. К. Константинова, Н. В. Беляева, Н. О. Косицына) [66].

5. Историческое регионоведение. Оно сосредоточено на бытии региона во всем его разнообразии в различные периоды времени. Такого рода исследования ведутся, в частности, на кафедре исторического регионоведения СПбГУ (ведущие представители – Ю. В. Кривошеев, В. И. Хрисанфов, Е. И. Лелина, А. А. Мещенина, Р. А. Соколов, А. С. Сухорукова и др.) и в Учебно-научном центре региональной истории, краеведения и москвоведения РГГУ (ведущие специалисты – С. О. Шмидт, В. Ф. Козлов, Д. М. Абрамов, М. Д. Ковалева, С. Ю. Шокарев).

1) Социокультурное регионоведение. Это направление развивается, в частности, в рамках Центра по изучению взаимодействия культур при факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, выпускается журнал «Россия и Запад: диалог культур», проводится конференция с одноименным названием (ведущие представители направления – С. Г. Тер-Минасова, И. В. Павловский, А. В. Павловская и др. [79]).

Ко второй группе (к школам и направлениям, позиционирующим себя как *мультидисциплинарные*) следует отнести некоторое количество научных школ как российских, так и работающих в рамках одного дискурсивного пространства с российскими:

1. Мордовская школа регионологии (НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огаре-

ва, г. Саранск, директор – С. В. Полутин); концепция регионологии как новой интегративной дисциплины была предложена А. И. Сухаревым в 1981 г. и изначально предполагала междисциплинарный подход [16, с. 4]. Вместе с тем, как уже указывалось выше, мультидисциплинарность и здесь имеет отправную точку – конгломерат социологии, экономики и политологии. Это подтверждается и набором отраслей наук, в рамках которых осуществляет публикацию статей журнал «Регионология».

2. Мировое комплексное регионоведение, направление под руководством А. Д. Воскресенского. Определяется как «исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения» [31, с. 64];

3. Школа пространственных исследований (под руководством А. Г. Гранберга). Корни этой научной школы относятся к советскому периоду и связаны во многом с Сибирским отделением АН СССР. Разработка моделей пространственного развития экономики СССР началась в 1960-е гг. В качестве отправной точки подход рассматривает экономику.

4. Мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход (разработки под руководством И. Н. Барыгина). Авторский коллектив учебного пособия «Регионоведение» (В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич, И. Н. Белобородова, А. В. Дука под руководством И. Н. Барыгина), изданного второй раз в 2019 г., представил «оригинальную интерпретацию предмета регионоведения в рамках междисциплинарного и мультипарадигмального подходов, что соответствует важнейшей тенденции интеграции научного знания» [75, с. 13]. Доминантой этого подхода является конгломерат политологии, экономики и социологии, обогащаемый географическими и социокультурными концепциями.

5. Школа Южного федерального университета (под руководством Ю. Г. Волкова) возникла в 1998 г. с появлением отделения регионоведения в структуре ИППК РГУ. Следует сказать, что эта школа, несмотря на акцент на регионе Северного Кавказа и Юга России, активно разрабатывает

проблематику глобальных трансформаций регионов, региональной и национальной безопасности, межнациональных отношений, применяя междисциплинарный, социологический и проблемный подходы [4; 5, с. 112–113].

6. Подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского. Был предложен в их труде «Регионоведение» (2010 г.). Сами исследователи подчеркивают, что регионоведение активно действует геополитический и цивилизационный подходы.

В настоящее время идет формирование новых школ и направлений, активно развивающих регионологическое знание в научном и образовательном ключе. Все больше профильных подразделений крупных вузов делают ставку на комплексные, интегративные подходы, предпринимая попытки объединить на своей базе ученых из разных научных школ. В качестве примера можно привести деятельность Департамента зарубежного регионоведения Высшей школы экономики (руководитель В.В. Вишнякова).

На основе анализа российских школ и направлений можно выделить несколько характерных особенностей, наблюдаемых у регионологического знания в России [55]:

1) поляризация на междисциплинарные (комплексные, мультидисциплинарные) школы или выбор уклона (историко-философского, филологического, экономического и т. д.);

2) интеграция в сферу исследований проблем регионального развития (отечественного и мирового уровня);

3) высокий уровень контекстуализации региональных исследований;

4) интерес к процессам централизации и федерализации, что является актуальной проблемой России;

5) стремительное развитие, следование актуальным тенденциям.

Указанную выше поляризацию (мультидисциплинарность/доминантно-дисциплинарность) можно трактовать как попытку России «разорваться» между Азией с ее комплексным, синтетическим подходом к науке и Западом с его конкретным и аналитическим научным знанием. Ответом на эту двойственность в новом тысячелетии становится формирующееся поле трансдисциплинарности. На его основе могут быть решены как проблема излишней ком-

плексности, которая, по мнению многих ученых, размывает профессионализм и специализацию, так и проблема «уклона» или «отправной точки», поскольку трансдисциплинарность предполагает иной уровень открытости новому знанию и построение новой системы междисциплинарных отношений.

3.2. КИТАЙ: РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ «С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»¹⁵

Известный китайский регионолог, которого считают одним из основателей региональной науки в Китае, профессор Ян Кайчжун (杨开忠) указывает, что «наука о регионе» имеет разную интерпретацию: «практически каждый ученый в области регионоведческих исследований и каждый учебник по науке о регионе имеют свое собственное определение, даже если различия крайне несущественны» [Цит. по: 6]. Вместе с тем регионологическое знание в Китае имеет ряд отличительных особенностей, на которых следует остановиться.

3.2.1. Этапы развития регионологического знания в Китае

Как полагает С. Б. Макеева, «значительную роль в формировании предпосылок к созданию системы китайского регионоведческого знания сыграла описательная и аналитическая деятельность китайских исследователей в области историко-географического направления» [60, с. 17].

¹⁵ Подробнее развитие регионологического знания в Китае можно проследить в: Макеева С. Б. История регионального развития Китая в русле формирования системы китайских регионоведческих знаний: монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 204 с. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии» № 19-011-00040 (руководитель проекта – О. В. Кузнецова).

Изучение вопросов, связанных с развитием регионов в целом, в древности имело огромное значение. Ученые и правители разных стран были заинтересованы в «своих соседях», стремились к заключению торговых договоров и мирных соглашений, а также в изучении и освоении регионов в рамках собственной территории. В этом смысле региональное развитие Китая было подкреплено системой достаточно сформированного географического знания. География как отрасль знания имеет в Китае более чем двухтысячелетнюю историю существования.

Специалисты в области истории географических знаний, такие как Ли Жуньтянь, Тянь Ицзи, Цао Ваньжу в своих научных работах утверждают, что развитие географических знаний в Китае можно разделить на три этапа:

1) формирование географического знания на этапе с древнейших времен до Опиумных войн 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.;

2) дальнейшая эволюция знания под влиянием западных географических наук с середины XIX в. по 1949 г.;

3) современный период развития географии как науки с момента создания Китайской Народной Республики (1949 г.) до настоящего момента [60, с. 17–18].

Характеризуя первый период, российский историк и географ В. Т. Зайчиков отмечает, что «в подавляющем большинстве китайских географических источников детально излагаются сведения по отдельным местностям и населенным пунктам; обстоятельность китайских географов развертывает полную картину характеризующих мест, вплоть до скрупулезнейших описаний отдельных холмов, вершин, мельчайших притоков» [17, с. 6]. Затем, как полагают китайские исследователи Хуан Лиминь и Цао Сяобинь, стал возможным переход к новейшей географии – в период, когда Китай вынужден был открыться миру под давлением иностранных государств [60, с. 18]. И наконец, с 1949 г. вся китайская наука кардинально изменила свой облик в связи с приходом к власти коммунистической партии и созданием нового государства.

Вслед за этой периодизацией, основываясь на факте, что все китайские науки претерпели сходные изменения в те же периоды, что и география, можно выделить этапы развития регионологического знания в Китае:

1) период проторегионологического знания (со времени первых зафиксированных регионологических сведений до Опиумных войн 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.);

2) период формирования систематического регионологического знания (под влиянием западной науки с середины XIX в. по 1949 г.);

3) период современного регионологического знания (1949 г. – настоящее время), в том числе институционализации в Китае региональной науки.

Остановимся подробнее на указанных периодах.

Период проторегионологического знания охватил этап традиционной китайской науки до проникновения в Китай западных наук. Первые записи проторегионологического характера возникают вслед за появлением письменности: «на гадальных костях династии Шан можно обнаружить описания различных явлений природы, таких как солнечное и лунное затмения, дождь, ясная и облачная погода, сила ветра, гром и молния, иней и так далее; названия городов, рек, поселений, охотничьих угодий и этнических поселений» [60, с. 18]. Когда же появляются оформленные тексты, выделяется несколько типов источников проторегионологического знания:

1) историко-географические тексты;

2) записи о путешествиях;

3) иные тексты, содержащие элементы проторегионологического знания.

В 1046 или 1027 г. до н. э. (в соответствии с разными вариантами датировок) после кончины последнего правителя государства Шань-Инь Ди Синя (帝辛) власть перешла союзу племен Чжоу. Государство Чжоу продолжало культурную традицию Шан, расширяя свое культурное влияние и увеличивая империю. Именно во времена Восточной Чжоу (770–256 гг. до н. э.) мы сталкиваемся с со-

зданием «Книги перемен» («И Цзин», 易经) – наиболее раннего из китайских философских текстов, примечательного тем, что в нем китаеведы обнаружили первое упоминание термина «география» (地理, в то время в значении «земные принципы») [368, р. 11].

Периоды Чуньцю (春秋时期, 770–476 гг. до н. э.) и Чжаньго (战国时期, 475–221 гг. до н. э.) представляют собой эпоху крупных изменений. Наука продолжала развиваться, создавались географические трактаты, такие как «Юй гун» («Вклад Юя», 禹贡, ок. VIII–V вв. до н. э.). Практическая ценность этого произведения состоит в том, что перечисленные в нем районы не совпадают с существовавшими в тот период административно-политическими районами страны. Они описаны с точки зрения общности по физико-географическим характеристикам [60, с. 27]. Не менее известен трактат «Шань хай цзин» (山海经, предп. конец III – начало II в. до н. э.) – «Канон/каталог гор и морей». В нем мы можем найти как мифическую, так и реальную географию Китая и соседних стран [2].

Проторегиологические сведения содержались не только в географических работах, но и иного рода текстах. Так, философский трактат «Гуань-цзы» (管子, в основном IV–III вв. до н. э.) содержал классификацию «форм рельефа согласно потребностям в сельском хозяйстве», проторегиологическое знание в нем содержится в четырех главах: «Вода и земля», «Четыре времени года», «Категория земля», «О цифровых расчетах в отношении земли» [60, с. 29]. К тем же текстам можно отнести толковый словарь «Эръя» (尔雅, ок. III–II вв. до н. э.), содержащий сведения о климате, рельефе, водоемах, флоре и фауне [86].

Проторегиологическое знание описанных периодов (до династии Цинь, 221–206 гг. до н. э.) формировалось в русле нескольких подходов к пониманию устройства окружающего мира. Чжао Жун выделяет в качестве основных три: 1) «теория куполообразного неба» (盖天说): полукруглое небо накрывало квадратную землю. Эта модель изложена

в трактате «Канон расчета чжоуского гномона» (周髀算经); 2) «теория девяти областей» (大小九州说), на которые разделен мир; 3) «теория четырех морей» (四海说), в соответствии с ней Китай со всех сторон окружен водами, и все, что за пределами страны, – единый огромный океан. С приходом к власти династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) популяризовалась еще одна идея – «теория всеобъемлющего неба» (浑天说), согласно которой шарообразное Небо вращается, а Земля находится в центре этого шара. Описанная структура похожа на яйцо, в которой Небо – белок, а Земля – желток [468, р. 21–22].

Именно при Хань термин «география» становится официальным для работ такого характера, в исторической хронике «Хань шу» (汉书, «Книга [об эпохе] Хань», 206 г. до н. э. – VIII в. н. э.) появляется раздел «Географические описания» (地理志) [60, с. 31] Кроме того, среди важных географических памятников этой эпохи выделяют три шелковые карты начального периода Западной Хань: физическая карта, карта гарнизонов и карта столицы. Они были обнаружены в 1973–1974 гг. при раскопках Мавандуй (馬王堆) в г. Чанша (провинция Хунань) [468, р. 25].

Несмотря на то что карты составлялись уже довольно давно, началом официальной китайской картографии можно считать эпоху Троецарствия, когда «китайский политик, географ, писатель и картограф династии Вэй (220–265 гг.) Пэй Сю 裴秀 (224–271)... первым в Китае сформировал и систематизировал знания по теории картографии и выдвинул необходимые методы в процессе изготовления карт... разработал шесть принципов картографирования» [60, с. 34–36].

Важным историко-географическим трудом эпохи Южных и Северных династий (420–589 гг.) стала работа чиновника и географа Ли Даоюаня (酈道元, 472–527) под названием «Шуй цзин чжу» (水经注, «Канон вод/рек с комментариями»). Работа, выполненная в китайской традиции, подавалась как комментарий к классическому тексту

«Шуй цзин» (水经, «Канон вод/рек»), составленному по разным оценкам в период с I в. до н. э. до IV в. н. э. Между тем «комментарий» Ли Даюаня превосходил оригинальный текст в сорок раз и во многом был основан на личных путешествиях и изысканиях автора, в нем «подробно описаны бассейны рек с их рельефом, растительностью и изменениями русла, прилегающие территории с природными и культурными компонентами, географическими, климатическими и историческими особенностями вплоть до местных мифов и легенд. Отмечены города и поселки, результаты гидростроительства и ирригации. Запечатлены обширные личные наблюдения автора, а также сведения из более чем 400 книг и множества надписей на древних стелах, в основном не сохранившихся» [29].

Следующий шаг в истории Китая – правление династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.). Ученые этого периода достигли больших успехов в составлении карт и описании местности, расширили свои знания в области зарубежной географии. В частности, правительство Суй издало указ о написании и публикации местной хроники по всей стране, а также составлении карты всего Китая. Произведение «Цюй юй ту чжи» (区宇图志) является «первыми официальными региональными хрониками в истории Китая», оно содержало позднее утерянные карты [60, с. 38].

Периодом наивысшего могущества страны, золотым веком реформ и культурного развития Китая является период правления династии Тан (618–907 гг.). Среди важнейших историко-географических сочинений этого времени, по мнению китайского ученого Ши Нянхая (史念海), следует назвать: «Обширное описание местности» (括地志) Ли Тая, «Описание уездов и областей в годы правления императора Сяньцзуна (806–820 гг.)» (元和郡县图志) авторства Ли Цзифу, «Заметки о двух столицах» (两京新记), составленные Вэй Шу, «Записи о землях У» (吴地记), «Описание Юньнань» (云南志), «Заметки об удивительных вещах во

внешних землях [к югу от пяти] хребтов» (岭表录异), «Записи о природных условиях Гуйлиня» (桂林风土记) и др. [461].

Среди произведений о путешествиях эпохи Тан следует отметить книгу «Записки о западном крае, [составленные в эпоху] Великой Тан» (大唐西域记, 646 г.), написанную монахом Сюань Цзаном. «Он описал личный опыт и информацию, полученную от других людей, о 138 странах и областях, включая территорию современного Синьцзян-Уйгурского автономного района, Афганистана, Индии, Ирана, Пакистана, Непала, Бангладеша, Шри-Ланки и т. д. Книга содержит описания географических особенностей, обобщающие характеристики морского и сухопутного транспорта, климата, природных ресурсов, истории, религии, экономики, культуры, обычаев и нравов различных народов» [60, с. 41–42].

Значительный вклад в развитие проторегионологического знания внес танский географ и политический деятель Цзя Дань (賈耽, 730–805). Он систематизировал данные, полученные от иноземцев, и создал «Карту девяти областей Китая: Гуаньчжун, Лунъю, Шаньнань» (关中陇右及山南九州图, 798 г.), в качестве комментариев к которой были составлены «Отдельные записи о девяти областях Китая: Гуаньчжун, Лунъю, Шаньнань» (关中陇右山南九州别录). Еще одним важным плодом его 30-летнего труда стало «Изображение китайских и варварских [земель] в пределах [четырёх] морей» (海内华夷图, 801 г.) с прилагаемым к нему «Описанием древних и современных областей, государств, округов, уездов и [земель] варваров четырёх [сторон света]» (古今郡国县道四夷述). Наконец, следует также сказать и о «Записках о Китайской империи и [землях] четырёх направлений» (皇华四达记, 804 г.) [30].

Следующий период, отличающийся важным вкладом в проторегионологическое знание, стала эпоха Сун (960–1279 гг.). Среди важнейших трудов следует назвать «Географические заметки эпохи Тайпин» (太平寰宇记), составленные литературоведом и географом Юэ Ши (乐史, 930–

1007), и «Описание иноземных стран» (诸蕃志) авторства Чжао Жугуа (赵汝适) – «наиболее содержательное из созданных в Китае домонгольского периода “историко-географическое описание иноземных стран”. В нем описан весь известный в период Южная Сун (1127–1279 гг.) мир к востоку, югу, юго-востоку и юго-западу от Китая» [85, с. 8].

Среди текстов этого периода, посвященных описанию отдельных регионов Китая, можно выделить «Записи о Чанъань» (长安志), «Записи об Уцзюнь» (吴郡志), «Записи о Синъань» (新安志), «Записи о Саньшань» (三山志), «Записи о Цзядин и Чичэн» (嘉定赤城志), «Заметки о Шань» (剡录) [468, с. 35; цит. по: 60, с. 45].

В конце XI в. ученый-энциклопедист Шэнь Ко (沈括, 1031–1095) создал несколько трудов проторегионоведческого толка, среди которых карта всей территории Китая, атлас из 23 карт «Изображения областей и уездов Поднебесной» (天下州县图), снабженный приложением с комментариями и пояснениями, а также «Беседы с кистью в Мэнси» (梦溪笔谈). В книге собраны научные знания средневекового Китая в целом. Затрагиваются достижения в области математики, астрономии, физики, биологии, географии и т. д.

Времена правления монгольской династии Юань (1271–1368 гг.) связаны с посещением Китая множеством иностранных путешественников. Во время всего правления династии в политике и культуре боролось два начала: монгольское и китайское. Китай был открыт самым разным внешним влияниям. В историю вошел целый ряд имен китайских ученых, внесших свой вклад в дело развития географических знаний: Елюй Чуцай (耶律楚材, 1190–1244), представитель народности кидань, автор книги о культуре и географии средней Азии «Описание путешествия на Запад» (西游录), написанной на основе его путешествия в начале XIII в., когда он сопровождал Чингисхана, основателя Монгольской империи, во время крупного похода в западные земли; Чан Чунь (长春, 1148–1227), даосский монах, ученик которого во время путешествия монаха из Пе-

кина в Самарканд по приглашению Чингисхана составил его путевой дневник «Описание путешествия на Запад истинного мужа Чан Чуня» (长春真人西游记); Ван Даюань (汪大渊, 1311–?), автор «Кратких записей об островных варварах» (岛夷志略), основанных на его экспедициях в период между 1330 и 1339 гг., он посетил острова Хайнань, Шри-Ланка, Ява, Филиппинские, Малайский архипелаг, побывал в землях Мьянмы, Индии, Персии, Египта, Марокко, Сомали, Мозамбика, достиг Австралии; Чжоу Дагуань (周达观, 1266–1346), автор «Записок об обычаях Чжэньла» (真腊风土记, 1927 г.), посетил как посол династии Юань кхмерское государство Чжэньла, которое располагалось на территории современных стран Камбоджи, Вьетнама, Лаоса, Таиланда [468; цит. по: 60, с. 48].

1368–1644 гг. – время правления династии Мин, время китайских географических открытий и расширения знаний о внешнем мире. Императором были снаряжены морские экспедиции в различные страны Азии и Африки. Во главе экспедиций стоял генерал и дипломат Чжэн Хэ (郑和, 1371/1376–1433/1435). Плаванья продолжались 28 лет, Чжэн Хэ посетил Индокитай, Индостан, Аравийский полуостров и Восточную Африку. Участники плаваний составили подробные описания земель, где они побывали, а также множество морских карт [27].

Проторегионалогические сведения содержатся в произведении «Энциклопедия Юнлэ» (永乐大典, 1403–1408 гг.), она была создана по распоряжению императора Чжу Ди (朱棣) («Юнлэ», букв. «Вечное счастье», – девиз его правления). «Энциклопедия содержит информацию из восьми тысяч текстов, принадлежащих периоду от начала правления Цинь вплоть до начала Мин, также в ней зафиксирована историческая география до XIV века. Большое внимание было уделено краеведческой литературе» [60, с. 50].

XVI–XVII вв. в истории Востока характеризуются прибытием миссионеров из Европы в страны Азии. Китай не является исключением. Начало иезуитской деятельности в

Китае положил итальянец Маттео Риччи (1552–1610). В 1584 и 1600 гг. он опубликовал две карты: «Полное изображение гор и морей Вселенной» (輿地山海全图) и «Полное изображение Вселенной с горами и морями» («山海輿地全图»), что позволило китайцам оценить соотношение Китая и других земель [60, с. 51].

При империи Цин (1644–1912 гг.) проторегионалогическое знание претерпело значительные изменения. На начальном этапе были предприняты попытки продолжать традиции развития историко-географического знания. В 1707 г. по приказу императора Канси (康熙) в окрестностях Пекина было проведено пробное картографирование, а затем по его приглашению в Китай прибыли французские проповедники Жан-Батист Реджис, Петрусе Сартру и Иоахим Буве. Они осуществили первую геодезическую работу по всей стране. В 1717–1718 гг. на основе ее результатов был создан атлас «Изображение полного обозрения имперских краев» (皇輿全览图) [28, с. 226–249]. Позднее он был дополнен по приказу императора Цяньлуна, новый атлас назывался «Изображение территории Китая при императоре Цяньлуне» (乾隆内府輿图) [468, с. 40].

Тогда же были созданы труды, дополнявшие и пересматривавшие классические проторегионалогические труды: «Вклад Юя» (禹贡) комментировали и дорабатывали Ху Вэй, Сюй Вэньцзин, Чжу Хэлин, Дин Янь; над пересмотренными вариантами «Канона/каталога гор и морей» (山海经) трудились Би Янь и Хао Исин [60].

Однако с XVII в. географические работы ощутимо сократились. Самым значимым проторегионалогическим трудом этого времени были созданные тогда отдельные части гигантского произведения «Описания местности» (地方志), именуемого также «Описания» (志). Этот труд берет свое начало еще в III в. н. э., а его тома дополнялись вплоть до нашего времени. Кроме того, во второй половине XVIII в. была составлена книжная серия «Полное собрание книг по всем четырем разделам» (四库全书), «где в отделе

исторической литературы географические описания и исследования занимают такое же большое место, как и исторические» [60, с. 55].

Период формирования систематического регионологического знания (под влиянием западной науки с середины XIX в. по 1949 г.) условно начинается с Опиумных войн (1840–1842 гг., 1856–1860 гг.). Они нанесли сокрушительный удар по Цинской империи. Вектор мирового капиталистического развития был направлен в сторону складывания системы международной торговли и дальнейшего разрушения китайской самоизоляции. Начался период превращения страны в полуколонию.

Результатом стало осознание необходимости учиться у Запада с точки зрения различных подходов: как с позиции необходимости преодоления отсталости за счет изучения более прогрессивной западной науки, так и с позиции крайнего национализма – победа над врагом возможна только благодаря изучению его науки и техники. В частности, таких взглядов придерживался ученый и политический деятель Вэй Юань (魏源, 1794–1856/1857), в 1842 г. завершивший свой 50-томный труд «Географические описания заморских государств с картами» (海国图志) [12]. В 1854 г. книга была переведена на японский язык, внесла большой вклад в изменение мировоззрения японцев, что сыграло свою роль в приближении революции Мэйдзи [468, с. 55].

Результаты научной деятельности ученых Китая нашли свое практическое применение и, несомненно, сыграли важную роль в процессе развития китайского общества в целом. Влияние западной науки на умы китайцев времен правления династии Цин также было довольно значительным. Многие ратовали за проведение реформ и развитие внешней торговли. В учебных заведениях Китая изучали опыт иностранных держав. Большое внимание уделялось географическому образованию. К началу XX в. правительством Цин было закреплено обязательное изучение географии в школе и в вузах [60, с. 58].

Большое влияние на внедрение системы географических знаний в Китае оказали переведенные на китайский язык работы иностранных авторов по географии: «Рельеф местности» Тетона Херна (Германия); «География жизни» Цунэсабуро Макигути (Япония), в которой описывалась атмосфера, геосфера, гидросфера, человеческий род; «Новейший учебник по мировой коммерческой географии» Каинояма Томэкиги (Япония) – в работе 5 глав, описываются сельское хозяйство, животноводство, обрабатывающая и горнодобывающая промышленности, торговля, пути сообщения и морские порты Европы, Америки, Азии и Африки [58, с. 163–164]. На китайский язык переводились произведения таких западноевропейских ученых, как Геттнер, Хентингтон, Хартсхорн, Мальтус, Чизхольм, Стэмп и Вебер [60, с. 67].

По мнению В. Т. Зайчикова, география Китая на этом этапе «в значительной мере... складывалась под влиянием географических идей Запада, так как вместе с экономической экспансией в Китае происходило проникновение иностранного влияния в области китайской науки, в том числе в области географии и геологии, связанных с исследованием природных ресурсов. Значительная часть основных географических исследований в Китае проводилась иностранцами, выбиравшими для изучения наиболее интересные их районы» [17]. Среди таких можно отметить, в частности, Джорджа Кресси (1896–1963), который преподавал в Шанхайском университете геологию и географию по западным моделям, а «праздничные, выходные дни и отпуска... тратил на географические и геологические исследования Китая. В 1924 году он побывал с экспедицией и осмотрел Цинхай и Тибет, а на обратном пути провел исследования на плато в северо-западной части большой излучины реки Хуанхэ, Ордосе и в пустыне Алашан, но не успел их тщательно изучить. Его основными трудами являются произведения “Характеристики климата Китая и его связь с выращиванием продовольственных культур” и “Предварительные исследования климата Китая за пять тысяч лет”» [60, с. 63].

Вместе с тем именно в этот период сформировались и видные китайские географы. Первым китайским представителем географии в современном смысле этого термина считают Чжан Сянвэня (张相文, 1866–1933), в 1901 г. впервые выпустившего учебники по географии. Его перу принадлежит множество важных работ: «Физическая география» (地文学, 1908 г.), «Учебник по новой геологии» (最新地质学教科) и др. В 1909 г. под руководством Чжан Сянвэня было учреждено первое в Китае Геологическое общество, которое стало публиковать собственные журналы по географии, в том числе «Географический журнал» [466].

В 1934 г. было основано Географическое общество Китая под руководством географа, преподавателя и климатолога Чжу Кэчжэня (竺可桢, 1890–1974) при содействии Вэнь Веньхао и Чжан Циюня [60, с. 62].

В сентябре 1934 г. в Нанкине началась публикация периодического издания «Географический вестник» (地理学报), его официальное зарубежное наименование – Acta Geographica Sinica. Сейчас «это комплексное научное периодическое издание, осуществляемое китайским Географическим обществом, Исследовательским институтом природных ресурсов Китайской Академии географических наук. Журнал посвящен новейшим результатам географических исследований, обобщенному опыту географии и смежных с ней наук, освоению ресурсов, защите окружающей среды, региональной экономике, экономическому планированию, географии туристических районов, дистанционному зондированию, геоинформационной системе» [60, с. 62]. Журнал входит в десятку лучших национальных журналов и занимает первое место среди периодических изданий по географии, включен в международные базы данных [450].

В 1920–30-е гг. работы китайских географов были посвящены климатологии, экономической географии, физической географии, гидрологии, геоморфологии. С точки зрения развития регионологического знания китайские климатологи занимались проблемами районирования страны по климатическим признакам, это было необходимо

для развития сельского хозяйства. Эти исследования, инициированные в 1920-х гг. Чжу Кэчжэнем, получили продолжение в деятельности видных китайских специалистов по климату Ту Чанвана и Лу Оу: они создали модели районирования, обосновали принятое районирование по климатическим условиям, а также описали основные характеристики климатических регионов [17, с. 41].

В 1920–30-х гг. выходят в свет произведения «Обзор мировой экономической географии» и «Послевоенная экономическая география мира». Как мы видим, работы посвящены экономико-географическим процессам внутри страны. Продолжаются работы по районированию: «в 1930-х годах, основываясь на данных обследований крестьянских хозяйств, проводившихся экономическим факультетом университета Цзинлу, и учетных данных других учреждений, публиковавшихся в виде специальных докладов, было осуществлено сельскохозяйственное районирование Китая, подразделившее страну по преобладающим сельскохозяйственным культурам на девять основных районов» [60, с. 65].

Научная экономико-географическая работа в Китае существенно усиливается в период антияпонского сопротивления. Базовыми задачами в то время были изучение районов, где требовалось строительство новых дорог, и исследование земель, на которых можно было развивать сельское хозяйство. Более того, в 1941 г. вышла в свет книга по экономической географии, которая обобщила достижения китайской науки на тот момент [60, с. 65].

В рассмотренный период регионологическое знание формируется в рамках пришедшей в Китай западной науки, под ее влиянием видоизменяясь в сторону большей дифференциации и специализации научных дисциплин.

Период современного регионологического знания (1949 г. – настоящее время) начинается с момента образования КНР и продолжается по сей день. С точки зрения развития регионологического знания его можно поделить на подпериоды:

- 1) развитие регионологического знания в 1949–1966 гг. с целью повышения темпов экономического развития;
- 2) застой регионологического знания вместе с остальной наукой в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.);
- 3) современный период развития регионологического знания с 1980-х гг. по настоящее время, включающий процессы институционализации региональной науки в КНР.

Поскольку регионологическое знание рассматривается нами как широкое, комплексное поле, то очевидно, что описание всех достижений китайских регионологов в различных отраслях наук требует многолетних исследований и тщательного анализа. Не ставя перед собой такую цель, мы хотели бы остановиться на двух важных положениях. Во-первых, изучение китайцами собственных и чужих регионов во второй половине XX в. – начале XXI в. обрело широкий размах: исследуются культура, религия, социум, политика, экономика и другие сферы, нередко в сравнительном аспекте. Однако идея так называемых региональных исследований (*regional studies*), т. е. межпредметной области, объединяющей усилия регионологов из разных научных дисциплин, не сразу получила развитие в КНР: китайское отделение Ассоциации региональных исследований было открыто при Академии наук Китая лишь в 2014 г. [146], его почетным председателем стал экономист и географ Лу Дадао (陆大道) [470].

Во-вторых, постановка на первое место экономического развития определила важную роль таких наук, как география и экономика, что в свою очередь побудило китайские экономические и научные круги заимствовать с Запада не региональные исследования (*area studies* и *regional studies*) с их слишком широкими задачами и неустойчивыми границами, а региональную науку У. Айзарда (*regional science*) с ее достаточно четким социально-экономическим ориентиром. В связи с этим, рассматривая регионологическое знание современного Китая, мы не фокусируем внимание на первом аспекте (широком межпредметном поле), а сосредоточиваемся именно на развитии экономико-

географических направлений и их институционализированного конгломерата – региональной науки. И те и другие при необходимости пользуются наработками других наук (истории, политологии, культурологии), если это требуется для решения главной задачи – ускорения социально-экономического развития регионов.

В начальный период существования нового государства по вопросу решения проблем регионального развития КНР китайцы часто обращались к разработкам советских ученых: «в частности, перенимались теоретические учения о природном, сельскохозяйственном, экономическом районировании и территориально-производственном комплексе. Кроме того, китайские ученые-географы проявляли интерес к достижениям изучения регионального развития в рамках советской экономической географии. На китайский язык были переведены работы И. А. Витвера “Экономическая география зарубежных стран”, Н. Н. Баранского “Экономическая география СССР”, А. И. Воейкова “Климаты земного шара”, Л. С. Берга “Климат и жизнь”, Б. Ф. Добрынина “Физическая география Западной Европы”. Данные произведения служили основными пособиями в китайских учебных заведениях в рамках преподавания географии» [60, с. 68]. С точки зрения развития регионологического знания китайские ученые проявляли особый интерес к экономико-географическому районированию, это было необходимо для учета всех факторов регионального развития.

Развивались и организации, связанные с регионологическим знанием. Так, уже в 1949 г. Китайское географическое общество присоединилось к Международному географическому союзу. В 1950 г. произошло слияние Геологического общества и Географического общества Китая, причем филиалы географических обществ были в каждой провинции. В 1953 г. председателем Географического общества Китая был избран Чжу Кэчжэнь. В том же 1953 г. был основан Институт географии Академии наук Китая, специалисты которого вели комплексные региональные исследования. Руководил им Чжу Кэчжэнь, а среди высших лиц

работали известные ученые того периода: Хуан Бинвэй, Чжоу Лисань, Ло Кайфу, Цэн Шиин, Чжоу Тинжу, Фан Цзюнь, Ли Чуньфэнь, У Чуаньцзюнь и др. [60, с. 68–69].

В 1950-е гг. во многих китайских университетах были открыты географические факультеты, около 30 географических факультетов и отделений, в том числе в Нанкине, Кантоне, Пекине, Ланьчжоу, Чэнду, Сиане. Регионалогическое знание в КНР продолжало движение в различных направлениях: экономическая география, физическая география, климатология, гидрография, геоморфология, биогеография и т. п. Со второй половины XX в. появилась такая дисциплина, как гидрология. Правительство КНР уделяло большое внимание развитию сельского хозяйства и освоению водных ресурсов.

Регионалогические исследования в 1955–1958 гг. активно продвигались в направлении районирования: «в ходе выполнения плана с самого начала китайские ученые консультировались с советскими научными центрами и экспертами в таких научных областях, как география, ботаника, зоология и почвоведение. Уже в конце 1958 года проект природного районирования Китая был завершен, он состоял из следующих компонентов: комплексное природное, ботаническое, геоморфологическое, климатическое, гидрогеологическое, почвенное, зоологическое и гидрологическое районирования Китая» [60, с. 72].

В частности, под руководством Чжоу Лисаня (周立三, 1910–1998), в 1950-е гг. было осуществлено сельскохозяйственное районирование КНР: Китай был поделен на 5 зон (центрально-южная, центральная, северная, северо-восточная, приморская) и 16 сельскохозяйственных районов [60, с. 80]. Геоботаническое районирование территории Китая подразделяло страну на следующие большие регионы: 1) Северо-Китайская равнина с преобладающей культурной растительностью; 2) северо-западные территории со степной растительностью; 3) области лесной растительности; 4) области высокогорной растительности; 5) области приморской растительности [17, с. 56].

1960–70-е гг. создали гигантский пробел в развитии китайской науки в целом, но с конца 1970-х КНР начинает новый этап, характеризующийся все большей интенсификацией научных исследований. Для регионологического знания этот период стал временем институционализации этого научного направления в Китае. С. Б. Макеева, изучая этот период, предлагает говорить о наиболее существенном вкладе географии, экономики и собственно региональной науки в развитие регионологического знания в целом [60].

Особенности политики реформ и открытости в рамках «социализма с китайской спецификой» определили ведущее место географии, которое академические круги отводили ей в разработке научно-практических аспектов реализации этой политики. Среди географов наибольший вклад в изучение проблем регионального развития внесли *Ли Вэньян* (李文彦, 1929–2020), изучавший экономико-географические характеристики отдельных регионов КНР, в частности, Внутренней Монголии; *Лу Дадао* (陆大道, род. в 1940 г.), разработавший факторную оценку территориального промышленного планирования, стратегию пространственной структуры регионального развития Китая, Т-образную прибрежную экономическую модель, варианты преодоления регионального экономического разрыва между отдельными территориями КНР, в 1988 г. вышла его книга «Теория местоположения и методы изучения региона» (区位论及区域研究方法); *Лю Вэйдун* (刘卫东, род. в 1967 г.), специалист по проблемам развития отдельных регионов КНР, последствиям экономической глобализации и использования информационных технологий для решения проблем регионального развития; основные работы: «Регулирование разрыва в региональном развитии КНР», «Исследование эволюции пространственной структуры регионального экономического развития Китая в условиях экономической глобализации», «Исследование влияния информатизации на организацию социально-экономического пространства» и др.; *Пань Юйцзюнь* (潘玉君, род. в 1965 г.), сторонник применения междисциплинарного подхода при

изучении проблем регионального развития, пространственной структуры и вопросов экологии, автор работ «Введение в географическую науку», «Методы географии в национальном планировании»; *У Чуаньцзюнь* (吴传钧, 1919–2009), специалист по территориальному управлению и принципам землепользования, автор более 200 работ, способствовал формированию теоретико-методологической базы экономической географии в Китае; *У Юдэ* (武友德, род. в 1964 г.), специалист в области изучения региональных различий, изучал вопросы модернизации и пространственного планирования на примере провинции Юньнань, основные работы: «Теория экономического роста в слаборазвитых регионах Китая» [465], «Основные экономические характеристики слаборазвитых районов Западного региона КНР» «Введение в региональную экономику», «Принципы устойчивого развития Китая», «Проблемы регионального экономического развития в Юго-Западном районе Китая»; *Ху Сюйвэй* (胡序威, род. в 1928 г.), специалист в сфере регионального развития городов и пространственной агломерации в прибрежных городах и остальных городах Китая, занимал должность редактора журнала «Экономическая география» в 1954–1966 гг. и вице-президента Китайской ассоциации региональной науки после ее создания в 1991 г.; одна из важнейших работ – «Исследование региона и города»; *Ху Чжаолян* (胡兆量, род. в 1933 г.), экономико-географ, автор работ «Введение в экономическую географию», «Географическая среда», «Китайские города в новых условиях», использовал успехи экономической географии в формировании принципов пространственного развития территории КНР; *Чэнь Цзунсин* (陈宗兴, род. в 1943 г.), переводчик «Введения в региональную науку» У. Айзарда, специалист в области «зеленой экономики»: по его мнению, проблемы регионального развития КНР нужно решать на основе экологических мер и создания зеленых зон; *Чэнь Шупэн* (陈述彭, 1920–2008) выступал за математические методы в географии, геофизический анализ, компьютерные технологии, изучал влияние географических факторов на

устойчивое региональное развитие, используя геоинформационные методы анализа и др.; *Ян Уян* (杨吾扬, 1933–2009) изучал городское и региональное планирование Китая, моделирование транспортной системы, транспортную географию [60].

Подходы к экономическому развитию в рамках политики «социализма с китайской спецификой» изменяли привычные шаблоны, ранее применяемые в социалистических странах, поэтому особую роль в вопросах регионального развития стала играть экономика. Среди ведущих экономистов, внесших свой вклад в региональные исследования в КНР, следует назвать таких ученых, как *Е Юйминь* (叶裕民, род. в 1962 г.), в ее работах выделены стратегические ориентиры планирования регионального развития, урбанизации и экономики знаний; *Жэнь Баопин* (任保平, род. в 1968 г.), автор работ по проблемам устойчивого регионального развития, занимался проблематикой экономического роста КНР в условиях ограниченности ресурсов, выделил индексы качества регионального экономического роста; *Ли Цзинвэнь* (李京文, род. в 1932 г.), экономист в сфере инженерного менеджмента, сторонник междисциплинарного подхода, выпускник Московского государственного экономического института, занимался разработкой прогнозирования экономического развития и изучением влияния научно-технического прогресса на региональное развитие, автор работ «Исследование производительности и экономического роста Китая, США и Японии» [454], «Теория обогащения государства научными технологиями» [455], «Стратегия экономического развития Китая в XXI веке» [453], «Сравнительное исследование развития совместных инноваций Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» [452]; *Ма Хун* (马洪, 1920–2007), которого считают основоположником экономики Китая как научной отрасли, специалист по пространственной экономике, как и Ли Цзинвэнь, был сторонником междисциплинарного подхода, первым дал оценку политике реформ и открытости в книге «Реформы и развитие экономики Китая» [456], среди важных работ также можно

назвать «О новой стратегии социалистического экономического развития Китая» [459], «Структура экономики и управление экономикой» [458], «Товарное хозяйство в условиях социалистического строя» [457] и др.; *Сунь Цзювэнь* (孙久文, род. в 1956 г.), специалист в сфере региональной экономики, городском развитии и региональном планировании экономики, автор работ по координации развития сельских и городских районов, проблемам регионального отставания [463]; *Хао Шоуи* (郝寿义, род. в 1949 г.), эксперт в области городского развития, стоял у истоков концепции создания теоретической системы региональной экономики, а также смешанной теории экономики; *Цзин Юэцзюнь* (род. в 1956 г.), специалист в сфере социологических, демографических и психологических аспектов регионального развития Северо-Востока Китая; *Чжан Вэньчжун* (张文忠, род. в 1966 г.), специалист в областях региональной экономики, региональной политики, регионального планирования, один из авторов общей стратегии экономического развития КНР в период построения «социализма с китайской спецификой» и новой теории устойчивого развития Китая; *Чэн Бидин* (род. в 1948 г.), специалист по региональной и промышленной экономике, изучал региональное развитие провинции Аньхой и Шанхайской экономической зоны. Кроме того, среди экономистов-экспертов по региональному развитию можно назвать таких специалистов, как Ань Хусэнь (род. в 1952 г.), Ван Шэнцзин (род. в 1954 г.), Сунь Шанцин (1930–1996), У Шуцин (1932–1996), Цао Юйхуэй (род. в 1959 г.), Чжан Сяолэй (род. в 1963 г.) и др. [60].

Среди ведущих исследовательских организаций, разрабатывающих региональную проблематику, можно выделить академии наук, исследовательские организации при вузах, научные учреждения при госорганах и иные образования.

Среди первых следует назвать *Академию общественных наук Китая* (г. Пекин), в рамках которой функционируют Центр изучения географии и истории китайских приграничных территорий (создан в 1983 г.), Центр градостроительства и экологических исследований (открыт в 1994 г.)

и Институт развития сельских районов (1978 г.); *Академию сельскохозяйственных наук Китая*, которая включает созданный в 1958 г. Институт развития агроэкономики, а также Центр китайской аграрной политики. Особую роль по понятным причинам играют региональные академии общественных наук, в частности, *Тяньцзинская*, в составе которой функционирует Институт экономических и социальных прогнозов, и *Шанхайская*, она включает Институт экономики, Институт национальной экономики и Центр региональных исследований [60].

Важных организаций второй группы (при вузах) довольно большое количество. Среди них Китайский институт по планированию развития Университета Цинхуа, Центр изучения экономического развития Центрального Китая Наньчанского университета, Школы государственной политики и управления Университета Цинхуа, Школы государственного управления имени Чжоу Эньлая Нанькайского университета, Центр исследований Гонконга, Макао и района дельты реки Жемчужной Школы Азиатско-Тихоокеанского региона Университета Чжуншань (имени Сунь Ятсена) [60].

Среди организаций третьей группы – при госорганах – в области региональных исследований выделяется *Академия макроэкономических исследований КНР* Государственного комитета по развитию и реформе КНР (Пекин). В ее составе – Китайская ассоциация зон развития и региональной экономики, Институт территориального развития и региональной экономики и Институт экономических систем и управления. Кроме того, следует назвать *Исследовательский центр по вопросам развития* при Госсовете КНР (учрежден в Пекине в 1981 г.), он включает Департамент макроэкономических исследований, Департамент стратегии развития и региональной экономики, Департамент экономики промышленности, Департамент технико-экономических исследований [60].

Наконец, среди других организаций можно назвать *Институт современной истории* (создан в 1950 г.), он изучает региональную историю, в том числе Гонконга, Ма-

као и Тайваня; Китайский институт реформ и развития (Хайнань), Китайский институт развития (Шэньчжэнь) и Форум реформ Китая (Пекин) [60].

Отдельного изучения требует институционализованный региональная наука, закрепившаяся в китайском научном поле с начала 1990-х гг.

3.2.2. Институционализованный региональная наука в КНР

С началом строительства «социализма с китайской спецификой» «китайское общество, внедряя рыночные отношения в социалистическую модель экономики, начало заимствовать западноевропейские и американские научные теории о регионе. В 1980-е гг. на китайский язык были переведены работы ученых У. Айзарда, А. Вебера, С. Денисона, Н. Калдора, В. Лаунхардта, А. Лёша, В. Кристаллера» [60, с. 160].

Заимствование западноевропейских и американских теорий, объясняющих влияние рыночных отношений на региональное пространственное развитие, повлияло на становление, распространение и применение регионологических исследований в Китае. В 1980-е гг. в Китай приходит региональная наука (цзюйюй кэсюэ, 区域科学). Как указывает С. Б. Макеева, китайская региональная наука прошла в своем развитии три этапа: 1) этап зарождения после начала политики реформ и открытости и накопления теоретико-методологической базы региональных исследований (1978–1985 гг.); 2) этап адаптации западно-европейских и американских региональных теорий под китайскую действительность регионального развития (1985–1991 гг.); 3) этап официального признания и утверждения региональной науки в научной системе китайского общества (1991 г. – настоящее время) [60, с. 161].

Этап зарождения китайской региональной науки напрямую связан с политикой реформ и открытости в рамках курса на построение социализма с китайской спе-

цификой. Открытость миру, изучение иностранного опыта, ориентир на социально-экономическое развитие, понимание важности развития регионов – все это обусловило подготовку почвы к приходу региональной науки в Китай.

Этап адаптации западноевропейских и американских региональных теорий ознаменовался первым знакомством китайских ученых с работами У. Айзарда, основателя региональной науки в США: оно началось в 1980-е гг. Тогда и в 1990-е на китайский язык переводились базовые труды этого автора [448]. При переводе исследователи сразу придавали этим работам «китайскую специфику», ставя их на службу региональному развитию и дополняя примерами из китайского опыта [60, с. 162]. Среди трудов китайских ученых стоит отметить «Пространственный анализ хозяйственной деятельности» (经济活动的空间分析, 1989 г.) [449] Чэнь Цзунсина (陈宗兴), именно он перевел на китайский «Введение в региональную науку» У. Айзарда; работу «Теория региональной науки» (区域科学论, 1991 г.) [467] Чжан Чао.

Китайское ответвление регионологического знания столкнулось с той же проблемой самоопределения, что и в других странах. Разошлись даже мнения ученых, стоящих у ее истоков: если Ян Кайчжун полагает, что региональная наука напрямую связана с региональной экономикой, а значит относится к экономике в целом, изучая человеческую деятельность с позиции пространственного деления, то Ян Уян и Чжан Сяньдун, считают, что это научное направление, изучающее региональную систему в комплексе: ее общественные, экономические, географические и исторические характеристики. Другие ученые, в частности, Цзин Юйцзюнь и Ван Шэнцзинь предписывают региональной науке изучение региональной экономики как пространственной формы выражения региональной экономической деятельности. Разные интерпретации регионологической науки «как в американской научной традиции, так и в китайской не меняли основной фокус анализа региональных процессов и в любом случае были направлены на

изучение основного объекта... – региона во всем его многообразии» [60, с. 163–164], но при этом, как и в США, сосредоточивали достижения этих исследований в базовой сфере – социально-экономической. Таким образом, многообразие региона должно было стать фактором его развития.

Этап официального признания и утверждения региональной науки в научной системе китайского общества начался с важного шага – создания в 1991 г. Китайской ассоциации региональной науки (中国区域科学协会). Ее «первым председателем был известный экономист и бывший президент школы экономики Нанькайского университета профессор Хао Шоуи, председателем комиссии по национальному развитию и реформе являлся бывший директор Института региональных экономических исследований Сяо Цзиньчэн, комиссия занималась исследованием и планированием земельных ресурсов» [60, с. 169–170]. Активную роль в ее деятельности сыграли Ли Вэньян, Лу Дадао, Лю Цзайсин, Ли Цзинвэнь, Сунь Шанцин, У Чуаньцзюнь, У Шуцин, Ху Сювэй, Ху Чжаолян, Цзоу Дэцы, Чэнь Шупэн, Ян Уян, Ян Шучжэнь и др. [60, с. 164]. В настоящее время ассоциацию возглавляет доктор экономических наук, профессор Пекинского университета Ян Кайчжун (杨开忠) [469].

С самого начала создания организации спецификой региональных исследований в Китае стали несколько ориентиров, среди которых были концентрация на процессах регионального развития КНР и изучение региональной конкурентоспособности [60, с. 167]. Как пишет Ван Цзайлян, региональная конкурентоспособность в XXI в. превратилась в одну из актуальнейших проблем странового и регионального развития, задача повышения конкурентоспособности становится фокусом в работах специалистов и госуправленцев во многих сферах как в Китае, так и в других странах [464 с. 1–4].

Повышению роли научно-исследовательских организаций в сфере региональной науки способствовала концепция научного развития, внедренная в государственное

управление в КНР. Китайская ассоциация региональной науки и здесь сыграла важную роль: она «оказывала интеллектуальную поддержку всем уровням управления и объединяла специалистов по различным научным направлениям, которые разрабатывали и углубленно изучали практически все аспекты пространственного регионального развития КНР» [60, с. 167].

Наряду с этим ассоциация со дня основания осуществляла активную исследовательскую деятельность: публиковала работы в области региональных исследований, проводила научные конференции и образовательные курсы с участием регионологов с мировым именем: У. Айзарда, У. Алонсо, М. Фудзита и др. [60, с. 168–169].

Ведущими регионологами КНР стали следующие ученые: «Шэнь Тянь, профессор, доктор наук, специалист в области пространственной эконометрики Школы государственного управления Пекинского университета, заместитель директора Китайского исследовательского центра по региональной экономике Пекинского университета; Чжан Яоцзюнь, доктор наук, профессор, специалист в области пространственного анализа в гуманитарных и социальных науках, заместитель декана Школы социальных и демографических исследований Китайского народного университета (Пекин); Чжан Сюэлян, доктор наук, профессор Шанхайского университета экономики и финансов, специалист по исследованию городских агломераций, главный эксперт группы по инновациям, спонсор академической платформы «Китайская городская и региональная лаборатория»; Ли Ланьбин, профессор, доктор философских наук, специалист в области теории и методологии региональной политики Китая, директор Региональной лаборатории прикладных экономических исследований Китайского исследовательского центра региональной политики Нанькайского университета» [60, с. 169].

В составе Ассоциации на протяжении 20 с лишним лет сформировались 23 комитета, среди которых можно отметить следующие: «по региональной экономике, городской

экономике, пространственной экономике, новой экономической географии, пространственному анализу, городскому управлению, региональному устойчивому развитию, национальному землеустройству, региональному и городскому планированию, региональному туризму, региональным инновациям, морской экономике, развитию Центрального региона КНР, развитию Западного региона КНР, развитию Северо-Восточного региона КНР, населению и региональному развитию, региональному культурному развитию, инициативе «Один пояс – один путь», экономическому поясу бассейна реки Янцзы, экологической цивилизации, китайской зоне свободной торговли, национальной экономике и по борьбе с бедностью» [60, с. 171]. Комитеты курируют исследовательскую работу в профильных сферах [447].

Китайская ассоциация региональной науки выстроила сотрудничество со множеством других организаций, вовлеченных в региональные исследования в том числе с другими секциями Международной ассоциации региональной науки (Азиатско-Тихоокеанской, Североамериканской, Европейской), с крупнейшими вузами Китая (Пекинским, Нанькайским, Цинхуа, Столичным университетом экономики и бизнеса, Университетом экономики и бизнеса Хэбэя), а также Инновационным центром совместного развития Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй. В 2007–2012 гг. Ассоциация проводила ежегодный межрегиональный научный семинар вместе с Тайваньским обществом региональной науки, а в 2013 г. он вошел в состав ежегодной международной Азиатской конференции региональной науки. В 2007 г. совместно с японским Обществом прикладной региональной науки был организован Китайско-японский международный симпозиум региональной науки, а в 2010 г. на базе Китайско-японской конференции региональной науки начал свою работу ежегодный Международный симпозиум по региональной науке в Азии. Симпозиум проводился в материковом Китае (Пекин, Харбин), Японии (Китаюсю, Сендай), на Тайване (Хуалянь, Тайбэй), в Республике Корея (Сеул). В совокупности прошло 8 международных конференций по региональной науке в Азии. В 2009 г. была учреждена Ассоциация азиат-

ских городов и региональных исследований, ее подразделения открылись во Вьетнаме, Корее, Таиланде, на Филиппинах, а международные семинары по азиатским городам и регионам состоялись в Китае (Нанкин), Республике Корея (Сеул) и Таиланде (Бангкоке). [60, с. 171–172].

Регулярно проводился конкурс среди молодых ученых на получение награды Китайской ассоциации региональной науки за достижения в области изучения регионального развития Китая. Среди критериев – не только наличие глубокого анализа, свежих идей, прагматической направленности и достижение целей стратегического развития КНР, но и соотнесенность проекта с идеями социализма с китайской спецификой [60, с. 173]. Внимание к реализации стратегии скоординированного развития регионов было привлечено и на XIX Съезде Коммунистической партии Китая, где эта стратегия была привязана к новому политическому курсу – социализму с китайской спецификой в новую эпоху, выдвинутому Си Цзиньпином [462].

Журналом, в котором публиковались результаты работы Ассоциации, было издание «Региональная экономика Китая» (中国区域经济). В журнале, кроме общих для региональной науки тем, обсуждалась и актуальная для КНР проблематика: «инициатива “Один пояс – один путь”, новая глобализация, новая индустриализация, новая урбанизация и проект “Один пояс – один путь”, экологическая цивилизация и региональное экономическое развитие, региональная экономическая модель развития инноваций и городская экосистема, различия в ресурсных и экологических возможностях и региональном экономическом развитии, высокоскоростное железнодорожное строительство и устойчивое развитие городов, проблема строительства экологической цивилизации в условиях развития промышленности и торговли» [60, с. 173–174].

Обобщая тематику исследований в рамках региональной науки в КНР, С.Б. Макеева выделяет следующие наиболее актуальные темы: «вопросы, связанные с региональной экономикой и региональной политикой (теория и

практика), стратегиями регионального экономического развития, комплексной оценкой региональной политики КНР после 1978 г., региональной экономикой в приграничных районах, промышленной агломерацией и промышленными кластерами в КНР, региональным развитием и экономической географией, межрегиональными отношениями, региональной торговлей и сотрудничеством, влиянием процессов урбанизации на региональное развитие, глобальными городами КНР и городскими агломерациями, городским устойчивым развитием и городской конкуренцией, промышленной трансформацией и модернизацией в условиях городского экономического развития, улучшением качества регионального развития и скоординированным развитием регионов, новыми требованиями, моделями и путями содействия качественному развитию экономики региона, созданием более эффективного нового механизма региональной координации и развития в КНР, построением современной экономической системы и качественным развитием экономики регионов в Китае» [60, с. 174]. При этом в качестве базовой проблемы регионального развития С. Б. Макеева называет неравномерное развитие территории КНР. По утверждению Ху Чжаоляна, изучение этой диспропорции является исторической задачей китайской науки [61].

Развивая идею подходов С. Б. Макеевой к научному обоснованию причин дисбаланса, можно выделить несколько наиболее влиятельных подходов:

- 1) природно-географический;
- 2) исторический;
- 3) культурологический;
- 4) экономический;
- 5) правовой.

Представители *природно-географического подхода* полагают, что первостепенно влияние на диспропорции в развитии регионов оказывает природно-географическое положение каждого отдельного региона. Такого мнения придерживаются Ван Сюаньсюань («Анализ причин нера-

венства в экономическом развитии четырех регионов Китая»), Ху Чжаолян («Характеристики влияния географического положения»), У Пэн и Хэ Цин («Идея всеобщего благосостояния и неравномерное развитие регионов Китая»), Чян Лэсян («Влияние географической среды на социально-экономическое развитие»), а также Ван Сюаньсюань, Вэй Ехуа и др. [61, с. 225–236].

Исторический подход ставит на первое место исторические условия развития региона. В частности, региональное неравенство может быть последствием Опиумных войн и исторической сосредоточенностью капитала в прибрежных районах. Такие взгляды поддерживают Бао Юань («Причины дисбаланса в экономическом развитии регионов Китая и контрмерь»), Ли Чжуни («Анализ причин неравного экономического развития Китая»), Сю Юйчин и Ли Шуанчэн («Динамичный анализ неравного экономического развития в трех регионах Китая»), Шэн Сунчэн и Ши Чюньхуа («Анализ тенденции изменения в уровнях экономического развития регионов»). Кроме того, более близкие исторические события, в частности, реформы Дэн Сяопина и его идея «поэтапного обогащения» могли оказать еще более существенное влияние на межрегиональный дисбаланс. Такую точку зрения отстаивают Ян Юйян, Бао Юань, Цзе Юньпин, Ду Сюйюй и др. [61].

Культурологический подход позволяет его сторонникам утверждать, что на неравномерное развитие отдельных районов Китая могли повлиять региональные культурные факторы. Его придерживаются Чжан Вэй¹⁶, Ван

¹⁶ В работе «Анализ влияния культуры региона на его экономическое развитие» Чокан Вэй выделяет культуру восточных регионов Китая (построенная на слиянии восточной и западной культур, она характеризуется рискованностью, инициативностью, новаторством ее носителей), центрального Китая (отсталая, консервативная, инертная, пассивная, конфуцианская, она заставляет ее носителей предпочесть земледелие торговле, справедливость выгоде, золотую середину и довольствование тем, что есть, богатству и процветанию) и западных регионов (земледельческая, скотоводческая, не торговая, предпочитающая традиционный уклад прогрессу и экономическому развитию) [61].

Сюаньсюань и другие, они указывают на традиционализм и консерваторство как тормозящие факторы развития центральных и западных регионов Китая [61].

Экономический подход излагается в большом количестве трудов китайских ученых, его применяют уже упомянутые в географическом подходе У Пэн и Хэ Цин (экономико-статистический анализ административных единиц КНР в работе «Идея всеобщего благосостояния и неравномерное развитие регионов Китая»), Ли Сяоянь, Чжан Вэй, Чжоу Чжэньхуа (экономико-статистический метод), Лу Цзуньхуа, Ма Чунмин и Ши Цзэньпин («Динамический анализ экономического неравенства регионов Китая») [61]. Принципы анализа в рамках такого подхода подробно описаны в работе Ми Цзюаня и Су Синъюя «Анализ факторов экономического роста в регионах, а также его различия» [460].

Правовой подход обращает внимание на то, как уровень правопорядка в регионе влияет на его развитие. Представители этого подхода утверждают, что повышение уровня исполнения законов дает стимул банковскому кредитованию, помогает развитию рынка капиталов и улучшает финансовые показатели рынка. Такого подхода придерживаются Ло Ю, Хэ Цин и Сюэ Чан («Влияние уровня законности на экономическое развитие Китая»), Чжан Цзэньхуа, Ван Пэн и др. [61].

Таким образом, китайская региональная наука в значительной степени ориентировалась на решение задач в рамках политики социализма с китайской спецификой: ускоренное экономическое развитие вкупе с преодолением дисбаланса в развитии регионов. При этом региональная наука в КНР в значительной степени пошла по стопам американской, сосредоточиваясь на социально-экономических вопросах. В целом этот подход демонстрирует весьма прагматические ориентиры китайской региональной науки и требований, предъявляемых к ней обществом и государством.

3.3. КОРЕЯ: НА ЭВОЛЮЦИОННОМ ПУТИ ОТ СТРАНЫ-ОТШЕЛЬНИЦЫ ДО СТРАНЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ¹⁷

3.3.1. Этапы развития регионологического знания в Корее

Рассмотрев, как появлялось и формировалось регионологическое знание на территории Корейского полуострова, мы выделили несколько этапов этого процесса:

1. Этап зарождения проторегионологического знания (VI–XV вв.), важными вехами которого стали проникновение письменности, начало историописания – основного поставщика знаний о регионе того периода, осознание необходимости получения более подробных географических сведений, появление корейского алфавита.

2. Этап становления традиционного корейского научного знания, первые попытки изучения других стран (XVI–XIX вв.), среди значимых событий этого периода отметим возникновение идеи кореецентризма, концепции сирхак о необходимости изучения прикладных наук; попытки переосмысления истории Кореи, знакомство с западной географией.

3. Этап кореецентризма, отказа от изучения других стран (XIX в.). Данный период может быть описан с помощью девиза правителей того времени «Сохранять правильное, изгонять чужое». Образы Кореи этого периода передаются в западных трудах с помощью уничижительных наименований «страна варваров», «страна-отшельница», «запретное государство».

4. Этап колониального регионологического знания (1910–1945 гг.), сопровождавшийся угрозой потери национальной идентичности, кризисом корейского образования.

¹⁷ Подробнее развитие регионологического знания в Корее можно проследить в: Кузнецова О. В. Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире : монография; [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. Серия Трансдисциплинарная регионология.

5. Этап институционализированных региональных исследований (1960-е гг. – настоящее время).

Безусловно, это не означает, что на протяжении четвертого и пятого этапов не проводилось никакого изучения регионов в Корее. Наоборот, о некоторых попытках сохранить и продвинуть науку говорится и в нашей работе, однако при обозначении специфики этапа мы руководствовались главенствующей тенденцией этих двух периодов.

Первые **регионологические сведения** о Корее мы можем получить из **китайских хроник**. Так, в работе С. Курбанова находим следующие пояснения: «Хроника древнекитайского княжества Вэй – *Вэй чжи*, составленная около III в. до н.э., в разделе “Восточные варвары” так описывает племенные союзы, или “протогосударства”, Корейского полуострова. На севере находилось государство Чосон; севернее Чосона – племенные объединения (или “протогосударства”) Пуё и Когурё. ...На восточном побережье... находились племенные союзы Окчо и Восточных Е (“Тонгье”). Юг полуострова занимало протогосударство (или племенной союз) Чин (Чингук), которое в дальнейшем распалось на Три Хан: Махан, Чин-хан и Пёнхан» [49, с. 22].

Сведения о первом государстве, история которого тесно связана с Корейским полуостровом, а именно о государстве Древний Чосон, сохранились в корейских и китайских письменных источниках. Следует пояснить, что корейские источники появились гораздо позднее, уже после создания корейского алфавита. Представляется возможным отнести начальный период истории Древнего Чосона к так называемой мифической истории; неслучайно, сведения о государстве носят форму мифа, озаглавленного «Миф о Тангуне».

Назовем основные источники, дошедшие до нашего времени, где содержится изложение мифа: «Самгук юса» монаха Ирена («Достопамятные события Трех государств», 1281 г.), летопись XIII в. «Чеван унги» («Рифмованные записи о королях и императорах») историка Ли Сынхю (1224–1301) [49].

IV в. представляет большую значимость для нашего исследования, так как в этот период на полуострове начинает развиваться **историописание**. Традиция пришла на полуостров из Китая. К сожалению, тексты исторических сочинений периода Трёх государств не сохранились.

Примечательно, что, говоря о развитии культуры Кореи данного периода, специалисты обычно указывают на процесс, состоявший из трех основных этапов: 1) частичное заимствование культуры из Китая; 2) ее «кореизация», синтез с местной культурой; 3) «реэкспорт» культуры в Японию [49].

К первым путешественникам, предоставляющим сведения об устройстве мира за пределами Корейского полуострова, можно отнести буддийских монахов. Так, монах Хечхо (704–?) после 719 г. совершил путешествие в Индию, затем посетил Центральную Азию и в 727 г. вернулся в Китай. Свои путешествия Хечхо описал в книге «Записи о путешествии в пять индийских государств» («Ван о чхончхуккук чон») [49].

В средние века в период государства Корё Корея стала известна Западу. К 992 г. система образования Корё достигла достаточно высокого уровня. Одним из важнейших достижений культуры Кореи X–XIV вв. стало книгопечатание. В 1234–1240 гг. были изданы «Подробные записи о ритуалах древности и современности» («Санчжон когым емун») в 50 томах, автором которых был Чхве Юньи (1102–1162), текст до нашего времени не сохранился. Чуть позже издаются исторические хроники «Чхильджо силлок», описывающие деяния королей династии Корё, и «Историческое описание по годам» («Пхеннён тхоннок») [49].

Исторические хроники активно печатались и в период позднего Корё. Так, при короле Чхуннёле (1274–1308) Вон Бу издаёт «Хронику прошлого и настоящего» («Когымнок»), при короле Чхунсоне (1308–1313) Мин Джи издал «Хронологические записи правящих королевских ломов» («Понджо пхённён ганмок») [56].

Отдельно необходимо сказать о самом древнем из сохранившихся исторических летописных трудов – «Истори-

ческие записи Трех государств» («Самгук саги») историка Ким Бусика (1075–1151), напечатанные в 1145 г. Летопись имеет исключительное значение для изучения раннего периода истории и культуры Кореи. Как считает М. Н. Пак, данный памятник имеет такое же значение, как «Повесть временных лет» для изучения истории Древней Руси [69, с. 9].

Период Корё характеризуется и развитием **географических знаний**: происходило издание различных карт: «Карты Трех государств» («Самгук чидо»), «Карты Индии» («Индо чидо»), «Карты Корё» («Корё чидо»). Точность карты Корё позволила использовать ее в качестве основной карты Кореи на протяжении XV в.

В 1395 г. Чон Дочжон завершил написание «Истории государства Корё» («Корё кукса») в 37 томах. В 1451 г. был завершен 137-томный коллективный труд работников придворного ведомства Чхунчхугван, который стал называться «История Корё» («Корёса»). И в настоящее время он является основным источником сведений об истории Корё [49].

Говоря о XV в., мы обязательно должны назвать знаковое событие для истории Кореи – изобретение корейского алфавита в 1443 г.

1432 г. отмечен изданием фундаментального труда по описательной географии – «Географическое описание восьми провинций». В 1481 г. вышло «Описание земель и достопримечательностей Кореи» («Тонгук ёчжи сыннам»), которое представляло собой не только простое описание рельефа и других географических особенностей, но и рассказывало об истории, военной системе, нравах и обычаях различных местностей Кореи [49].

Историки сходятся во мнении, что XVI в. имеет для Кореи особое значение как период заметного развития сельского хозяйства, ремесла и торговли. Кроме того, происходят изменения в сфере общественной мысли, что внесло значительный вклад в развитие корейской культуры.

Важно также упомянуть, что в XVII – начале XIX в. в Корее стали появляться мыслители, пропагандировавшие изучение «реальных», т. е. используемых на практике,

наук – *сирхак*. Именно представители этого течения говорили о введении в школьную программу таких предметов, как родная история, география, арифметика, они также осознавали острую необходимость **заимствовать передовые знания и научно-технические достижения соседних стран**. Естественно, в качестве основного соседа они рассматривали Китай, который и являлся в то время для Кореи «проводником идей Запада».

Существенным научным достижением стал отход **географии** от традиционного историко-географического описания местностей под влиянием знакомства с западной географией. Корейцы начали заниматься тем, что сейчас принято называть *физической* географией [49].

С середины XVII в. в Корее начинается курс на строгую изоляцию от внешних контактов, в частности, из-за опасения колонизации Западом. В 1876 г. под давлением извне Корея заключила первый в своей истории международный договор – Канхваский договор с Японией, который был невыгоден для Кореи.

Вскоре под давлением Китая, опасавшегося усиления влияния Японии в Корее, аналогичные договоры были заключены с США (1882 г.), Великобританией (1882 г.), Германией (1882 г.), Россией (1884 г.), Италией (1884 г.), Францией (1886 г.) и другими западными державами. Таким образом, процесс открытия Кореи миру завершился к середине 1880-х гг., страна вступила на путь модернизации, началось активное заимствование достижений мировой цивилизации.

Примерно в 1870-е гг. в Корее возникает понимание, что именно заимствование западных научно-технических открытий во многом способствовало превращению Японии в сильную державу. Следовательно, у представителей корейской интеллигенции возникает мысль о том, что необходимо перенимать опыт западных стран в области техники и производства, сохраняя при этом традиционную восточную основу общественной жизни. Такая позиция нашла выражение в девизе: «Восточный путь, западная техника» [49].

Однако вскоре начнется еще один период, достаточно сильно замедливший развитие регионологических знаний в Корее, речь идет о периоде колонизации Японией (1910–1945 гг.). Безусловно, освобождение Кореи от японского колониального господства стало важнейшим событием в истории Кореи XX в., повлиявшим и на дальнейшее развитие корейской научной мысли, и на взаимодействие Кореи с другими странами.

Поясним, что, давая краткий обзор истории формирования региональных знаний до 1945 г., под Кореей мы понимали всю территорию Корейского полуострова. Далее, при освещении периодов с 1945 г. до настоящего времени мы анализируем региональные исследования, проведенные в Республике Корея, соответственно, в данном контексте термины «корейцы», «корейский», «Корея» обозначают эту страну.

3.3.2. Специфика современных региональных исследований в Корее

Мы полагаем, что говорить о начале периода институционализированной региональной науки в Корее можно с момента возникновения **Корейской ассоциации региональной науки**, что произошло в 1983 г. В настоящее время организация ориентирована на регионологов, специализирующихся в таких дисциплинах, как городское и региональное планирование, государственное управление, экономика, география, городское строительство и социология. Проводя регулярные научные конференции, симпозиумы и семинары, Ассоциация стимулирует разработку различных исследовательских методологий для регионального анализа, кроме того, осуществляется оценка регионального развития и региональной политики, а также тематические исследования городского развития [311].

Назовем несколько ведущих научных центров Кореи, занимающихся изучением региональных вопросов, а также стимулированием изучения Кореи в мире.

1. **Национальный исследовательский фонд Кореи** (National Research Foundation of Korea, 한국연구재단), созданный в 2009 г., занимается определением направлений фундаментальных и прикладных исследований страны по всем академическим дисциплинам, руководит изменениями в ориентированных на будущее исследовательских экосистемах и создает платформу для взаимодействия университетов, исследовательских институтов и ученых [94].

2. **Корейский фонд** (Korea Foundation, 한국국제교류재단), учрежденный в 1991 г., содействует изучению Кореи по всему миру, распространению информации о Кореи и поддержке общественной дипломатии для более тесного взаимодействия с дружественными странами [252].

3. **Институт корееведения** (The Korean Studies Institute, 한국국학진흥원), образованный в 1995 г., реализует большое количество проектов по сохранению, цифровизации, переводу материалов по корееведению [382].

Необходимо также изучить, каким образом представлены региональные исследования в образовательном пространстве Кореи. Нами были проанализированы ведущие вузы страны, предлагающие программы по региональным исследованиям:

1. **Академия корееведения** (Academy of Korean Studies, AKS, 한국학중앙연구원) – это исследовательский и образовательный институт, где открыта докторантура по корееведению. Учреждение рассматривает корееведение как комплексное изучение Кореи, ее истории, философии, литературы, фольклора, политики, социологии, а также корейского языка. Следует отметить, что очень большое внимание уделяется изучению, анализу и интерпретации культуры Кореи.

2. **Высшая школа международных исследований** (Graduate School of International Studies, 동아대학교 국제전문대학원) **университета Донг-а** (Dong-a University,

동아대학교) готовит выпускников по программе мировое корееведение (글로벌 한국학 전공). Стоит подчеркнуть, что все программы высшей школы объединяет подход, цель которого – соединить изучение глобальных мировых процессов, будь то экономические, культурные или политические, с изучением корееведения и места Кореи в мире, возможности ее успешной интеграции в мировое сообщество [474].

3. **Женский университет Ихва** (Ewha Womans University, 이화여자대학교) предлагает такие программы, как международные исследования и мировые корейские исследования, а также магистерскую программу по корееведению высшей школы международных исследований. Как пишут руководители программы по региональным исследованиям, университет Ихва является пионером модернизации в Корее, расширившим возможности женщин и внесшим вклад в модернизацию корейского общества и положения корейских женщин в обществе. В XXI в. с наступлением эпохи глобализации и ростом необходимости кооперации в международных отношениях корейское общество более, чем когда-либо, нуждается в исчерпывающих знаниях о других странах. Именно эти причины привели к открытию в вузе первой в Корее междисциплинарной программы по региональным исследованиям в 1996 г. [107].

4. **Университет иностранных языков Хангук** (Hankuk University of Foreign Studies, HUFS, 한국외국어대학교) открыл **Высшую школу международных и региональных исследований** с целью подготовки специалистов по разным регионам, обладающих необходимыми компетенциями для проведения научных исследований, а также знанием языка региона специализации. Объектами изучения выступают такие области, как торговля, дипломатия, политика, экономика, культура и общество, международные организации. На данный момент из всех вузов Южной Кореи Высшая школа международных и региональных исследований предлагает наиболее широкий

спектр программ по изучению регионов мира, а именно изучению политических, экономических, а также социокультурных особенностей определенного региона. При обучении на магистерской программе перечень изучаемых регионов включает следующие: Корея, Китай, Япония, Индия и АСЕАН, Африка и Ближний Восток, Россия и СНГ, ЕС, США и Канада, Латинская Америка. Магистранты изучают политику, экономику и социокультурные особенности выбранного региона. Докторанты специализируются на более углубленном изучении одной из областей: политики, экономики или социокультурных характеристик выбранного региона [197].

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что, во-первых, одну из приоритетных задач в области развития региональных исследований Корея видит в развитии корейского направления. Корееведение или мировое корееведение – одна из наиболее часто встречаемых нами при анализе образовательного пространства Кореи программ по региональным исследованиям. Кроме того, у страны успешно функционируют несколько научных центров по корееведению, основной задачей которых является сохранение корейской культуры и продвижение ее во всем мире. Становится очевидным, что для корейских специалистов корееведение зачастую отождествляется с культурой Кореи, что и доказывает в первую очередь анализ учебных планов по данной программе. Такое стремление к сохранению своей культуры легко объяснимо историческими перипетиями этой страны – долгим периодом изоляции и не совсем лестной оценки со стороны Запада, считающего Корею «страной-отшельницей» и «страной варваров», периодом колониализма, при котором в политике Японии прослеживаются отчетливые попытки уничтожения корейской культуры, идей кореецентризма, возникших на полуострове достаточно давно.

Во-вторых, вектор взаимоотношений с другими странами коренным образом изменился – Корея открыта миру и хочет, чтобы мир знал о ней. Она готова к интеграции и

стремится занять достойное место среди мировых лидеров, данная идея прослеживается в программах по глобальным исследованиям, изученным нами.

И в-третьих, готова Корея и к изучению других стран, прежде всего, тех, кого она считает мировыми лидерами, для подготовки специалистов по другим регионам используются образовательные программы по региональным исследованиям разных стран, обнаруженные нами в корейских вузах.

Бурное развитие региональных исследований началось в Корее сравнительно недавно. Стремительные темпы экономического развития привели к возникновению большого количества региональных и городских проблем, и среди ученых возникло осознание того факта, что именно комплексный трансдисциплинарный подход региональной науки может быть крайне эффективен при решении этих проблем.

С 1960-х гг. темпы экономического роста и урбанизации в Корее стали достигать очень высоких показателей, следствием чего стали серьезные изменения экономико-географической структуры страны. Необходимо подчеркнуть, что сложности в региональном развитии Кореи наблюдались, в частности, из-за социально-экономического напряжения между столичным регионом и другими регионами, между юго-восточной и юго-западной частями Кореи и среди провинций.

Прежде всего, необходимо отметить, что в настоящее время региональные исследования по-прежнему находятся в центре внимания корейских специалистов, занимающихся изучением проблем устойчивого развития отдельных городов [471; 480; 487; 476]; рассмотрением политики государства по лучшей организации пространства и достижению регионального развития [473; 488; 479; 484]; взаимосвязи урбанистики и экологии [478]; особенностей городского планирования с целью достижения устойчивого развития и регенерации городов [489; 486; 483; 482; 475]; стимулирования регионального развития с помощью внедрения инновационных научных разработок [481; 472; 485] и др.

Стремительное социально-экономическое развитие привело к появлению многочисленных исследований экономистов, экономических географов, разработчиков политики, нацеленных на выявление определяющих региональных **факторов, влияющих на экономическое развитие**. Диапазон исследуемых факторов чрезвычайно широк. К примеру, среди достаточно узких критериев исследуются цены на нефть [314], отношение к корейской культуре [245], экологическая эффективность производства [353], уровень развития высоких технологий [377].

Отдельного упоминания требует **урбанистическое направление** как одно из наиболее активно развивающихся. В этом аспекте научная мысль Кореи демонстрирует значительное сходство с американским подходом о тесной взаимосвязи региональных и городских процессов.

Так, сотрудник Департамента государственного администрирования Национального университета Чоннам (Кванджу) Со Чжункё в статье «Стратегии сбалансированного национального развития: построение инновационных городов в Корее» (Balanced National Development Strategies: The Construction of Innovation Cities in Korea) рассказывает о плане по сокращению регионального неравенства, суть которого заключается в **построении городов инновационного типа** не в столичном регионе для реорганизации существующей регионально несбалансированной национальной пространственной структуры [237].

Дальнейшее освещение идея создания **инновационных городов** получила в работах специалистов кафедры городского планирования исследовательского университета Ханянг (Сеул) Lee Hyun-kyung и Kim Hong-bae, которые изучают проблемы человеческого капитала, а именно мобильность научных кадров и рабочей силы, а также региональных предпочтений для жизни как факторов, определяющих развитие региона [258].

Одним из способов проведения **инновационно-ориентированной региональной политики**, по мнению автора многочисленных работ по данной тематике, профес-

сора Национального университета Чунгнам (Тэджон) О. Доксонг, является создание центров высоких технологий.

Широко используемая стратегия развития региона, основанная на присутствии центров высоких технологий, подразумевает, что долгосрочная экономическая жизнеспособность региона будет зависеть от его возможностей генерировать и поддерживать концентрацию видов промышленности, способных производить новые товары (или процессы), основанные на применении новых технологий. Для регионов с высокой концентрацией стареющих и становящихся убыточными производящих отраслей промышленности центры высоких технологий могут стать инструментом, который облегчит экономическое реструктурирование. Для регионов с хорошо развивающейся экономикой вложение в инновационные возможности может стать долгосрочной страховкой на будущее. В любом случае стратегия развития экономики, успешно построенная на основе технологий, практически всегда приводит к росту рабочих мест, образованию новых видов промышленности и другим положительным эффектам.

Примечательно, что в Корее развитие Национального научного городка в Тэдоке началось еще в 1973 г. Вторая фаза относится к концу 1980-х гг., за основу был взят опыт развития технополисов в США и Японии. Третья фаза началась в 1992 г., когда стали строиться высокотехнологичные промышленные парки [306–309].

Большое количество исследований корейских авторов фокусируется на **изучении отдельного города, его проблем и особенностей развития** [340].

В качестве отдельного подраздела выделим исследования, рассматривающие **взаимосвязь процессов урбанизации и экологии**. Сравнительно новый аспект рассмотрения процессов устойчивости в городском развитии стал привлекать внимание ученых всего мира не так давно, с того времени, как города стали сталкиваться с широким спектром непредвиденных последствий от антропогенной деятельности [246; 263; 257].

Отдельный пласт исследований посвящен **проблемам слаборазвитых регионов и стратегиям их развития**. Например, одним из таких регионов считаются островные регионы. Длительный период исторической инерции привел корейцев к мысли, что основная часть жизни сосредоточена на материке, а необитаемые острова долгое время считались «неэффективным» для осваивания регионом. Однако возросший на международном уровне интерес к проблемам морских ресурсов и суверенитета океана привел к тому, что острова стали рассматриваться как объект политической деятельности в таких вопросах, как территориальная целостность, безопасность морских ресурсов, сбалансированное национальное развитие и развитие различных региональных культур.

В качестве одного из стратегических подходов к решению проблем региона предлагается использовать метод DEMATEL (Лаборатория испытаний и оценки принятия решений, Decision making trial and evaluation laboratory), разработанный в Швейцарии в 1971 г. и заключающийся в конечном итоге в создании визуальной репрезентации – карты взаимовоздействий, с помощью которой респонденты организуют свои действия [315].

Интересно, что при анализе научных исследований корейских специалистов нами практически не было обнаружено работ по «теории региональной науки», которыми изобилует вторая половина XX в., например, в США, где значительное количество научных публикаций этого периода посвящено поиску ответа на «вечные» вопросы: что должна изучать региональная наука, в чем ее суть, где ее границы, можно ли вообще считать ее наукой, каковы ее перспективы. Нам представляется, что подобный феномен может быть объяснен восточной традицией – корейцы склонны брать на веру успешные существующие западные практики, не погружаясь в экзистенциальные размышления о их сущности. Вместо этого корейские ученые предпочли начать реализовывать эти практические способы повышения экономического развития страны и ее регионов,

считая, что практика и является критерием истинности и нет необходимости дискутировать по концептуальным основаниям науки.

Таким образом, можно сказать, что успех азиатской экономической трансформации может быть частично объяснен безукоризненной имплементацией западных теорий регионального развития. Это доказывает и тот факт, что многие исследования в Корее созданы на базе западного, прежде всего американского, опыта, что четко прослеживается, например, при анализе того, какие авторы цитируются в научных трудах. Основные научные теории регионального развития также заимствованы из западной традиции. Так, часто встречаются работы, взявшие за основу исследования теорию полюсов роста, кластерный подход, подход о развитии инноваций, теорию человеческого капитала, концепцию «инженерия мира», идею создания технополисов и др. Представители научного сообщества Кореи прекрасно владеют достаточным арсеналом методов региональных исследований, активно используют математические методы.

Подобное повсеместное заимствование западного опыта, на наш взгляд, объясняется еще и тем, что в Корее в XXI в. широко распространены такие современные тенденции, как академическая мобильность научных кадров и интернационализация образования. Много корейских ученых получило высшее образование в США и Европе и продолжает сотрудничать с западными вузами, что и доказывает большое количество статей, написанных в соавторстве с западными коллегами. Кроме того, необходимо пояснить, что большая часть статей, проанализированных нами, написана на английском языке, что также подтверждает некую вестернизацию корейской науки о регионах.

Кроме того, мы можем предположить, что невозможность выделения отдельного этапа – этапа философских дискуссий о целесообразности региональных исследований – в некоторой степени может объясняться особенностями конфуцианской морали.

Итак, в корейских региональных исследованиях отчетливо выделяется тенденция к прагматикоориентированности научного знания. Создаваемые исследования должны в первую очередь решать практические задачи – способствовать процветанию страны во всех сферах.

Так как правительство Южной Кореи играет значительную роль в формировании общегосударственной политики национального и регионального развития, во многих проанализированных нами работах уделено внимание изучению и оценке эффективности действий правительства в этой сфере.

Четко прослеживается, по нашему мнению, и идея трансдисциплинарного подхода к региональным исследованиям. Большинство изученных работ выходят за рамки отдельной науки, поднимая вопросы, требующие обсуждения с задействованием теоретико-методологического арсенала разных наук – глобалистики, экономики, социологии, урбанистики, экологии, науки о мире, математики, статистики и др.

Неслучайно Республика Корея долгое время – с 2014 по 2019 г. – занимала лидирующую позицию в рейтинге инновационных стран и лишь в 2020 г. уступила первое место Германии, переместившись на вторую строчку рейтинга. Инновации являются одной из ключевых тем корейских региональных исследований: построение технополисов, создание инновационных городов – стратегии, активно применяющиеся в Корее, чем не могут похвастаться многие другие страны. Данное стремление к инновациям, естественно, объясняется не только желанием получать и тестировать новые знания, но и чрезвычайно высокой конкуренцией в странах Дальнего Востока, однако опыт Кореи в данном вопросе кажется весьма полезным для изучения.

3.4. ЯПОНИЯ: ОТ ОСТРОВНОГО МЫШЛЕНИЯ К ГЛОБАЛЬНОМУ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ¹⁸

3.4.1. Этапы развития регионологического знания в Японии

Японская наука о регионах закрепились в научном поле под термином «региональные исследования» (地域研究). Ее эволюция и современная структура отличаются сложностью и неоднородностью. Авторы сделали попытку системно осмыслить историческую и современную японскую регионологию. Можно выделить пять периодов развития регионологического знания в Японии:

1) период зарождения традиционного проторегионологического знания с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.);

2) период упадка традиционного проторегионологического знания с XII по конец XVI в.;

3) период обновления традиционного проторегионологического знания с начала XVII по середину XIX в.;

4) период формирования имперского регионологического знания с середины XIX до середины XX в.;

5) период институционализированных региональных исследований с середины XX в. по настоящее время.

В период зарождения *традиционного проторегионологического знания* с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.) первые итоги «изучения регионов в период образования централизованного государства (VII–VIII вв.) на этапе самоидентификации Японии как “большой и обильной страны” (с VII–VIII вв. по вторую половину периода Хэйан (794–1185 гг.)) зафиксированы в древнейших письменных памятниках: “Нихон сёки” (日本書

¹⁸ Подробнее развитие регионологического знания в Японии можно проследить в: Кремнев Е. В. Региональные исследования в Японии : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионология).

紀, “Анналы Японии”, 720 г.), “Фудоки” (風土記, “Записи обычаев и земель”, 733 г.), “Сёку нихонги” (続日本紀, “Продолжение анналов Японии”, 797 г.). Причинами такого изучения явился комплекс факторов: разнородность состава населения, анимистическая религия синто как основа мировосприятия, принятие китайских моделей пространства и организации государства» [39, с. 287].

Территории, подчиненные государству как формально, так и фактически, расширялись, и вновь приобретенные земли требовали описания [35]. Эти сведения были запечатлены как в собственно проторегиологических сочинениях «Куни-но мяцую хонги» (国造本紀, «Описание управителей областей», IX в.) и «Энгисики» (延喜式, «Установления годов Энги», 967 г.), так и в трудах окологеографического толка, например в песенной антологии «Манъёсю» (万葉集), приписываемой Отомо Якамоти (大伴家持, 716–785?), и в буддийских преданиях «Нихон рёики» (日本靈異記, «Японские легенды о чудесах», VIII – начало IX в.) [Симонова-Гудзенко, 2006].

Важным проторегиологическим жанром этого периода является икэн (意見) [35]. Икэн – тайные доклады императору, составленные одним человеком или группой и направленные на то, чтобы донести до правителя свое мнение о действиях, необходимых для выполнения требований императора к чиновникам, которые руководят от его имени государством и регионами [11, с. 109].

В период упадка традиционного проторегиологического знания с XII по конец XVI в. среди немногих достижений в этой области стали карты Гёги (行基図, гё:гидзу) [35].

Зато на следующем этапе, в период обновления традиционного проторегиологического знания с начала XVII по середину XIX в., Е. К. Симонова-Гудзенко указывает на развитие географического знания. Централизация власти позволила снизить напряженность между регионами, что помогло усовершенствовать дороги и сферу обслуживания путешественников. В частности, становятся популярными

мэйсё (名所) – списки важных мест для посещения паломниками и гостями провинций. Исследователь полагает, что они стали «развитием жанра фудоки и основой развивающегося по сей день краеведения» [78].

В XVI–XVII вв. миссионеры способствуют усилению взаимодействия с Европой в части обмена географическими и картографическими сведениями. Наибольший вклад, по мнению исследователей, в развитие японской картографии внесли Игнасиу Морейра, Гаспар Вилела (1525–1572), Джеронимо де Анджелис (1567–1623) и др. [77].

Одним из первых западное знание стал применять Нисикава Дзёкэн (西川如見, 1648–1724 гг.), живший в Нагасаки. Он осуществлял переводы с голландского и сочинил несколько трудов по географии и астрономии [35].

Японское и неазиатское проторегионалогическое знание, время от времени вступая в конфликт, породило выделение трех направлений внутри традиционной науки: китаеведения (существенное влияние китайского традиционного знания на развитие Японии, представитель – Ито Дзинсай и др.), голландоведения (или школы европейских наук, представители – Ямагата Банто, Сиба Кокан и др.) и школы национальных наук (попытка усилить влияние японских идей и способов описания окружающего мира, представители – Када Адзумамамаро, Камо Мабути, Мотоори Норинага, Хирата Ацутанэ и др.) [35].

В период формирования *имперского регионалогического знания* (на этом этапе его уже можно отнести к систематическому) с середины XIX до середины XX в. в Японии происходит изменение общественного сознания, которое перерастает в имперские и милитаристские устремления. В этот период можно обозначить следующие векторы развития регионалогического знания [350]:

1) распространение регионалогического знания о других странах как стимул к развитию Японии (включая деятельность просветительских обществ, самыми значимыми из которых были «Бансё сирабэсё» (позднее «Ёсё сирабэсё», «Кайсэйдзё») и «Мэйрокуся», перевод и распространение

зарубежной литературы, официальные миссии и учебные поездки за границу, колониальные исследования и исследования, организовывавшиеся военными);

2) внедрение регионологического знания в образование: переход от следования зарубежным концепциям к японоориентированным;

3) противостояние научно-ориентированного и идеологизированного регионологического знания в рамках историко-географических наук (представители первого пытались сформировать в стране систему объективных научных знаний, вторые ставили науку на службу правительству и крепнувшим милитаристско-националистским общественным настроениям).

Итоги Второй мировой войны изменили облик Японии: начался период *институционализированных региональных исследований* с середины XX в. по настоящее время. Регионологическое знание было поставлено на службу новой идее – созданию эффективной экономики и комфортной среды проживания, а также попыткам наладить взаимопонимание Японии с окружающим миром.

3.4.2. Специфика современных региональных исследований в Японии

Региональные исследования в Японии входят в список приоритетных направлений развития социогуманитарных наук. Это связано с их трансдисциплинарным характером, позволяющим решать как прикладные задачи, «исследуя нестандартные проявления региональной жизни» [496, р. 8], так и академические, преодолевая проблемы монодисциплин.

Региональные исследования представляют собой весьма обширную область в связи с тем, что отправной точкой для их выделения является термин «регион», понимаемый широко: от макрорегионов (таких как Азия, Африка, АТР и т. д.) до микрорегионов, к которым относят отдельные

страны, части страны, в том числе административно-территориальные единицы (префектуры, города, городские районы) или районы, выделяемые по другим признакам (острова, исторически сложившиеся территории и пр.) [37]. В результате в эту область включаются заметно различающиеся направления, которые в самом широком смысле можно структурировать следующим образом: одну плоскость представляет собой «собственно наука о регионах, формализующая себя через различные наименования: ...地域研究 (региональные исследования), 地域学 (региональная наука), 日本学 (японоведение), 地元学, 自地域学 (краеведение) и т. д.»; вторую плоскость составляют исследования регионов с точки зрения монодисциплин как социогуманитарных, так и естественнонаучных [35, с. 76].

Структура региональных исследований с точки зрения субдисциплин раскрывается в докладе «Перспективы региональных исследований в Японии» Научного совета Японии 2010 г. [494].

В этом докладе региональные исследования подразделяются на такие отрасли, как area studies, гуманитарно-экономическая география, культурная антропология, международная региональная девелопментология и региональная информатика [494, р. I].

Название первой отрасли – area studies (エリア・スタディーズ, регионоведение) – приводится на английском языке, потому что японский вариант представляет собой фонетическую транскрипцию англоязычного термина. Такое употребление приводит к образованию терминологической «матрешки»: внутри одних «региональных исследований» (地域研究) в качестве раздела оказываются другие «региональные исследования» (エリア・スタディーズ). Такой феномен можно рассматривать двояко. С одной стороны, как проявление «западного следа» науки о регионах, отграничивающее «этот раздел от собственно японских разработок», а также как свидетельство использования японскими исследователями достижений западных наук, доказавших

свою эффективность [35, с. 92]. Кроме того, имеет место попытка разграничить термины regional studies и area studies, редко поддающиеся адекватному переводу на другие языки в тех случаях, если следует указать разницу между ними.

Согласно докладу area studies являются наукой, изучающей комплексные характеристики регионов, применяющей междисциплинарные методы и полевые исследования и рассматривающей в качестве предмета изучения регионы современного мира [494, р. 3]. Area studies развились на основе трех отраслей западных наук: колониалистики и востоковедения, появившихся после эпохи Великих географических открытий, а также собственно региональных исследований (area studies), сформировавшихся в США после Первой мировой войны. В area studies в Японии в тот же период выделилось два направления: так называемое основоведение (基礎学), включавшее изучение языка, литературы, истории и других наук, иными словами, страноведение и краеведение, и area studies как социальная наука с выраженным уклоном в сторону политологии (政策学). Известной организацией, проводившей исследования второго типа, стал, например, Отдел исследований Южно-Маньчжурской железной дороги (滿鉄調査部). После Второй мировой войны area studies сосредоточились на первом направлении.

Вторая отрасль региональных исследований – гуманитарно-экономическая география (人文・経済地理学). Японские регионологи считают, что география совмещает в себе признаки как естественных, так и социо-гуманитарных наук и наряду с картографией и физической географией включает гуманитарно-экономические разделы (по предмету исследования – сельскохозяйственная, промышленная, городская география, география услуг и товарно-денежного оборота и т. д.; по методам исследования – социальная география, историческая география, математическая география и т. д.) [494, р. 4].

Третью отрасль региональных исследований составляет культурная антропология (文化人類学), которая определяется как научная дисциплина, изучающая образ жизни и мышления социальных групп, совместно проживающих в каком-либо регионе. Культурная антропология призвана способствовать культурному взаимопониманию и выработать теории, объясняющие развитие культур на базе сравнительной методологии [494, р. 5].

Четвертой отраслью является международная региональная девелопментология (国際地域開発学), т. е. сфера научного знания, посвященная проблемам развивающихся стран и сотрудничеству в области развития [494, с. 5]. Она зародилась в Великобритании и США в послевоенный период в виде исследований бывших колоний в связи с обострением «проблемы Север – Юг» и конкуренцией за влияние на развивающиеся страны, а затем получила развитие за счет расширения спектра изучаемых явлений.

Пятая отрасль региональных исследований – это региональная информатика (地域情報学), занимающаяся вопросами получения, накопления и обработки региональной информации, т. е. разнообразных данных о регионе, его характеристиках и специфике, местоположении и границах, как установленных – для единиц административно-территориального деления, так и не установленных – для регионов, определяемых историческими, географическими или иными особенностями [494, с. 6].

Отрасли, выделяемые в докладе Научного совета Японии, неоднородны по своей функции и внутренней структуре. С одной стороны, в качестве отрасли выделяются *area studies*, являющиеся самостоятельной научной отраслью, с другой – либо дисциплины, представляющие разделы других наук (гуманитарно-экономическая география и культурная антропология), либо междисциплинарные области знаний, созданные на стыке с региональными исследованиями (международная региональная девелопментология и региональная информатика) [40, с. 161–162].

Центральную часть занимают собственно региональные исследования, в основании которых лежат area studies. На стыке региональных исследований и информатики возникает региональная информатика, на стыке с международной девелопментологией – международная региональная девелопментология. Взаимодействие с культурной антропологией и гуманитарно-экономической географией, являющимися самостоятельными научными дисциплинами, возникает тогда, когда объектом их исследований выступает регион [35, с. 99].

Такая неоднородность является одной из особенностей понимания японскими исследователями проблемы региональных исследований. В качестве второй особенности отмечаются их «выраженные междисциплинарность и трансдисциплинарность» [35, с. 99]. Все отрасли существуют на стыке нескольких дисциплин, при этом для региональной информатики специально отмечается ее прикладное значение для других наук. Подобная организация исследовательского процесса позволяет избежать перекосов в рассмотрении региона и изучать в связке различные его параметры, влияющие на процессы развития [40, с. 162].

Еще одну особенность представляет активное привлечение точных и естественно-научных направлений. По мнению японских регионологов, подобное комплексное взаимодействие может быть основано на системе «регионоориентированного знания» (地域に根ざした知識, area-based knowledge), которая была описана еще в 2000 г. в «Предложениях о необходимости развития региональных исследований» [40, с. 163]. «Предложения» были сформулированы Специальным комитетом по исследованиям в сфере региональной науки Координационного совета по тихоокеанским научным исследованиям при Научном совете Японии. Изложенное в них понимание региональных исследований предполагает изучение всех без исключения характеристик региона, как хронотопических, так и предметных, при этом термин «регион» понимается в самом широком смысле: от места проживания отдельно взятого человека до планеты в целом и даже околоземного пространства [493].

Структура региональных исследований с точки зрения уровней проводимых исследований приводится в работе Хироюки Ямамото, где он анализирует региональные исследования, осуществляемые в японских вузах [497, с. 26]. Х. Ямамото предлагает выделять в них три уровня (рис. 1).

1. Региональные исследования как совместные проекты (участники не обязательно являются регионологами)	
2а. Исследования конкретного региона (языковые/полевые)	2б. Региональные исследования конкретной проблемы (сравнительные исследования в рамках какой-либо науки)
3. Региональные исследования, не включающие язык (образование и сотрудничество между различными областями и отраслями)	

Рис. 1. Уровни японских региональных исследований в трактовке Х. Ямамото

Верхний уровень рисунка составляют совместные исследования глобальных и региональных проблем, участие в которых могут принимать ученые из различных отраслей наук. Они не обязательно являются регионологами, но исследование целиком может относиться к региональным. В эту группу Х. Ямамото также включает профили обучения в вузах, посвященные региональным исследованиям [35, с. 102].

Второй уровень подразделяется на две части, при этом левая часть (2а) обозначает классические региональные исследования, когда ученый, владеющий языком региона, изучает специфику последнего [35, с. 103]. Х. Ямамото отмечает, что такие работы могут оцениваться как позитивно, так и негативно, поскольку исследователь имеет возможность глубоко погрузиться в проблемы региона и добиться максимального понимания их, но при этом взгляд его может ограничиваться исключительно изучаемым регионом, при этом отказываясь от применения иных методов и получения трансрегиональных результатов [497, с. 27].

Правой части рисунка (2b) соответствуют работы ученых, посвященные конкретным проблемам региона и осуществляемые в рамках отдельной социогуманитарной дисциплины, в том числе в сравнительном аспекте [35, с. 116]. Исследователи занимаются определенной проблемой, при этом необязательно владея языком региона и общей картиной, характерной для последнего. Хотя довольно часто встречаются и случаи, когда изучение проблемы приводит к хорошему знакомству с регионом, и в результате специалисты по ширине познаний не отличаются от коллег из группы 2а [497, с. 27].

В исследованиях, отнесенных к третьему уровню (нижнему на схеме), язык региона не выступает ни в качестве средства, ни в роли объекта, при этом изучение региона сугубо утилитарно. В их число включены курсы или профили регионологической направленности в областях гуманитарного, гражданского и непрерывного образования, в рамках которых идет обучение особенностям взаимодействия (чаще всего с профессиональными целями) с людьми, имеющими иной культурный опыт. Региональные исследования такого уровня сходны с теорией межкультурной коммуникации [35, с. 103]. Х. Ямамото относит к подобным курсам подготовку специалистов в области реагирования на стихийные бедствия. В случае участия таких специалистов в ликвидации последствий стихийных бедствий за границей они должны быть готовы к работе в конкретном регионе. В связи с этим региональные исследования заимствуют информацию о территории, ее жителях, культуре, социуме и других критериях из группы 2а, делая ее доступной для восприятия людьми, которые специализируются в других профессиональных сферах и не владеют языком и тонкостями региональной культуры [497, с. 27–28].

Соответственно, *цель региональных исследований в образовании*, сформулированная в «Справочных критериях для организации учебных курсов по обеспечению качества университетского образования в сфере региональных исследований», составленных Научным советом Японии в

2014 г., заключается в формировании у японцев обновленного взгляда на мир, более широкого и разнообразного, не привязанного к сформировавшимся традиционным представлениям. Это необходимо для создания общественной среды, которая способна сосуществовать с другими культурными сообществами и *интернациональной личности*, открытой к международному сотрудничеству [492, р. 6].

Методология региональных исследований в Японии. Теоретические и методологические основания региональных исследований в Японии имеют черты как сходные с другими странами, так и специфические. Для всех стран общей чертой является то, что методология региональных исследований основывается на подходах и методах наук, которые могут изучать регионы. В связи с этим в Японии активно применяется методология географии, истории, этнологии, экономики, политологии, социологии, культурологии и т. д. [496].

Отноительно взаимоотношений региональных и междисциплинарных исследований Х. Ямамото отмечает, что первые не должны рассматриваться в качестве соперника вторым или же низводиться до роли «субподрядчика». Наука о регионах позволяет изучать нестандартные проявления региональной жизни и тем самым вносит вклад в междисциплинарные исследования [496, с. 8].

Анализируя проблему разграничения региональных исследований и прочих наук, Х. Ямамото приходит к выводу, что региональные исследования могут выступать в качестве практикоориентированной площадки для остальных дисциплин в связи с возможностью самостоятельного определения границ объекта исследования и свободой выбора применяемых методов. В общем виде соотношение междисциплин и региональных исследований предстает как дихотомия «ограниченного системного знания» (限定系学知) и «практикоориентированного системного знания» (実践系学知), где переход между первым и вторым в исследовании региональных проблем будет означать переход между конкретной междисциплиной и региональными исследованиями [497, с. 31; 35, с. 90].

Японские специалисты хорошо знакомы с достижениями западных исследователей в области теории и методологии региональной науки. Так, в научный оборот включены такие работы, как «Расположение и пространственная экономика: общая теория, относящаяся к промышленному размещению, рынкам, землепользованию, торговле и городской структуре» (У. Айзард, 1964 г.), «Городская география» (Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо, 1971 г.), «Статистический анализ региона» (Л. Дж. Кинг, 1973 г.), «Теория общего равновесия в социальных системах» (У. Айзард, П. Райделл, 1974 г.), «Введение в региональную науку» (У. Айзард, 1980–1985 г.) и др. [35, с. 105].

В то же время отмечается и наличие регионально-специфических черт, характерных для региональных исследований в Японии. Трансформация подходов и парадигм последних предстает как ряд параллельных переходов [35, с. 105]:

- 1) от индивидуальных исследований к сетевым;
- 2) от описательных методов к методам региональной информатики;
- 3) от монорегиональных к трансрегиональным компаративным исследованиям;
- 4) от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой;
- 5) от методологического национализма к методологическому трансрегионализму.

Эти процессы обусловлены как внешними условиями, в которых осуществляются исследования, в частности, функционированием экономики страны, так и административно-организационными, такими как особенности академической среды, правила и нормы работы исследовательских организаций и их взаимодействия с государством, бизнесом и представителями общественности.

Научные организации в сфере региональных исследований в Японии. Разнообразие подходов к изучению регионов отражается и в количестве организаций, осуществля-

ющих исследования, которые можно отнести к региональным. Существуют как самостоятельные чисто научные организации, так и исследовательские подразделения или центры при государственных органах, крупных компаниях и вузах. Кроме того, исследования могут проводить небольшие подразделения вузов (кафедры или отделения). Картина усложняется еще и тем, что исследовательские организации вступают в различные объединения, которые, в свою очередь, сами могут входить в состав более крупных ассоциаций.

К важнейшим *отдельным научным учреждениям* можно отнести Международный центр исследований японской культуры (Нитибункэн) (国際日本文化研究センター (日文研), International Research Center for Japanese Studies), Общество прикладной региональной науки (応用地域学会, Applied Regional Science Conference, ARSC), Японскую ассоциацию международной политики (日本国際政治学会, Japan Association of International Relations, JAIR), Японское общество международного развития (国際開発学会, Japan Society for International Development) [35, с. 122–125].

Среди весомых научных организаций, представляющих собой *подразделения более крупных организаций*, которые непосредственно не связаны с региональными исследованиями, можно назвать Комитет региональных исследований Японского научного совета (日本学術会地域研究委員会, Science Council of Japan, Committee for regional studies), Японское отделение Международной ассоциации региональной науки (日本地域学会, The Japan Section of the Regional Science Association International) и др. [35, с. 125–127].

При рассмотрении *научно-исследовательской деятельности в вузах* следует отметить, что региональные исследования в том или ином варианте проводятся практически во всех крупных университетах. Это связано, в частности, с вниманием, уделяемым центральной и региональной администрацией проблемам развития регионов, решать которые призваны в том числе и вузы.

К числу наиболее известных принадлежат Азиатско-Тихоокеанский университет Рицумэйкан, Киотоский университет, Токийский университет, Токийский университет иностранных языков, Университет Васэда, Университет Кэйо, Университет Риккё, Университет Хоккайдо, Университет Хитоцубаси, Университет Хосэй и др. В этих вузах учреждены специализированные исследовательские подразделения [35, с. 127].

Как уже говорилось выше, региональные исследования ведутся не только специальными институтами или центрами, но и учебными подразделениями вузов. Перечисление университетов, осуществляющих *региональные исследования в сфере подготовки профильных специалистов*, будет практически равно составлению списка вузов Японии. Достаточно сказать, что такие работы ведутся в государственных университетах, именуемых по названиям префектур или их административных центров (например, Университет Канадзава, Университет Тоттори, Университет Фукуи и т. д.), а также в таких вузах (государственных, муниципальных и частных), как Международный христианский университет, Педагогический университет Хоккайдо, Университет Досия, Университет София, Университет Тоё и др. [35, с. 128].

Исследования, проводимые этими университетами, нацелены на решение весьма различных проблем. В большинстве случаев это международные региональные исследования, посвященные изучению стран и регионов мира, в том числе Японии, исследования в области культуры других стран, а также лингвокультурологические. В то же время отмечается, что «все большее значение приобретают кросскультурные и трансдисциплинарные региональные исследования, в том числе совместно с естественными науками, изучаются проблемы окружающей среды, мирного сосуществования регионов мира, мультикультурализма, межрегионального взаимодействия и т. д.» [35, с. 129]. Кроме того, социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Японии, обуславливает актуальность исследова-

ний развития внутренних регионов: проблемы «активизации/возрождения регионов» (地域創生), в частности, региональных инноваций, вопросы экономики и функционирования городов и т. п.

Роль японских региональных исследований в региональном развитии. Япония долгое время рассматривалась в качестве страны, где отношения между промышленностью и наукой развивались на национальном уровне, централизованно, выступая как архетипическая «национальная инновационная система» [186].

Источниками инноваций долгое время выступали национальные или корпоративные стратегии [305], а инициативы более низких уровней, регионального или местного, не получали особого внимания [247, с. 2]. Однако затем стали появляться работы, рассматривавшие именно инновации, инициированные на региональном уровне [155; 248]. Поворот к регионализации в области инновационного развития в XXI в. Ф. Китагава объясняет особенностями процесса эволюции национальной промышленной и технологической политики, политики регионального развития и национальной системы инновации в Японии, выделяя четыре этапа, характеризующие трансформацию этих сфер в период после Второй мировой войны [247, с. 2]:

- 1) этап догоняющего развития (с окончания Второй мировой войны до 1960 г.);
- 2) этап сбалансированного регионального развития (1960–1970 гг.);
- 3) этап технополиса (с начала 1980-х до конца 1990-х гг.);
- 4) этап развития местных кластеров и научно-обоснованной региональной инновационной политики (с 1995 г. по настоящее время).

Представляется, однако, что для лучшей оценки такой трансформации следует учитывать довоенную историю, а именно задачи, стоявшие перед Японией начиная с середины XIX в., и принимавшиеся меры. Со времени открытия страны в течение около ста лет Япония проходила процессы формирования единой нации (из жителей разных

регионов, которым предстояло осознать себя японцами), индустриализации и обретения места в мировой экономике. В соответствии с этими задачами действия были направлены на централизацию, унификацию и концентрацию усилий на приоритетных направлениях. К середине XX в. единая нация была сформирована, внутренние региональные различия, сохранившиеся в определенной степени, не грозили развалом страны, но при этом способствовали активизации различных социоэкономических процессов (товарообмена, внутреннего туризма и т. д.). В то же время начал проявляться дисбаланс в индустриально-экономическом развитии и вызванные им проблемы (сверхконцентрация населения в мегаполисах, дефицит трудоспособного населения в регионах и т. п.).

Внедрение в жизнь в 90-гг. XX в. «стратегий локальных кластеров» на региональных уровнях разных ступеней – от крупных регионов и до совсем небольших – способствовало продвижению сложных моделей межорганизационных отношений. Ведущими акторами в этих моделях были объявлены университеты: они в наибольшей степени способствовали обеспечению промышленной конкурентоспособности регионов. Распределение полномочий в деле координации указанных стратегий между министерствами и ведомствами проходило следующим образом: промышленной кластерной политикой занимался Минэкономторгпром Японии, вузовской кластерной политикой – Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, а связующим звеном между этими двумя направлениями выступал Совет по науке, технологиям и инновациям Кабинета министров Японии [247, с. 12]. В 1999 г. вступил в силу закон о местных платформах регионального развития [72, с. 34].

В первое десятилетие XXI в. японское правительство занялось продвижением научно-исследовательской работы в регионах: расширялись научные фонды, стимулировались иностранные инвестиции в японскую науку и интернационализация вузов, вкладывались усилия в подготовку со-

трудников, создающих и продвигающих новые технологии, продвигались венчурные компании [418]. К дискуссии о подходах к региональному развитию присоединилось множество государственных и социальных структур. Примером может служить учреждение в 2000 г. исследовательского центра при Банке развития Японии, который, в свою очередь, был создан Правительством Японии при Минфине. Банк также запустил издание журнала «Обзор региональной политики» (RPレビュー), уже в первом номере которого были опубликованы тезисы круглого стола «Размышления о будущем региональной политики». В нем участвовали профессор Университета Тэйкё Ито Дзэнъити, бывший председатель Организации комплексных исследований и разработок Хосино Синъясу, проректор Университета Кюсю Яда Тосифуми, заместитель директора Центра исследований региональной политики Банка развития Японии Ватанабэ Такуми [491, p. 4].

Описанные инициативы регионального развития – кластеры промышленности и знаний – внедрялись с опорой на концептуальные кластерные модели, разработанные М. Портером [325; 326], и модели успешного развития регионов в США и Европе. При этом имелся ориентир на японскую региональную специфику, в частности, на сохранение выраженной координирующей роли государственных структур. Обе кластерные инициативы делают ставку на усиление взаимодействия между вузами и промышленностью при посредничестве региональной власти. Такой тип связей получил название *сангакукан* (産学官, где сан (産) – это промышленность, гаку (学) – это представители научно-образовательной сферы, а кан (官) – чиновники, администрация) [35, с. 141].

Образовательные задачи региональных исследований в Японии. Значимость региональных исследований определяется осознанием японцами своей культурной изоляции, которая сформировалась как результат многовековой культивации представления «Мы – Другие». Такое проти-

вопоставление порождает трудности как в познании окружающего мира, так и в позиционировании себя перед глобальным сообществом. От региональных исследований ожидается, что они будут способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации, препятствием для которой изначально выступает преобладающее «инсулярное» («островное») мышление, резко противопоставляющее «свое» и «чужое» [24, с. 180]. С прикладной точки зрения «междисциплинарность региональных исследований должна способствовать решению проблем международной и региональной безопасности, включающих преодоление нищеты и дискриминации путем вовлечения ученых из разных отраслей наук: истории, культурологии, политологии, экономики и пр.» [35, с. 101].

Так, по результатам обсуждения этой темы в 2014 г. Научным советом Японии был опубликован доклад «Справочные критерии для организации учебных курсов по обеспечению качества университетского образования в сфере региональных исследований» [35, с. 109].

Специалисты Совета полагают, что основные задачи региональных исследований в образовательной сфере следует формулировать следующим образом [492, р. 1]:

1) способствовать формированию новой системы межрегиональных связей, которая будет совмещать признание универсальной общности регионов мира и признание региональной специфики (ценностей, обычаев, институтов, окружающей среды и т. д.);

2) строить взаимопонимание между регионами мира на основе культурного, ценностного, институционального разнообразия;

3) воспитывать уважение к разнообразию мира на основе взаимодействия в различных научных областях.

В связи с этим миссия региональных исследований в Японии определяется как помощь японцам в понимании многообразия регионов мира и возможности гармоничного сосуществования разных культур, а также поиска места Японии в мировом культурном пространстве. Достижению

этой миссии будет способствовать формирование нового типа личности – *интернационального*, что также возможно при совместных усилиях регионологов в сфере образования [492, с. 6].

Японский опыт развития науки о регионах показывает, насколько комплексным может быть подход к применению регионологического знания в различных общественных сферах. Региональные исследования в Японии – это активно развивающаяся сфера, на которую японские ученые возлагают большие надежды.

3.5. АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Наука о регионах, в каком бы варианте и под каким названием она ни выступала, имеет прикладной и комплексный характер. Это свойство проявляется как на современном этапе ее развития, так и в ретроспективе, на материале исследований, рассматриваемых в качестве проторегионологических [35; 55; 61]. Сохранившиеся описания иных стран и путешествий, авторами которых чаще всего выступали купцы и дипломаты, демонстрируют заметное сходство содержания как минимум в плане описываемых пунктов.

На Дальнем Востоке до второй половины XIX в. доминировал китайский тип науки и китайские технологии. Это подразумевает подавляющее превосходство «морально-гуманитарного направления» [6, с. 176]: представление о том, что идеал находится в прошлом, и последовательная ориентация на предшественников не способствовали прогрессу, при этом исследователи отмечают [Там же] влияние Конфуция, который не занимался математикой, в плане состава наук, подлежащих изучению. Хотя, скорее, в этом смысле надо учитывать представления дальневосточных ученых об устройстве мира вообще, поскольку эти взгляды

не ограничивались идеями Конфуция, основываясь на «общих для китайских учений принципах, таких как *дао*, *инь – ян*, «пять элементов», *ци* и т. д.» [13, с. 13]. В целом на Дальнем Востоке точные науки не получили такого развития, как в Европе. Яркое описание различий между западной и дальневосточной научными парадигмами дал японский просветитель конца XIX в. Фукудзава Юкити: «Если сравнить науку Запада и Востока, то их существо является различным, а именно – восточная наука занимается пустопорожними рассуждениями об *инь* и *ян*, о пяти стихиях и посредством этого подходит к бытию, а европейская наука изучает содержание математических законов и производит анализ большого и малого. Восточная наука не думает о том, чтобы самой стать на ноги; она обращена к древности. Западная наука отвергает заблуждения древних людей и сама для себя устанавливает древность. Восточная наука слепо верит в то, что сейчас имеется, и не ищет его замены. Западная наука всегда исполнена сомнений и стремится постигнуть суть действительности. Восточная наука не обращается к реальным доказательствам, западная наука редко говорит об отвлеченностях. Поэтому она и есть практическая наука, исследующая все отрасли, она есть путь к ежедневному обновлению» [Цит. по: 71, с. 374].

Характерные для Запада рационализм и стремление к объективному описанию мира и объяснению различных феноменов обретает силу в Новое время. В результате развиваются точные и естественные науки, что становится основой прогресса техники, который, в свою очередь, стимулирует дальнейшее развитие наук. Знакомство с их достижениями на Дальнем Востоке начинается с приходом европейцев, в XVI–XVII вв., однако поначалу ограничивается заимствованием сведений и определенных понятий, системных изменений в науке в то время не происходило [77; 68].

В середине XIX в. Китай вступает в противостояние с Западом, но проигрывает, потерпев поражение в Опиумных войнах. Находившаяся с XVII в. в самоизоляции Япония, столкнувшись с западной экспансией, вынуждена

установить торговые и дипломатические отношений с западными державами. Осознавая, что в основе силы Запада лежат наука и технологии, Япония начинает спешную модернизацию. Это требует в том числе изменения научной парадигмы, которое происходит благодаря усилиям общественных и государственных деятелей [39]. Быстрая модернизация становится одним из факторов, позволяющих Японии избежать колонизации и самой стать колониальной державой. После победы сначала над Цинской империей, а затем над Россией она превращается в образец для подражания и источник знаний для многих азиатских народов. Так, сами китайцы в конце XIX – начале XX в. устремляются в Японию получать образование. На Тайване, в Корее, а позже в Маньчжурии распространение вестернизированных науки и образования осуществляется японцами после включения этих территорий в состав Японской империи.

В начале XX в. как на Западе, так и в Японии развиваются колониальные исследования, которые можно назвать непосредственными предшественниками или даже другой ипостасью [490] региональных исследований. Так, в Японии военно-географические описания, составлявшиеся по результатам обследования районов, которые предполагалось колонизовать или как минимум включить в орбиту экономической деятельности, включали сведения о местоположении, рельефе, климате, производимых товарах, обычаях, политическом устройстве, религии, годовом товарообороте, образовании, воинских частях, производстве, торговле, административном устройстве, транспорте, связи, валютном обращении, административных центрах, истории региона [495, р. 24]. Во время Второй мировой войны к составлению подобных описаний начали привлекать ученых, призванных на воинскую службу, в частности, антропологов [495, р. 23].

Со второй половины 1930-х гг. исследователи получают новый, еще более точный инструментарий: в США начинают применять для анализа экономики, в частности,

для определения объемов производства страны или региона теорию структурного анализа экономических систем (input-output analysis) В. Леонтьева [44, с. 41]. А. Гранберг отмечает в качестве основной заслуги В. Леонтьева создание нового синтетического направления в экономической науке путем соединения теории функционирования экономики, метода математического моделирования, приемов систематизации и обработки экономической информации [10, с. 477]. О. В. Кузнецова указывает, что «в дальнейшем модель «затраты – выпуск» активно применялась при анализе региональной структуры, например, для отражения таких показателей, как региональный доход, региональное производство, расчеты районов с другими районами и с государством и т. д.» [44, с. 42].

После Второй мировой войны начинаются процессы деколонизации. Бывшие колонии становятся самостоятельными государствами, а бывшим метрополиям придется совершить переход от прямого управления к парадигме осуществления экономической деятельности на территории новых стран и оказанию влияния на них в условиях необходимости учета различных местных факторов. В оценке экономического положения новых государств, а также в отношениях с ними начинает использоваться понятие «развитие», в результате чего формируется такое направление исследований, как девелопментология.

В тот же период происходит усиление глобализации, и региональные исследования актуализируются в связи с необходимостью кооперации с разными странами, распределения этапов производства, оптимизации логистических цепочек и т. д. Одновременно с этим на фоне общего повышения уровня жизни ярко проявляется диспропорциональность развития отдельных регионов внутри стран, поиски решения связанных с ней проблем также во многом оказываются сопряжены с региональными исследованиями.

Со второй половины 1950-х гг. набирает силу региональная наука У. Айзарда, разрабатываемая как инструмент для оценки состояния и решения проблем комплекс-

ного развития регионов [44, с. 41]. Так, в Японию она приходит в 1962 г. с созданием Японского отделения Международной ассоциации региональной науки (Regional Science Association International) [35, с. 69], в КНР – в 1991 г. с созданием Китайской ассоциации региональной науки, хотя и до того времени в этих странах уже существовали исследовательские центры, институты и университетские программы изучения определенных регионов. С этого времени и по сей день продолжается активное взаимодействие ученых из дальневосточных стран с их западными коллегами в области региональных исследований.

Таким образом, мы можем выделить следующие **этапы в развитии региональных исследований** в странах Запада и Дальнего Востока:

- *этап проторегионалогического знания*, в основном представленного описаниями иных стран и путешествий;
- *этап формирования методологических различий между Западом и Востоком*, начавшийся в связи с усилением роли естественных и точных наук на Западе, в то время как на Дальнем Востоке сохранялось доминирование «морально-гуманитарного направления»;
- *этап модернизации общества и сближения методологических позиций* как результат осознания необходимости трансформаций после столкновения с колониальной экспансией Запада;
- *этап развития собственно региональных исследований* как инструмента поиска ответов на вызовы эпохи разрушения колониальной системы, а также усиления глобализации (на международном уровне) и обострения проблем неравномерного развития (на внутреннем).

В качестве **факторов формирования и развития региональных исследований** мы можем выделить:

- *Разницу в представлениях об устройстве мира и приоритете областей знания*. На Дальнем Востоке доминировало «морально-гуманитарное направление», на Западе важное место получило естественно-научное направ-

ление, а в XX в. математические методы стали применяться и в гуманитарных науках.

- *Глобализация экономики как следствие развития средств передвижения и коммуникации*, начиная с образования колониальной системы. Развитие экономических отношений делало необходимыми сведения о регионах, с которыми велась торговля или в которых осуществлялась хозяйственная деятельность.

- *Необходимость комплексного подхода*: в XIX – начале XX в. происходит все большая специализация научных дисциплин, однако их возможностей начинает не хватать при решении проблем развития регионов.

- *Региональная специфика*: формирование классических монодисциплин происходило в условиях преобладания позитивизма и выявления универсалий (в качестве примера можем рассматривать теорию К. Маркса об экономических формациях), однако попытки применения европейских по происхождению теорий к другим регионам показали, что далеко не все теории работают. В результате происходит поворот к регионологии как комплексной науке.

В самом общем плане мы можем отметить, что на Западе движущей силой развития научных идей стало изменение объекта рассмотрения: как пишет Т. П. Григорьева, «европейское средневековье ставило акцент на неизменном, новое время... перенесло акцент на изменчивое. ...Неизменное как бы выпало из поля зрения. Мир движется вперед – это стало аксиомой в новое время» [13, с. 10]. Кроме того, одной из основ позитивизма является идея об объективном знании. Для Дальнего Востока же она была нехарактерна. Более того, заимствование западных подходов не означало отказ от прежних взглядов: «хотя японцы в конце XIX в. оказались в высшей степени восприимчивы к европейской системе знаний, и поныне с ней уживаются традиционные представления» [13, с. 13]. Такие представления демонстрирует, например, в Японии влиятельная киотоская научная школа, в основе которой лежит философия К. Нисида.

Что касается *перспектив дальневосточных региональных исследований* в контексте объединения комплексных подходов Дальнего Востока и конкретно-аналитических западных теорий, то многообещающая характеристика возможностей регионологии была представлена в докладе «Перспективы региональных исследований в Японии» Научного совета Японии. Там утверждается, что современная наука о регионах при правильном подходе способна стать инструментом решения множества проблем глобального характера, связанных с региональным развитием и международным взаимодействием [494]. При этом определяются следующие задачи региональных исследований:

1. Участие в решении проблем, связанных с глобальным экологическим кризисом. Для его преодоления необходимо основательно пересмотреть отношения природы и человека, что требует объединения усилий экологии и региональных исследований. Для устойчивого международного развития необходимо взаимное осознание различий в восприятии природы, характерных для каждого региона, что в области региональных исследований повышает роль ученых, свободно владеющих иностранными языками и разбирающихся в тонкостях культур других стран.

2. Разработка стратегии перехода от мировой финансовой системы, сконцентрированной на США, к многополярной во избежание повторений мировых финансовых кризисов. В прошлом инструментом изменений мировой экономики нередко были войны, однако сегодня, как полагают регионологи, крайне необходимо найти способы ее преобразования мирным путем. Не последнее место в поиске таких занимают исследователи в сфере науки о регионах, поскольку именно они являются экспертами в области международной политики и мировой экономики, а также изучают специфику развития отдельных регионов, что позволяет им объединить достижения мировых научных школ в разработке указанных проблем.

3. Устранение двойной проблемы социального неравенства (внутри стран и между странами), возникшей, как полагают регионологи, в результате экономической и ин-

формационной глобализации. Для ее решения необходимо объединить усилия ученых, изучающих многообразие внутристрановых регионов, с достижениями гуманитарно-экономической географии, стремящейся к раскрытию принципов формирования сбалансированного общества, региональных исследований и международной региональной девелопментологии, занимающихся изучением проблем нищеты и факторов развития современного мира.

4. Поиск путей разрешения региональных конфликтов и предотвращения террористических угроз. Данной проблемой должна заниматься не только международная политология, но и международная регионология, имеющая в своем арсенале данные о языках и культурах регионов, позволяющие разработать инструменты межрегионального взаимодействия.

5. Помощь в решении социальных конфликтов на почве экономического неравенства и культурных различий. Регинологи прогнозируют, что экономическая и информационная глобализация, активизирующая международную миграцию вкупе с тем, что в развитых странах стремительно прогрессируют снижение рождаемости и старение населения, приведут к дальнейшему увеличению числа иностранных граждан, что, в свою очередь, может вызвать рост вышеуказанных конфликтов. Для их решения в сфере политических решений и административной деятельности требуется конструктивное сотрудничество с учеными в области гуманитарно-экономической географии, исследующей проблемы численности населения и региональной экономики, а также антропологии и международной регионологии, описывающих нынешнее состояние «мультикультурного симбиотического общества» разных стран.

6. Совершенствование административной работы в сфере управления регионами в условиях децентрализации власти, а также активизации роли регионов в международном взаимодействии. Для этого в местных университетах необходимы факультеты регионологии, нацеленные на подготовку кадров, способных заниматься проблемами региональной политики, образования, культуры и окружающей среды.

7. Создание новых подходов к региональным исследованиям, способных пересмотреть «национально-государственную» концепцию, ставшую общепринятой в социально-гуманитарных науках. Инновационные подходы должны быть способны бросить вызов перечисленным выше глобальным и региональным проблемам благодаря тому, что будут учитывать необходимость перехода к государственной структуре, осуществляющей региональную интеграцию на основе разнообразия ее элементов.

8. Пересмотр концепции «западный = универсальный». Именно на региональных исследованиях, изучающих своеобразие регионов мира, лежит ответственность по релятивизации «западноориентированности» и ее перепроверке в научной и иных сферах.

9. Создание системы научного знания, изучающего новые формы взаимоотношений природы и человека и объединяющего усилия социально-гуманитарных и естественных наук. Для этого необходима также разработка системы, способной в единой форме аккумулировать, обрабатывать и передавать информацию об объекте исследования, что может быть достигнуто посредством развития региональной информатики, использующей географические информационные системы, информационные технологии, географическую информатику и т. д. Кроме того, объединение подходов к пониманию понятия «регион» в социально-гуманитарных и естественных науках через реализацию проектов, изучающих взаимозависимость атмосферы, дикой природы и среды человеческой деятельности, будет способствовать формированию новой области знаний, которую японские ученые называют «пространственной наукой». Эта область должна быть основана на слиянии социально-гуманитарных и естественных наук [35].

Трансдисциплинарная регионология, обладающая комплексностью дальневосточных подходов и западной научной базой, способна стать тем научным знанием, которое внесет значительный вклад в решение поставленных на ближайшее столетие задач.

ГЛАВА 4

ЮЖНОТИХООКЕАНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПАНСИОНИЗМА К РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

*К. А. Иванов
Е. В. Кремнёв
О. А. Хо*

Тихоокеанский театр военных действий Второй мировой войны являлся одним из главных мест противостояния союзников странам «оси», по итогам которого Тихоокеанские острова и прилегающая к ним часть Азии были признаны значимыми геополитическими зонами. Стремясь к укреплению глобальных гегемонистических позиций, осознавая необходимость накопления сведений о стратегически важных для себя частях земного шара, в первую очередь США проявили огромный интерес к исследованию того, что в настоящее время называется АТР [21]. Однако Австралия, будучи самым крупным игроком в Южно-Тихоокеанском регионе, также признавала бесспорную важность знания и понимания процессов, касающихся соседей по региону, для развития своего государства, поскольку война выявила их недостаточность.

Поставив цель изучить современное состояние области региональных исследований в ЮТР, выделить ее региональные особенности и спрогнозировать дальнейшее развитие, мы осознаем, что первым шагом должно быть рассмотрение истории развития данного академического направления, а также выделение этапов, которые в большей степени повлияли на различные векторы его развития

и, наконец, анализ тенденций современных региональных исследований и их систематизация в соответствии с предлагаемой тематикой.

4.1. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮТР

Первый этап развития региональных исследований связан в первую очередь с началом работы Австралийского национального университета (АНУ). Австралийский национальный университет положил начало развитию региональных исследований. На основании акта федерального правительства (1946 г.) Австралийский национальный университет изначально был сформирован как исследовательское учреждение, его деятельность была направлена главным образом на исследования и обучение в аспирантуре как по общенаучным вопросам, так и в отношении вопросов, имеющих национальное значение для Австралии [127]. Исходным пунктом развития региональных исследований в ЮТР являлась Научно-исследовательская школа Тихоокеанского региона, которая была одним из четырех институтов, открытых на базе самого авторитетного академического учреждения в регионе. В этом отделении АНУ в период с 1949 по 1950 г. развивалась сильная научная школа ученых-регионологов, которые главным образом фокусировали свои научные взгляды на различных проблемах Океании. Основная группа исследователей включала в себя таких выдающихся ученых и специалистов в различных отраслях, как Зигфрид Фредерик Надель (британский социальный антрополог); Уильям Эдвард Хенли Станнер (специалист по сравнительным исследованиям социальных институтов); Оскар Герман Христиан Спейт (британский географ); Уолтер Крокер (политолог-международник и дипломат); Чарльз Патрик Фицджеральд (специалист по истории Юго-Восточной Азии и Китая); Реймонд Уильям Ферт (новозеландский этнолог); Джеймс Уайтмен Дэвидсон

(с его именем связано само появление океанских исследований). Необходимо отметить, что Дэвидсон стал первым в истории ученым, который получил докторскую степень с научно-исследовательской работой по направлению «История Тихого океана».

В самом начале своего развития школа столкнулась с некоторыми трудностями, связанными с дисциплинарными пределами, обусловленными ее географической направленностью и функциональным устройством. В связи с этим в 1958 г. были проведены оценка и анализ ее работы и эффективности, которые показали целесообразность сохранения автономии данного подразделения и необходимость наращивания в ее составе числа факультетов и исследовательских отделений с одновременным стимулированием процесса расширения и развития междисциплинарных научных программ в области географической специализации на данном регионе. Одно из приоритетных направлений, которое было рекомендовано, затрагивало внедрение исследований экономических трансформаций в регионе и усиливающийся процесс урбанизации. Со временем академическое направление региональных исследований, фокусирующихся на изучении Тихоокеанского региона, приобретало все большую концептуальность в рамках мультидисциплинарности.

В период с 1960–70-х гг. проходил *второй этап* изучения процессов в ЮТР, который в основном был связан с течением деколонизации в регионе. Получившие независимость государства стали являться не только объектами исследований ученых из региональных метрополий, но и формировать собственное влияние на видение данного региона. Вследствие этого начало формироваться новое исследовательское направление, для которого, в свою очередь, возникла необходимость пересмотра типологизации исследуемых объектов, а также введения других научных дисциплин, которые бы позволили провести адекватный анализ новых по своей природе процессов. На этот период также приходится модернизация систем высшего образо-

вания в ведущих государствах региона – Австралии и Новой Зеландии. Проводимая реформа положительно повлияла на расширение доступности образования и, как следствие, привела к увеличению количества высших учебных заведений и научных проектов на их базе [182].

Так, в 1968 г. в Суве был основан Южнотихоокеанский университет, который впоследствии стал крупной и авторитетной базой для региональных исследований Тихого океана. Кроме этого, в 1970-х гг. в регионе сформировалась собственная секция Международной ассоциации региональной науки. Все больше молодых специалистов, являющихся представителями нового научного направления, стало вливаться в академические круги регионологов и вносить собственные новые взгляды в его теорию и методологию.

Период с 1980–90-е гг. можно определить как *третий этап*, в течение которого в области исследований региональных процессов возник подъем критических постколониальных идей. Западные подходы к изучению особенностей региона активно критикуются, а среди исследователей, являющихся коренными жителями данного региона, стало появляться большое количество авторских методик, связанных с культурной спецификой изучаемых обществ. Это специфичное так называемое обращение к корням в области региональных исследований стало формировать важную компоненту, которая внедрялась в уже имеющиеся парадигмальные наработки. Тем самым формировалась многоаспектность изучения региона в русле исследовательской «деколонизации».

Период конца 1990-х – начала 2000-х гг. можно обозначить как *четвертый этап* развития региональных исследований в ЮТР. Данный период сопровождался рядом вооруженных конфликтов в регионе – завершением конфликта в Бугенвиле, вооруженным переворотом на Соломоновых островах (2000 г.) и вооруженным конфликтом на Фиджи (2006 г.), которые так или иначе повлекли за собой изменения в направленности научных исследований региона. По причине того, что военные события обнажили

слабость политических институтов и институтов гражданского общества, на передний план вышли исследования политологической, правоведческой и социологической направленности как попытки пересмотра целесообразности применения западных моделей построения демократии в условиях региона, а также как изыскание возможностей гармонизации политической и социальной жизни. Исследователи придавали большое значение аспектам безопасности (как личной, внутри отдельных обществ, так и региональной) посредством преодоления точек нестабильности.

Пятым этапом является современный период развития региональных исследований, связанный с усиливающимися процессами глобализации и нарастающей ролью Азии в глобальной структуре, где прослеживается сближение исследований Океании и Азии, формируется новый крупный регион, комплексные исследования которого перестраивают научное поле, инверсируя приоритет исследовательского фокуса с «исследований Тихого Океана и Азии» на «Азиатско-Тихоокеанские исследования» [172].

4.2. ВЕДУЩИЕ ЦЕНТРЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮТР

В настоящее время университеты и научные ассоциации, основывающие и сосредоточивающие школы региональных исследований, являются важными научными центрами данного направления. На базе высших учебных заведений сотрудники факультетов, институтов и специализированных исследовательских центров ведут исследовательскую работу в различных областях, но в рамках региональной направленности, включая междисциплинарные и трансдисциплинарные проекты по изучению регионов. В ЮТР насчитывается 11 ведущих высших учебных заведений такого рода: Австралийский национальный университет в Канберре, Сиднейский университет, Университет Аделаиды, Университет Квинсленда в Брисбене,

Университет Мельбурна, Университет Тасмании в Хобарте, Университет Нового Южного Уэльса в Кенсингтоне, Университет Кентербери в Крайстчерче, Университет Окленда, Университет королевы Виктории в Веллингтоне, Южнотихоокеанский университет в Суве. На базе вышеуказанных университетов реализуется большая часть региональных исследований [21].

Авторитетнейшим образовательным и научно-исследовательским учреждением Австралии, в стенах которого проводится научная работа по региональным вопросам, является **Австралийский национальный университет** в Канберре. Основная масса региональных исследований сосредоточена в подразделениях **Колледжа Азии и Тихого океана**. В **Институте Китая** данного колледжа проводится научно-исследовательская работа в области *региональных исследований Китая*, его экономических, экологических, политических, социальных, культурных и других аспектов. В частности, нужно упомянуть таких исследователей, как Чэнь Чуньлай, экономист, изучающий инвестиционную политику современного Китая и процессы его интеграции в глобальную экономику; Анита Чань, исследователь современной китайской экономики, предпосылок и последствий встраивания Китая в мировую экономическую систему; Росс Гарнаут, исследователь экономических изменений в Китае; Роберт Констанза, географ и эколог, специалист по процессам сохранения природы в Китае и исследователь соответствующих государственных сервисов; Ли Бинцинъ, географ, экономист и урбанист, исследователь санитарных аспектов современных китайских городских структур; Дэвид Брюстер, политолог-международник, исследователь процессов взаимоотношений крупных игроков региона, в частности, Китая и Индии; Эми Кинг, экономист-международник, специалист по энергетическому диалогу Китая и Японии. Также китайские исследования проводятся в отдельном исследовательском центре – Австралийском центре по исследованию Китая в мире.

Южно-Азиатским направлением занимаются сотрудники **Института южно-азиатских исследований Колледжа Азии и Тихого океана**. Наиболее значимые исследователи Южной Азии в АНУ сегодня – это Кунтала Лахири-Дат, эколог, демограф, экономист, исследователь проблемы использования природных ресурсов в корреляции с социальной средой; Мира Ашар, директор института, исследователь изменений социально-политического курса в Южной Азии; Пол Кенни, политолог, исследователь электоральных процессов в регионе; Асса Дорон, социальный антрополог, исследователь процессов урбанизации и формирования идентичностей. *Культурные аспекты Южной Азии* исследуются также отдельно в **Школе культуры, истории и языков колледжа**, здесь стоит выделить таких выдающихся ученых, как Кирин Нараян, культуролог, специалист по народному творчеству северного Индостана; Дипеш Чакрабартти, историк и культуролог, специалист по постколониальным изменениям в странах региона; Кеннет Джордж, социальный антрополог, исследователь современных культурных феноменов в южноазиатских странах. Анализом *социально-экономических и социально-политических процессов в АТР* заняты исследователи **Школы публичной политики Кроуфорда Колледжа Азии и Тихого океана**, в частности, Блан Льюис, урбанист и социолог, исследователь социально-экономических процессов в Юго-Восточной Азии; Санго Маханги, экономист и социолог, исследователь экономического развития стран Юго-Восточной Азии, в особенности экологических и продовольственных аспектов; Сара Милн, эколог, исследователь проблем сохранения окружающей среды, традиционного природопользования. В области *международных отношений региона* работают сотрудники **Школы международных отношений АТР** Корала Белла, исследуя процессы международной интеграции, геостратегического и военно-стратегического взаимодействия, в частности Джон Блаксланд, военный историк, специалист по балансу безопасности в регионе; Грегори Раймонд, политолог, спе-

циалист по военно-политическим интеграциям Юго-Восточной Азии; Сесилия Джейкоб, специалист по защите прав человека в регионе, в особенности безопасности детей. Также важным подразделением АНУ по *комплексному исследованию Южно-Тихоокеанского субрегиона* является **Институт Океании**, исследующий ЮТР с позиций широкого дисциплинарного профиля. Можно выделить таких ярких исследователей-океанистов, как Джек Корбетт, политолог, специалист по внутривнутриполитическим и электоральным процессам в государствах Океании; Синклер Диннен, правовед и политолог, исследователь правовых институтов, их функциональных особенностей и устойчивости; Эндрю Паули, лингвист, специалист по компаративному языкознанию региона; Малкольм Росс, лингвист-компаративист, диалектолог, историк языков ЮТР; Серж Черкезоф, социальный антрополог, историк, исследователь межкультурной коммуникации; Гийом Молле, археолог, специалист по истории полинезийских обществ, палеодемограф, исследователь островных миграций; Мэтью Аллен, географ, исследователь геоэкономических процессов в Меланезии; Паскаль Перес, эколог, исследователь процессов использования натуральных ресурсов в государствах ЮТР.

Следующим крупным центром, на базе которого сформировано широкое и разнообразное поле исследования региональных вопросов, является **Сиднейский университет**. В структуре учреждения присутствует целый ряд подразделений, сотрудники которых исследуют регионы и соответствующие им явления и процессы. *Технические вопросы региональной инфраструктуры, регионального планирования и городской среды* изучаются на базе **Центра геотехнических исследований, Центра анализа интегрированной устойчивости, Института транспортных и логистических исследований, Центра планировочных исследований**. Среди исследователей региональных инфраструктур стоит выделить таких авторов, как Арианна Брамбилла, инженер и планировщик, специалист по инфраструктурным проектам в рамках реализации кон-

цепщий «устойчивого развития»; Мэтью Дж. Бек, исследователь региональных логистических сетей, специалист по минимизации транспортных углеродных издержек; Дэвид Хеншер, логист и аналитик транспортных структур малых регионов, специалист по оптимизации транспорта и подрывным инновациям; Арунима Малик, эколог, специалист по «чистой экономике», промышленной экологии и биотопливу; Арне Гешке, эколог и экономист, специалист по математическому моделированию экологических издержек экономической деятельности. *Проблемы региональной экологии и окружающей среды* изучаются на **факультете экологии** и в **Школе географических наук**. Среди регионологов-экологов можно выделить Ребекку Кросс, социолога и эколога, специалиста по городскому и сельскому развитию, вопросам сельскохозяйственной устойчивости; Джоди Уэбстера, геолога, геохимика и климатолога, специалиста по изменениям земной морфологии и изменениям климата; Тристана Саллеса, геолога, океанографа, специалиста по компьютерному моделированию геологических процессов. *Региональные экономические процессы* и финансовые отношения исследуются в **Бизнес-школе**, **Школе экономики** и на **факультете политэкономии**. Здесь стоит упомянуть такого яркого исследователя региональных бизнес процессов, как Эрик Найт, специалист в области региональных инноваций и стратегического регионального развития. *Исследования в области социальных и политических региональных процессов* сосредоточены на **факультете социологии и социальной политики**, в **Школе политических и общественных наук** и в **Школе управления**. Среди прочих здесь нужно выделить таких исследователей, как Хван Гю Чжин, специалист по Восточной Азии, исследователь становления институтов государства всеобщего благосостояния; Аллен Джордж, социолог, специалист по проблеме ЛГБТ в АТР, в том числе по инструментам правового регулирования в области защиты меньшинств; Николая Пайпер, исследователь региональных процессов демократизации, в том числе специалист по

компаративным исследованиям внутренней политики государств Азии и ЮТР; Джефф Гэллоп, исследователь местного самоуправления и политических процессов в регионах Австралии; Ли Бёрнс, эксперт в области гражданского законодательства Австралии и государств ЮТР. *Международные региональные отношения* исследуются на **факультете управления и международных отношений**, в частности, там работает Чжи Е Ким, крупный специалист по международной политике в Южно-Китайском море. *Культурные, исторические и антропологические аспекты регионов* изучаются на **факультете антропологии, факультете археологии, факультете истории**. Среди антропологов и историков особо выделяются Гейнор Макдональд, социальный антрополог, специалист по медицинской антропологии австралийских аборигенных обществ; Анжали Коэн, социальный антрополог, специалист по судебно-медицинской психологии и психологии развития; Осе Отгоссон, социальный антрополог, специалист по коммуникации аборигенов и белых поселенцев; Джино Каспари, археолог, геоинформатик, специалист по пространственному анализу в археологических исследованиях; Джеймс Данк, историк и медицинский антрополог, специалист по ментальному здоровью в региональной Австралии; Софи Чао, социальный антрополог, специалист по взаимовлиянию социума и окружающей среды. Отдельно рассматриваются *аспекты сельскохозяйственных регионов*, исследования которых сосредоточены в **Сиднейском институте агрокультуры** и в **Университетском центре сельского здравоохранения**. В данном направлении выделяются такие исследователи, как Фейке Дийкстра, эколог, климатолог, специалист по анализу почв, изменениям окружающей среды и функциональности экосистем; Ван Туш, почвовед, эколог, специалист по сельскохозяйственному развитию, фермерским системам, сельскому хозяйству в контексте изменений климата; Роберт Джон Мартин, специалист по традиционным сельскохозяйственным системам Юго-Восточной Азии.

Еще одним крупным австралийским центром, формирующим в своих стенах школу региональных исследований, является **Университет Аделаиды**. Вопросы *регионального планирования и оптимизации региональной застройки* исследуют в **Центре жилищного городского и регионального планирования**, а также в **Школе архитектуры и строительства**. Крупные исследователи данных аспектов в университете – это Фахмид Ахмед, урбанист, специалист по устойчивости городов, «зеленой урбанистике», «устойчивому развитию»; Сьюзан Оукли, урбанист и социолог, специалист по городской географии, городскому управлению и городской социологии; Эмма Бейкер, урбанист, архитектор, социолог, специалист по городскому планированию и социальным связям в мегаполисах; Лоуренс Лестер, урбанист, специалист по городской эконометрике и пространственной демографии. *Проблемы региональной экологии и естественно-географической среды* изучаются на **факультете географии, окружающей среды и народонаселения** и в **Институте изучения окружающей среды**. Здесь выделяются такие заметные исследователи, как Стюарт Браун, океанограф, климатолог, специалист по палеоклиматологии и палеоэкологии ЮТР; Дэмиен Фордхэм, эколог, специалист по природоохранной биологии, проблемам изменения климата и популяционной динамике; Джонатан Люн, океанограф и морской биолог, специалист по морским экосистемам восточной Азии; Патрик О'Коннор, лингвист и эколог, специалист по изменениям окружающей среды и финансированию экосистемных сервисов. *Социальные процессы и явления регионов* исследуют сотрудники **Школы социальных наук и Центра гендерных исследований**, в частности, это Меган Варин, социальный антрополог, исследователь процессов идентификации и самоидентификации в Австралии, специализируется в том числе на изменениях в конструктах идентичности аборигенного населения; Бульбек Чилла, социолог, психолог и антрополог, специалист по гендерному и социальному равенству в Австралии и ЮТР; Кей Шаффер, социолог, антрополог и культуролог, специа-

лист по гендерным исследованиям, феминистским критическим теориям и проблеме соблюдения прав человека.

Следующее австралийское учреждение, на базе которого существует собственная школа региональных исследований, – это **Университет Квинсленда** в Брисбене. Региональные исследования также рассредоточены по профильным факультетам и ранжируются в соответствии с их дисциплинарной специализацией. Это **факультет политологии и международных отношений, Школа социальных наук, Школа экономики и Школа наук о земле и окружающей среде**. Выделяется ряд наиболее ярких ученых, занимающихся региональными вопросами, – Крис Кларксон, археолог, специалист по истории доколониальной Австралии, исследователь культурной эволюции коренного населения; Дэвид Триггер, социальный антрополог, этнограф, исследователь социальных и культурных практик австралийских аборигенов; Зои Стейнз, социолог и криминалист, специалист по индигенной преступности и политике в отношении общин коренных народов; Ким де Рике, социальный антрополог, специалист по антропологии развития и взаимовлиянию социума и окружающей среды; Питер Уолтерс, урбанист-социолог, специалист по устойчивому развитию городских сообществ; Мухаммед Алауддин, экономист, специалист по региональному экономическому развитию Южной Азии; Пегги Шробэк, специалист по экономике окружающей среды и региональным проблемам изменения климата; Клемент Аллан Тисделл, экономист, специалист по «устойчивому развитию» и безопасному использованию окружающей среды в Азии; Дорина Пояни, урбанист, специалист по транспортному планированию, устойчивому городскому развитию, региональному развитию Австралии и Юго-Восточной Азии; Джонатан Коркоран, демограф, специалист по миграционным процессам в АТР; Шахар Хамейри, политолог-международник, специалист по региональной безопасности и процессам регионализации; Ноэль, исследователь проблем безопасности в Юго-Восточной Азии и странах АСЕАН; Роланд Блейкер, специалист в области международ-

ных отношений в регионе, кореевед, эксперт в области регулирования международных конфликтов; Николь Луиза Джордж, специалист по правам человека в островных государствах ЮТР; Мэтт Макдональд, специалист по критическим теориям безопасности в АТР; Тесс Ньютон Кейн, специалист в области регионализма в ЮТР.

Университет Мельбурна – также крупный научный и образовательный центр, в рамках которого проводятся региональные исследования. *Политические и социальные вопросы регионов* исследуют в **Школе социальных и политических наук**. В частности, здесь стоит отметить таких ученых, как Прадип Танея, политолог, специалист в области энергетической безопасности и геополитических процессов в Южной Азии; Дерек Макдугалл, политолог, специалист в области международной безопасности в АТР, исследователь регионализма Индо-Пацифики. С позиций географической науки, исследуя *экологические и климатические особенности*, регионы изучают сотрудники **Школы географии** и **офиса экологических программ**, в частности, Тесса Тумбуру, географ и эколог, представитель школы экофеминизма; Джон Барнетт, эколог и географ, специалист по «устойчивому развитию» и изменениям климата, исследователь политики в области использования природных ресурсов; Себастьян Томас, эколог, специалист по механизмам контроля экологического состояния окружающей среды, изменениям климата, возобновляемым источникам энергии в островных государствах ЮТР. На **факультете архитектуры, строительства и планирования** исследуются *проблемы организации инфраструктуры в регионах*, в том числе *вопросы устойчивости и эффективности городских систем*. Наиболее яркие исследователи в данном направлении – Марк Стивенсон, эпидемиолог и специалист по организации городских транспортных инфраструктур; Джейсон Хью Томпсон, психолог, специалист по прикладной социальной психологии, проектированию транспортных сетей и безопасности вождения; Керри Найс, планировщик, специалист в области

программирования пространственных структур, транспортных сетей и городской оптимизации.

Еще одним крупным научным и образовательным центром в Австралии, исследующим регионы, является **Университет Тасмании**. Сотрудники **Института регионального развития** работают в поле *девелопментологии регионов*, занимаясь теоретическими и прикладными исследованиями в данной области. В данном направлении выделяются следующие исследователи – Лоуренс Брайан Бонни, социолог, специалист по сельскохозяйственному развитию регионов, инновациям в агрокультурном секторе; Анжела Кастлс, социолог, специалист по развитию сельскохозяйственных региональных сообществ; Робин Эверсоль, социальный антрополог и экономист, специалист по развитию региональной экономики и развитию человеческого потенциала в регионах Австралии. В **Школе социальных наук** изучают *региональные социальные процессы*. Особого внимания заслуживают Роберта Джулиан, этнограф и культуролог, эксперт в области региональной социальной политики Австралии; Кан-Сенг Ой, социальный антрополог, специалист в области регионального туризма Австралии; Брюса Трантер, социолог и антрополог, специалист по формированию региональных идентичностей и вариативности ценностей в Австралии. **Школа географии и экологических исследований** сосредоточена среди прочего на *аспектах морской экологии в регионе*. Яркие представители данного поля исследований – Каролина Гарсия, эколог, зоолог, морской биолог, специалист по морским экосистемам южной части побережья Австралии; Михаэль Дриссен, морской биолог, исследователь морских экосистем ЮТР.

Университет Нового Южного Уэльса не столь богат на разнообразие региональных исследований, однако и в его стенах работает некоторое число исследователей-регионологов. Распределены они в двух подразделениях: *вопросы городского и регионального планирования и застройки* изучаются на **факультете строительства**, про-

блемы региональных социальных и политических процессов и явлений изучаются в **Школе социальных наук**. Можно привести в пример несколько ученых из данного учреждения – Сара Широждан, геоинформатик, специалист по пространственному анализу и пространственной статистике; Цзинь Чжу, географ и урбанист, специалист по устойчивости азиатских городских систем; Шамила Хаддад, урбанист, специалист по «устойчивому развитию» в городской архитектуре и планировании; Андреа Бенвенути, историк-компаративист, специалист по анализу региональной международной политики в Южной Азии; Моника Бартваль-Датта, политолог, специалист по международной безопасности в Южной Азии; Сринджой Боуз, политолог, специалист по процессам демократизации и становлению институтов социального благополучия в постконфликтных обществах Азии и Океании; Фэнши Ву, политолог и социолог, специалист по китайской внешней политике, а также вопросам «устойчивого развития» и международного гуманитарного сотрудничества.

Также в южнотихоокеанском академическом пространстве региональных исследований стоит выделить новозеландские университетские центры, значительно влияющие на развитие регионального научного поля.

Крупнейший новозеландский университет в данном контексте – **Университет Окленда**. В рамках этого учреждения региональные вопросы исследуются по всем основным направлениям. В **Школе архитектуры и планирования** занимаются вопросами *устройства региональной инфраструктуры и оптимизации пространства*. Наиболее авторитетными исследователями в данном направлении являются Мариан Макен, теоретик архитектурного и ландшафтного дизайна, планировщик пространственных городских структур; Душко Богунович, известный архитектор, урбанист и планировщик, специалист по устойчивому планированию городских систем, городской экологии, теории интеграции городских инфраструктур и окружающей среды; Мохсен Мухаммадзаде, социолог и урбанист, специ-

алист в области городских сообществ, городского развития, пространственного анализа; Манфредо Манфредини, урбанист, специалист по оптимизации городской среды азиатских и австралийских мегаполисов; Стивен Найт-Ленихан, эколог, специалист по взаимодействию общества и окружающей среды. На **факультете социологии** изучаются *социальные процессы регионов*, наиболее яркими представителями данного направления исследований являются Клаудия Белл, социолог, специалист по вопросам общественной безопасности в Юго-Восточной Азии; Сирена Наэпи, социолог и социальный антрополог, исследователь аборигенных обществ ЮТР, теоретик критических исследовательских подходов и методологий. *Экономическим развитием регионов* занимаются сотрудники **факультета экономики**, среди экономистов-регионологов выделяются Ле Вэнь, эконометрист, специалист по исследованиям экономических процессов Китая, Австралии и Новой Зеландии; Базиль Шарп, исследователь экологизации энергетической отрасли экономики Новой Зеландии. В университетском **Центре исследований развития** работают два выдающихся ученых, занимающихся среди прочего социальными вопросами регионального развития в островной части ЮТР: Ивонн Андерхилл-Сем, социальный антрополог, исследователь социальной политики в странах ЮТР, специалист по гендерным аспектам общественного развития; Кристина Энн Ньюпорт, этнограф и антрополог, специалист по Островам Кука, теоретик специальных исследовательских подходов. Также *региональные культурные и поведенческие аспекты населения ЮТР* изучаются на **факультете антропологии**, в частности, такими исследователями, как Кирстен Земке, социальный антрополог и социолог, специалист по аборигенным обществам региона, в том числе исследующая гендерные аспекты данных социумов; Гарри Аллен, археолог, исследователь доколониальной истории обществ ЮТР; Кейси Аллели, археолог и антрополог, исследователь аборигенов островных государств ЮТР и Австралии. Также в структуре университета есть

крупный центр по *исследованию островной части ЮТР* – **Центр тихоокеанских исследований**. Сотрудники центра занимаются комплексным изучением региона, формируя собственную научную школу и создавая уникальный теоретический и методологический исследовательский фокус. Наиболее значимые представители – Мелани Анаэ, социальный антрополог, теоретик тихоокеанских методологий, исследователь межкультурных коммуникаций в регионе и формирующейся общерегиональной идентичности; Сэм Мануэла, социальный психолог, психометрист, специалист по кросскультурной психологии в регионе; Меленайт Таумоэфолау, лингвист, крупный специалист по сравнительному языкознанию Океании; Филлис Херда, антрополог и культуролог, специалист по тонганской материальной культуре.

Другой крупный университет Новой Зеландии, в стенах которого исследуется широкий круг вопросов по региональным направлениям, – **Университет королевы Виктории в Веллингтоне**. Сотрудники школы географии и наук о земле проводят среди прочего *исследования в области экологических и экономико-географических проблем*. Здесь выделяются такие исследователи, как Мирьям Шиндлер, географ-эконометрист, специалист по пространственному анализу и географическим информационным системам, исследователь региональных экономик Новой Зеландии; Уорвик Мюррей, географ-экономист и политолог-международник, исследователь международных отношений в ЮТР и Латинской Америке, компаративист; Габриэль Люк Киддл, географ, экономист и эколог, специалист по вопросам «устойчивого развития» в островных государствах ЮТР. Сотрудники **Школы истории, философии, политологии и международных отношений** исследуют *исторические, культурные и политические региональные особенности*, а также международно-политический региональный контекст, среди них Джон Френкель, политолог, крупный специалист в области стран тихоокеанского региона, исследующий в том числе их политические процессы, ин-

ституциональный дизайн, электоральные системы, экономику и историю; Александр Бух, политолог-международник, крупный специалист по международным отношениям в Восточной Азии, в том числе исследующий территориальные диспуты в регионе. Так же как и в Оклендском университете, на базе Университета Виктории функционирует **Департамент тихоокеанских исследований**, занимающийся *исследованиями островных особенностей*. Здесь работают такие известные исследователи Океании, как Тама-саилау Суали-Сауни, социальный антрополог, крупный исследователь ментального здоровья населения островных государств ЮТР; Терезия Чайва, социолог, социальный антрополог, историк, яркий представитель и теоретик современных постколониальных критических теорий в регионе.

В Новой Зеландии стоит отметить еще один университет, в рамках которого исследователи изучают региональные вопросы. Это **Университет Кентербери** в Крайстчерче, в котором регионы исследуют в рамках географической науки на **факультете географии** такие ученые, как Николас Паттон, географ и эколог, почвовед и гидролог, исследователь окружающей среды регионов Австралии и Новой Зеландии; Джеймс Шульмейстер, палеоэколог и палеоклиматолог, специализирующийся на исследованиях региональной Австралии и Азии.

Последним крупным университетским центром в Южно-Тихоокеанском регионе, на базе которого проводятся региональные исследования и который необходимо отметить, является **Южнотихоокеанский университет** в столице Фиджи Суве. Данное научное и образовательное учреждение формирует собственную регионологическую школу, сфокусированную в первую очередь на *проблемах островной части ЮТР*. *Экономические и социальные аспекты региона* изучаются в **Школе экономики и Школе социальных наук** соответственно. Наиболее заметные социологи и экономисты университета – Литеа Мео-Севабу, социолог и социальный антрополог, специалист по ментальному здоровью островных тихоокеанских обществ, а также

вопросам гендерного взаимодействия; Ёюко Канэмасу, социолог и экономист, исследователь социальных и экономических практик на Фиджи; Тауиси Таупо, экономист, исследователь экономических процессов в ЮТР в корреляции с процессами изменения климата; Радика Кумар, экономист, специалист по тихоокеанским интеграциям и торговым взаимодействиям в рамках ВТО. *Природно-географические факторы регионов* разрабатываются в **Школе географии, наук о земле и окружающей среде**, а также в **Океаническом центре окружающей среды и развития**. Авторитетные исследователи в данном направлении – Рэндольф Таман, биолог и географ, специалист по островным экосистемам и аборигенному экологическому знанию; Натан Уэльс, географ, специалист по пространственному анализу экологического состояния биосферы. *Исследованиями в области культуры и истории островных океанических обществ и государств* занимаются сотрудники **Океанического центра искусств, культуры и тихоокеанских исследований**. Известные сотрудники учреждения – Кресантия Коя, социальный антрополог, теоретик методологических подходов исследования обществ ЮТР; Росиана Лаги, социальный антрополог, исследователь по эпистемологии тихоокеанского знания; Фрэнк Томас, археолог, специалист по археологическим исследованиям тихоокеанских островов.

Научные ассоциации представляют собой сообщества ученых, объединенных по принципу работы в рамках единой научной дисциплины либо по принципу общего направления в исследованиях [Кузнецова, 2019] (Australian studies, Pacific studies). Направление этих исследований может быть посвящено как конкретным регионам, например, в **Региональном институте Австралии** (Regional Australia Institute), так и работе в рамках регионалогической научной дисциплины, например, региональной науки (Regional science) в рамках Австралийско-новозеландской секции (ANZRSAI) Международной ассоциации региональной науки (RSAI). Существуют и ассоци-

ации смежного профиля, изучающие разные дисциплинарные аспекты в рамках определенного региона, например, **Ассоциация культурных исследований Австралии** (Cultural Studies Association of Australasia). Рецензируемые научные журналы также являются одним из важных институционализирующих элементов регионального исследовательского направления.

Австралийско-новозеландская секция Международной ассоциации региональной науки появилась в начале 1970-х гг. как маленькая группа ученых, интересующихся исследованиями региональных вопросов в рамках молодой научной дисциплины, и в 1976 г. уже провела свою первую международную научно-практическую конференцию. Как и заложено в основе устройства данной организации, ее южнотихоокеанское ответвление объединяет в себе исследователей, занимающихся проблематиками регионального влияния и развития на национальные и глобальные процессы в области экономики и социальных изменений, применяя различные методы регионального анализа. На сегодняшний день это большое и влиятельное научное сообщество, объединяющее ученых со всего региона, проводящее на ежегодной основе конференции, выпускающее под своей эгидой периодические научные журналы и рецензируемые монографии. В частности, стоит отметить издаваемый Ассоциацией *Australasian Journal of Regional Studies*, а также информационный бюллетень *Sustaining Regions*, аккумулирующий актуальные для региональной науки исследовательские повестки и регулярно проводящий обзор современного состояния региональных исследований в мире.

Региональный институт Австралии юридически является обществом с ограниченной ответственностью, имеющим уставной капитал, реализующим поддерживаемую бизнесом и институтами управления работу по изучению региональной части Австралии с целью исследования путей выравнивания сельских и ресурсных периферийных регионов в части уровня жизни с метрополиями и обеспечения гармоничного устойчивого развития регионов в ком-

плексном смысле. Цели организации проистекают из тезиса, что между австралийскими метрополиями и регионами существует значительная диспропорция. Крупные города и их агломерации являются не только наиболее урбанизированными и структурированными в инфраструктурном плане районами, но и центрами принятия решений и разработки векторов развития в отношении остальных территорий. Это формирует некоторую диспропорцию в развитии общей территории государства, а также создает некий буфер между управляющими центрами и регионами, в отношении которых формулируется политика [179]. Организация объединяет ученых, работающих в рамках региональных исследований, целью которых являются «исследования по приоритетным политическим вопросам, влияющим на региональную Австралию, с целью выявления политических решений, которые способствуют процветанию и устойчивости региональной Австралии» [333]. Также интересной инициативой данной ассоциации является **Совет региональной Австралии 2031** (Regional Australia council 2031). Данный совет создан как сообщество заинтересованных в региональном развитии корпоративных объединений и представителей бизнеса с целью выработки инструментов для совместной поддержки региональной политики, в том числе в части инвестиций и реализации проектов, с опорой на исследовательскую экспертную работу членов Regional Australia institute.

В более широком смысле, чем только процессы и особенности региональной Австралии, австралийским вопросам посвящены исследования **Международной ассоциации австралийских исследований** (International Australian Studies Association). Данную организацию также можно отнести к разряду регионологических, поскольку главный фокус исследований детерминирован *комплексным изучением Австралии и прилегающих регионов*. По сути, Ассоциация является сетевой структурой, объединяющей австраловедческие и регионологические секции в рамках различных научных дисциплин, но под единой

канвой корреляции исследовательских направлений с внутренними или внешними проблемами Австралии. Например, она включает такие структурные элементы, как **Австралийская ассоциация культурных исследований, Австралийская историческая ассоциация, Ассоциация исследований австралийской литературы** и др. Международная ассоциация австралийских исследований также издает собственный ежеквартальный научный журнал *Journal of Australian studies* – выпускаемое с 1970-х гг. реферируемое издание, публикующее статьи на темы научного австраловедческого дискурса, австралийской культуры, общества, политики, истории и литературы. Редакционная практика состоит в том, чтобы поощрять и включать мульти- и междисциплинарные исследования.

4.3. НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮТР

В основу классификации указанных направлений был положен географический признак, благодаря чему представляется возможным разделить исследования с географической детерминантой на *азиатские исследования, исследования Океании, исследования макрорегиона АТР*, сводящие объекты двух направлений в единое исследовательское русло для анализа региональных процессов в более крупном приближении.

4.3.1. Азиатские исследования в ЮТР

Азиатское направление включает в себя совокупность проблем и вопросов, актуальных для различных частей региона. Выделяется ряд основных исследовательских векторов, которые связаны с вопросами взаимных экономических отношений и внутриэкономического развития стран Азии; стабильности городов и оптимизации экологических издержек работы городских систем; экологических и санитарных проблем в странах Азии; дипломатии и реше-

ния межгосударственных конфликтов; равноправия и соблюдения прав человека [21].

В сфере *азиатской экономики* выдвигается ряд вопросов, сущностью которых является устойчивость социальной и природной среды во взаимодействии с экономическими процессами. Например, изучаются экономические импульсы, обуславливающие создание механизмов экономической деятельности, которые способствуют минимизации принимаемого вреда окружающей среде с оценкой эффектов данных механизмов [362]. Итоги антропогенной экономической деятельности для окружающей среды рассматриваются через призму своеобразного эмпирического конфликта социально-политических интересов и экологии в попытке теоретически разработать консенсус данного противоречия с опорой на исторический опыт и особенности региона [140]. Ученые, которые занимаются изучением экономики стран Азии, а именно вопросами социально-экономической устойчивости, главным образом фокусируют свой взгляд на *проблемах продовольственной безопасности в регионе*, особенно в корреляции с региональным управлением в области устойчивого развития аграрного сектора [117]. Исследуются и *внутренние социальные и культурные факторы, влияющие на устойчивое развитие сельского хозяйства*, как, например, родословная идентичность [188]. Еще один не менее важный экономический аспект азиатской региональной системы – это *энергоёмкость и энергетическая дифференциация регионов*. Исследователи посредством эконометрических методологий, а также методов декомпозиционного анализа анализируют энергетическую отрасль в ее взаимосвязи с экономическими процессами и теоретизируют возможные сценарии устойчивого развития [176]. Актуальны для исследователей экономических процессов в Азии и *вопросы рынка рабочей силы*, в особенности изучение роли государства в трудовых отношениях [185], и процессов трудовых миграций в регионе в корреляции с факторами правовой защищенности [321].

В академической сфере ЮТР проблематика *азиатских исследований планирования и устойчивости городских систем* характерна для данной научной области и формируется вокруг задач, связанных с *улучшением городского пространства, уменьшением экологических и санитарных последствий от процесса урбанизации и гармонизации городского ландшафта* в части сосуществования современной архитектуры и памятников исторического наследия. Что касается *оптимизации городской инфраструктуры и исследования путей экологического функционирования городских систем*, то здесь особое внимание уделяется мегаполисам Южной Азии, целью анализа которых является разработка долгосрочной перспективы устойчивого роста [396]. Анализ проводится с учетом демографической ситуации городов, их пространственно-экономической структуры и с учетом исторического развития. Методология с использованием цифровых пространственно-географических систем, применяемая в процессе исследования проблем гармонизации исторического городского ландшафта, позволяет эффективно оценивать пространство для дальнейшего планирования окружающей инфраструктуры, не причиняя вреда историческому фасаду, а также принимая во внимание необходимость туристических коммуникаций [419]. С точки зрения комплексности городских структур как комбинации естественно-географических, инфраструктурно-технических и социально-культурных пространств большой интерес вызывают *междисциплинарные урбанистические исследования* («теневое садоводство» на юге КНР).

Исследователи на примере Ханчжоу изучают характер стигматизации «теневых» городских садоводств и выводят гармонизирующую парадигму, оценивая садовые участки с точки зрения городского ландшафта, экологичности произведенных в них плодовых культур, анализируют их дальнейшее развитие как фактор социальной коммуникации в городской среде [152].

Еще одно важное направление в исследованиях Азии представлено работами, которые связаны с *исследованиями*

естественно-научного плана и нацелены главным образом на *изучение экологических и климатологических характеристик региона*. К ним относятся *исследования, касающиеся влияния альтернативных источников энергии на экономическое развитие*, с использованием авторских методологических подходов, включающих в себя мультирегиональный подход «входа-выхода»¹⁹ и анализ производственных данных для оценки социальных, экономических и экологических показателей [386]. Кроме того, большое количество исследований затрагивает вопрос пользования и сохранения водных ресурсов, который крайне важен для азиатского региона. Кроме естественно-научных подходов, связанных с *проблемами водной санитарии и безопасности*, активно разрабатываются *вопросы управления водными ресурсами* и зависимостью технических решений в данной области с политическими аспектами. Так, концептуализируются передовые подходы к пониманию «технополитики» – новой формы политических решений, основанных на крупных региональных технических проектах [158]. Кроме актуальных для современной климатологии *проблем изменения климата* и его последствий, оказывающих влияние на биосферу, в исследованиях, связанных с климатическими особенностями регионов Азии, поднимаются *вопросы коррелирующих социальных и демографических региональных сдвигов* с сопутствующим анализом государственной политики азиатских государств в данном процессе с опорой на регулирующую ее нормативно-правовую базу [417].

Исследования в области соблюдения прав человека являются специфичным направлением в области азиатских региональных исследований, их дисциплинарное поле и методология формируются на основе социальных и правовых наук, также опираясь на инструментарий культурологии и социальной антропологии. Особое внимание привлекают работы по нескольким наиболее актуальным в

¹⁹ Multi-regional input-output (MRIO) approach.

регионе проблемам, одна из них складывается на основе исследований, касающихся *гендерного равенства и эмансипаторных тенденций в регионах Азии*, где особое внимание уделяется *вопросам гендерной географии и социальной стратификации*, а именно *исследованиям гендерной мобильности*, социальной и географической, ставящим целью формирование гармонизирующей парадигмы, теоретически способствующей построению гражданского общества [272]. Еще одна важная проблема, которая привлекает взгляды исследователей, – это *защита прав детей*, особенно противодействие использованию детского труда и сексуальной эксплуатации в Юго-Восточной Азии [159]. Кроме того, *исследования природы организованного насилия в мультикультурных регионах*, формирования преступных группировок, культурных и социальных оснований этих процессов формируют еще одну актуальную проблему в области соблюдения прав человека и развития гражданского общества [150].

Научное поле, объединяющее большое количество изучаемых проблем, формирует исследования, касающиеся *международных отношений* в Азии. В большей степени рассматриваются *вопросы конфликтологического характера*, которые затрагивают проблемы территориальных споров, борьбы за сферы влияния и затянувшихся конфликтов. Отдельно стоит отметить исследования, касающиеся текущего конфликта на Корейском полуострове. Исследователи проводят комплексный анализ сложившейся ситуации, рассматривают пути решения и с точки зрения азиатского видения проблемы, и с позиции ЮТР [125], а также разрабатывают методологические рекомендации к установлению устойчивой дипломатии между враждующими сторонами [373]. В отношении территориальных диспутов в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, затрагивающих такие территории, как Южные Курилы, острова Лианкур, острова Сенкаку (Дяоюйдао), тайско-камбоджийские спорные районы, акватория Южно-Китайского моря, Джамму и Кашмир, индо-китайские спорные горные районы, проводятся комплексные исследования [385].

4.3.2. Исследования Океании

Одно из крупных географических направлений в области региональных исследований ЮТР, которое стоит выделить, – это *исследования островной части Азиатско-Тихоокеанского региона – Океании*.

Говоря об исследованиях Океании, ее культурных, антропологических, исторических и социальных особенностях, стоит отметить наличие широкого круга особых методологических подходов, разработанных с учетом исторических и этнокультурных факторов, обуславливающих социальный ландшафт региона. В 1970-х гг. XX в. в исследованиях Океании происходит резкий поворот вектора академического пространства, основанный на критике западных паттернов в таких областях, как искусство, образование и антропология, в сторону подходов, базирующихся на аборигенном знании, т. е. использующих различные оптики постколониальных критических теорий. Процесс *деколонизации тихоокеанского знания* вошел в этап бурного развития, и в настоящий момент в рамках концептуализации данного научного направления, помимо разработки теоретических подходов и методологического инструментария, продолжает направлять в сторону объединения особого научного сообщества, которое действует на взаимодополняющей основе и включает в себя исследователей из разных частей Океании, объединенных единой критической и созидающей новые подходы к получению знания парадигмой [372]. Как отмечается исследователями, Тихоокеанские острова являются отличными от других постколониальных регионов особыми обществами, и изучать их необходимо в соответствии со сложившимися условиями, так сказать «изнутри». В то же время исследователями отрицается значимость классового анализа в отношении обществ Океании, для формирования методологии используется структуралистский подход, также активно критикуются доктрины Реймонда Ферта, Маргарет Мид и Бронислава Малиновского, заложивших основы статичного и функционального видения региональных повседневных практик [375].

Далее представлен ряд подходов к получению объективного гуманитарного знания об аборигенных обществах южной части Тихого океана.

«*Каупапа Маори* (Каурара Māori) – научная школа, философская, образовательная и культурная концепция, специализированная методология, основанная на использовании языка маори в образовании и исследованиях, с погружением для лучшего понимания маорийских ценностей и точек зрения на окружающий мир. Используется не только для максимального приближения к ценностям и культурным ориентирам коренного населения Новой Зеландии, но и для проведения объективного анализа социальных изменений, проходящих в рамках маорийских общин или интегрированных в общий новозеландский контекст маори» [21]. Стимул к развитию школа получила после отчета новозеландского профессора Ричарда Бентона по поводу упадка и критического состояния языка маори, что негативно отразилось на маорийских традиционных ценностях культуры, приводя к их утрате. Маори в целях возрождения и передачи традиционалистских основ коренного населения Новой Зеландии в образовании на всех уровнях, объединив интеллектуальные ресурсы, провели огромную работу по созданию, концептуализации и институционализации новой системы, благодаря чему в научном сообществе появилась так называемая наука Каупапа Маори [371]. В настоящее время ведется работа по определению места и роли Каупапа Маори в общем поле пантихоокеанских исследовательских школ, разрабатываются способы и методы интеграции данного подхода с другими критическими концепциями в регионе [292].

Благодаря Конаи Хелу-Таман, в 1993 г. выпустившей свою книгу «Какала», в которой она заложила основы для нового подхода, ориентированного на получение объективного знания о социальных и культурных особенностях островных обществ, получила свое начало *методология «Какала»*, которая учитывала тонганские культурные особенности с опорой на тонганскую мировоззренческую матри-

цу [279]. Термин «какала» используется как метафора для образования и исследований, своеобразная отсылка к тонганской традиционной практике плетения цветочных венков. В первоначальном варианте включает в себя три стадии: «*толи*» – сбор цветов, в метафоре означающий сбор данных для исследования; «*туи*» – плетение гирлянды, в метафоре означающее анализ собранных данных; «*лува*» – раздача получившихся венков, в метафоре означающая распространение полученных результатов [235]. Благодаря теоретическим наработкам исследователей и активному обсуждению в настоящее время данная методология постепенно трансформируется. Так, появился новый элемент «*теу*», что означает концептуализацию полученного знания после анализа данных перед его распространением [235]. Кроме того, в академических кругах обсуждается введение в методологию других элементов, например, «*малие*» – уместность и ценность, «*мафана*» – применимость, трансформативность и устойчивость [294].

Возникновение «Какала» инициировало появление подобных подходов в других плоскостях академического пространства островной части ЮТР. Одним из самых показательных примеров является *методология «вануа»*, предложенная исследователем из Южнотихоокеанского университета Унаиси Набобо-Баба в 2008 г., которая направлена на специфику общества Фиджи. Методологическая рамка «Вануа» означает «племя», в основе ее принципа лежит этикокультурная первостепенность вовлечения в исследования особенностей самих фиджийцев и важность формулировки целей и задач исследования с пользой для них [21]. Другими словами, исследования должны быть важными для настоящего времени и применимыми позитивно для изучаемой общины, должны включать в себя совокупность местных культурных ценностей, внутреннее видение социальных процессов, опирающееся на местную социальную философию, должны проводиться на фиджийском языке (или его диалектах), члены команды ученых должны быть фиджийцами [290]. Данный подход, по мнению

исследователей, создает непрерывность «культурной проницательности», достаточно эффективно сохраняет этническую компоненту в процессе исследований. Благодаря использованию коренного языка исследование может обсуждаться самой исследуемой общиной, таким образом, возникает возможность получения консультаций непосредственно от изучаемого социума [349].

«Таланоа» является еще одним теоретическим и методологическим региональным подходом в ЮТР. «Таланоа» на местном языке Тонга означает «место для беседы в неформальной обстановке для рассказывания историй и сопоставления опыта без жесткого диалогового каркаса», это культурно-детерминированный вид бесед, интервью, консультаций и фокус-групп, где интервьюером является местное население, тематика связана со взглядами, переживаниями и нуждами аборигенов [Vaiolleti, 2006]. «Таланоа» считается коллективной рамкой для населения всей островной части ЮТР, с одной стороны, имеющей возможность объединять интересы и специфику всех этносов данной территории, с другой стороны, способной создать площадку для обсуждения общих для местного населения проблем и выработки определенных стратегий. «Таланоа» помогает преодолеть эпистемологическую дистанцию между субъектом и объектом исследования, благодаря чему достигается точный, применимый и полезный результат [378]. В отношении исследовательской методологии «Таланоа» существует ряд критических позиций, в частности, критикуется отсутствие единой философской канвы, которое послужило поводом для обсуждения в академических кругах, а также толчком для дальнейшей модернизации и переосмысления теории, включая более эффективную выверку инструментов и оптик [400].

«Конечно, поле специализированных критических методологических концепций не ограничивается. Развитие данных подходов набирает обороты, получая все больший импульс от вклада в деколонизацию тихоокеанского знания от западного влияния. Сформулированные данными

подходами методы исследования направлены на вполне конкретную цель – отражение реалий жизни исследуемых социальных и культурных ландшафтов. Помимо разработки исследовательских фреймов, основанных на этнокультурных идентичностях и ценностях, производится переработка с частичным инкорпорированием и частичной критикой уже существующей массы тихоокеанского этнографического, исторического и антропологического знания. Помимо этого, происходит и расширение критического спектра методологий, к постколониальным оптикам добавляются оптики, например, феминизма, что приводит к еще более глубокой проработке подходов» [21]. В итоге проводится большая работа по объединению тихоокеанского критического знания, формируются новые направления в сторону объединения теорий (например, гипотеза о «движущихся культурах»). Большое внимание уделяется развитию процесса обмена знаниями в институционализации пан-тихоокеанского поля посредством ресурсов образования и электронного научного взаимодействия и образования [411].

Кроме вышеописанных методологических поисков, среди наиболее актуальных вопросов региональных исследований в Океании можно назвать следующие:

- устойчивость и эффективность городских структур в регионе;
- эффективность политики и устойчивость правовых институтов;
- социальное равенство и доступность социальных благ;
- экологическая безопасность и минимизация издержек экономической деятельности в рамках реализации концепций «устойчивого развития».

Исследования городов и пригородных районов, а также связанных с данными региональными образованиями аспектов являются одним из важнейших научных вопросов в области региональных исследований островной части ЮТР. *Устойчивость городских систем* как в контексте статичного функционирования, так и в динамике, в контексте

«устойчивого развития», является теоретическим и прикладным интересом для исследователей-урбанистов, например, планирование островных городов в условиях глобального изменения климата [21]. Такого рода исследования часто носят междисциплинарный характер и совмещают методологии анализа экономических показателей и векторов развития инфраструктуры, климатических и экологических факторов проведения социологических опросов и интервью для дальнейшей выработки эффективных способов неформального решения вопросов, касающихся городского устройства [398]. С точки зрения дестабилизирующего фактора рассматриваются *вопросы, связанные с социальной дифференциацией в городах*. С помощью пространственно-демографического анализа, путем выработки принципов государственного регулирования пространства и неформальных общественных инициатив, выявляются пути гармонизации городских систем [Connell, 2003]. Кроме того, исследуются *миграционные процессы*, изучаются городские общества с позиции движущей интегрированной мозаики, на основании которых осуществляется районирование городов, создающее новые формы урбанизирующих систем, их социального и инфраструктурного ландшафта [338].

Еще одной весомой составляющей направлений региональных исследований является *устойчивость правовых институтов и эффективность проведения политико-правовых преобразований в ЮТР*. Главным образом это исследования широкого политико-правового спектра, в том числе причин, связанных с определенными сложностями реализации принципов правового регулирования в ЮТР. Основными проблемами являются *функционирование представительных органов власти и поведение их членов; сбои в электоральных системах; проблемы судебного контроля и независимости судов; эффективность работы исполнительной власти; сложности в защите базовых прав человека, предоставлении базовых социальных гарантий (образование, медицинское обслуживание и др.); работа полицейских служб; уровень правовой грамотности*

сти населения [238]. Проблема внедрения универсальных принципов в правовую систему островных государств для более эффективной реализации регуляторной функции права является одним из самых важных направлений для исследователей населения [238]. Для ее решения поднимаются фундаментальные вопросы об уместности заимствования западных моделей (государства и права) в Океании, авторы регулярно прибегают к аналитическим оптикам критических постколониальных теорий [211]. Отдельно поднимается проблема применения полицейских сил и вопрос реализации системного контроля за правопорядком посредством соответствующих служб в государствах региона [296]. Зачастую добавляется феминистская оптика в контексте исследований полицейского контроля и борьбы с проявлениями насилия для более глубокого понимания гендерного насилия и выработки путей его преодоления [129].

Проблемы социального равенства, гармонизации жизнедеятельности и доступности социальных благ также являются актуальными темами в исследованиях островной части ЮТР. «Учитывая сложность региона, отдаленность его от крупных мировых рынков и обособленность отдельных его стран, их относительно небольшое население и нерешенность постколониальных проблем, исследователи активно разрабатывают теоретический бэкграунд для эффективной региональной системы доступа к социальным благам и нивелировки депривации социума от базовых основ обеспечения естественных универсальных человеческих нужд» [21]. Важное значение имеют *теоретические исследования, посвященные проблемам несбалансированности на макро- и микрорегиональном уровне* [171], а также *исследования прикладного характера, направленные на выработку путей преодоления данного дисбаланса* [282]. В рамках исследований доступности социальных благ и обеспечения прав человека также большое внимание уделяется *проблемам продовольственной безопасности*, такого рода исследования осуществляются на основании таких критериев, как юридическое право на

пищу и его соблюдение, контекст изменения климата, стабильность сельского хозяйства, эффективность рыболовства и морских промыслов, сохранение запасов пресной воды [184]. Исследования, касающиеся доступности социальных благ в ЮТР, посвящены анализу системы здравоохранения и здоровья населения, их можно разделить на несколько видов:

- исследования в области борьбы с физическими заболеваниями (рак или проказа [138]), использующие методы медикометрии, статистического анализа заболеваемости и анализа качества лечения [156];

- исследования в области психического здоровья, включая исследования, касающиеся географической доступности психотерапевтических услуг с пространственной оценкой психического здоровья населения [384];

- исследования по разработке психотерапевтических инструментов для предоставления помощи в области психического здоровья местному населению; данные исследования совмещают психологию и психиатрию с оптикой критических теорий [399] и эмпирические исследования по региональной оценке психического здоровья коренного населения [160];

- исследования в области пропаганды формирования здорового образа жизни в связи с региональными статистическими данными хронических заболеваний [342].

Направление, изучающее *экологические аспекты региона* в рамках концепций «устойчивого развития» изменения окружающей среды как результата антропогенной деятельности, является одним из самых важных направлений региональных исследований островной части ЮТР. Исследователями отмечается неполнота данных о наблюдении за состоянием биосферы и вытекающая из этого необходимость внедрения систем сбора такого рода данных с целью создания отдельного исследовательского подхода к изучению природного ландшафта региона [211]. С учетом специфики данного региона, особо выделяются *исследования, направленные на анализ так называемых экологических последствий экономической деятельности в океане.*

Проводится работа по разработке эффективных стратегий экологизации в водных пространствах [304] и экономических инструментов, регулирующих и детерминирующих экономическую деятельность в океане [288], исследуется проблема продовольственной безопасности [154] как фактора устойчивого развития в сопряжении с изучением процессов изменений климата. По причине малого количества процессов по реализации стратегий, связанных со снижением выбросов токсичных веществ в атмосферу в регионе, *проблема выбросов CO₂* также привлекает большое внимание исследователей эколого-экономического спектра [414]. Кроме того, важное место занимают *исследования по изучению процессов деградации и эрозии почв*, в которых выявляются антропогенные причины данных явлений, и предпринимается попытка выработки теории по осуществлению устойчивого управления эксплуатацией и восстановлением земельных ресурсов [408]. В контексте устойчивого развития исследуются *универсальные механизмы²⁰ экологически чистого развития государственных экономических систем* [132] в сфере минимизации экологического вреда.

4.3.3. АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЮТР

В единое исследовательское русло – **исследования АТР** – выделяется макрорегиональное направление, объединяющее проблемы Азии и Океании.

Наиболее важными в данном направлении являются *вопросы безопасности в регионе*, где особое место занимают *исследования международно-политического характера*. Для них характерно применение постколониальных теорий, обеспечивающих успешность коммуникации между участниками отношений, и создание универсальных кон-

²⁰ Millennium Development Goals (MDG) или Clean Development Mechanism (CDM).

текстуальных методов для регулирования конфликтов [125]. Исследователи, чьи работы посвящены *проблемам межгосударственной безопасности*, для построения научных теорий успешно внедряют и другие критические концепции безопасности, заявляя о специфичности региона, изучение которого предусматривает нетрадиционные подходы как для исследования, так и для выработки прикладных методов для осуществления международно-политической деятельности [277]. Особенности данного региона в контексте международно-политической безопасности определяют русло исследований в области внедрения универсальных ценностей и базовых основ международного права в правовое поле неоднородного региона [262].

Экологическая повестка в исследованиях АТР в основном отвечает актуальным для Азии и Океании направлениям, однако интерес для ученых представляет отношение применимости и оценки положительных эффектов механизмов экологически чистого развития. Принимая во внимание географию макрорегиона и то, что большая его часть расположена в тропической и экваториальной зонах с характерным для них обилием лесных ресурсов, выделяются исследования, касающиеся эффективности REDD+²¹, в которых отслеживается фактическая реализация соответствующих инициатив [268], и прогнозируются перспективы дальнейшего расширения [394].

Значительное количество макрорегиональных исследований АТР направлено на изучение *оценки доступности и эффективности медицинских сервисов в регионе*. В указанном направлении можно вычленить несколько обширных базовых тем. «Проводится медикометрический анализ региона в ранжировании по заболеваниям и соответствующим по борьбе с ними организациям и структурам, оценивается рост распространенности данных заболеваний в текущей и предстоящей перспективе, приводится

²¹ Reducing emissions from deforestation and forest degradation. URL: <https://redd.unfccc.int/>

оценка компетентности и логистической доступности соответствующих сервисов. Проводятся исследования по оценке систем здравоохранения стран региона как фактора региональной безопасности на соответствие их уровня по отношению к общерегиональной устойчивости к глобальным эпидемиологическим катаклизмам» [21].

Одним из важных направлений региональных исследований АТР также являются *проекты по изучению населения в регионе (с точки зрения количества, состава и распространенности)*. Демографические изменения в изучаемом регионе могут повлечь за собой широкомасштабные экономические, экологические и социальные колебания как на макро-, так и на микроуровне. Например, изменения в региональной архитектуре инвестиций, финансовых потоках, экономическом обмене, структуре потребления в зависимости от возрастного, этнокультурного и классового состава населения – все это в совокупности с усилением глобальных процессов создает новое поле для исследований [324]. Стоит упомянуть о том, что, помимо традиционных научных подходов (географии, социологии, экономики и др.), в популяционных исследованиях АТР также используются оптики постколониальных критических теорий, которые добавляют качественные элементы к точным количественным статистическим и пространственным измерениям [381].

4.3.4. Австралийские и новозеландские исследования

Последним крупным направлением региональных исследований в ЮТР выделяются *исследования внутренних регионов в крупных государствах* – Австралии и Новой Зеландии. Данные страны имеют особое географическое положение, оригинальный ландшафт и климатическое зонирование, а также необычный этнокультурный состав населения, включающий три основных составляющих – потомки белых преимущественно англо-саксонских

поселенцев, потомки и современные представители различных волн иммиграции, представители коренных народов. Также особое значение при региональном декомпозиционном анализе данных государств имеет тот факт, что оба они, являясь достаточно крупными игроками на международном поле, в плане внутреннего устройства соответствуют организационной дихотомии «метрополии – регион», что создает различия в векторах и формах развития пространственных структур между наиболее урбанизированными регионами – Окленд и Веллингтон в Новой Зеландии [383], Сидней, Мельбурн, Брисбен, Перт, Аделаида, Канберра и другие в Австралии [179] – и всеми остальными. Как уже говорилось выше, данная особенность внутреннего устройства формулирует диспропорции в равномерной организации всего пространства, что детерминирует формирование поля исследований, на повестке которых встают вопросы о процессах и факторах развития регионов внутри государств. Также актуальность данных исследований подкрепляет тот факт, что в условиях глобализации и распространения нелиберальных форм экономического взаимодействия тем не менее все больше осознается значение выработки форм устойчивого регионального развития как элементов глобальной экономической системы, и, учитывая роль и место Австралии и Новой Зеландии в данных процессах, изучение региональных проблематик данных стран является репрезентативными кейсами [295].

Основными вопросами *исследований регионального характера в Новой Зеландии* являются:

- исследования образования и квалификации населения в регионах;
- исследования региональных систем здравоохранения и связанных со здоровьем населения факторов;
- исследования факторов развития человеческого капитала в регионах;
- исследования социально-экономических аспектов регионального развития.

Также стоит отметить развитое поле *естественно-научных исследований Новозеландского региона*, включающее работы в области экологии, климатологии, геологии и других дисциплин.

Исследования сферы образования и степени квалификации населения в регионах Новой Зеландии представлены кругом проблем, актуальных для государства и общества изучаемой страны. Качество системы образования и вытекающая из этого компетентность граждан по самому широкому кругу вопросов являются важными фундаментальными факторами социально-экономического развития государственной системы в целом. Исследуется *степень подготовленности технологически образованных кадров* как важный показатель уровня данного образования в стране, демонстрирующий эффективность применимости данных знаний в развитии региональных отраслей экономики [236]. Проводятся исследования по такому важному в Новой Зеландии кластеру компетентности, как *образование в области изменения климата*. Новая Зеландия – островное государство с уникальной биотой, окруженное морскими пространствами, которые как стабилизируют климат, так и являются важным фактором климатической уязвимости экосистем островов и человеческой популяции. Исследователи отмечают низкую степень образованности в данном вопросе среди граждан и актуализируют необходимость развития климатологического образования как на уровне высшей школы, так и в повседневной человеческой сфере деятельности, особенно в прибрежных регионах [174]. Особое внимание в региональном срезе новозеландского образования уделяется *анализу среднего профессионального образования в регионах*. Важно, по мнению исследователей, формировать эффективную систему обучения рабочим специальностям на местах, тем самым воспитывать массу технических работников, знакомых с региональными особенностями [209]. В связи с нехваткой медицинских кадров в сельских районах Новой Зеландии отдельным вопросом для исследователей стоит

проблема подготовки медиков для работы в сельскохозяйственных регионах, анализируются программы по соответствующим специальностям, разрабатываются наиболее эффективные в данном контексте практики [274].

Исследования в области медицинского обеспечения регионов Новой Зеландии и связанных со здоровьем населения факторов обусловлены широким кругом вопросов, стоящих на повестке социальной политики, и детерминируются ими. Остро стоит *вопрос о здоровье коренного населения*. После европейской колонизации выживанию аборигенного населения угрожал целый ряд медицинских факторов, таких как, например, инфекционные заболевания, привезенные извне, к которым у местных не было иммунитета [21]. В современных реалиях к медицинским проблемам аборигенов присовокупились хронические заболевания, например, рак, разного рода психические расстройства, заболевания, связанные с химическими зависимостями, ожирение и т. д. Все это вызывает беспокойство, и исследователи проводят активное изучение данных проблем в различных регионах Новой Зеландии с целью выработки эффективных стратегий, призванных скорректировать ситуацию [173]. Проводятся *скрининговые исследования по распространенности хронических заболеваний*, например, активно внедряются программы выявления онкологии как с целью минимизировать вред населению, так и в целях реализации программ равного доступа к медицинским сервисам, в том числе для коренного населения [303]. Реализуются *компаративные исследования региональных систем здравоохранения* с целью ранжирования уровней их эффективности и выработки взаимодополняющих стратегий, призванных выровнять всю систему здравоохранения [270]. Особое внимание исследователей привлекает *региональная вариативность распространенности ментальных заболеваний и доступ к соответствующим медицинским сервисам*. Данная вариативность рассматривается как в межрегиональном срезе, так и в сравнении с мировыми показателями и универсальными индексами [300].

Факторы развития человеческого капитала в регионах Новой Зеландии – еще один важный комплекс проблем, исследуемый авторами в ЮТР. Проводятся *обобщающие исследования по измерению запасов человеческого капитала в раскладке по регионам* с применением методов статистики и пространственного анализа [404]. Исследуется *институт социальной работы с населением* как базовый инструмент, детерминирующий и контролирующий векторы модуляций повседневной и профессиональной жизни социума. Ставятся *вопросы о релевантности социологических и психологических знаний*, применяемых в социальной работе [370], о реорганизации системы консультирования по вопросам профессиональной ориентации как важного элемента системы развития человеческого капитала. Исследуются *аспекты асимметрии доверия в региональных общинах*, ставятся вопросы о важности развития институтов гостеприимства и взаимопонимания внутри сообществ [149]. В рамках изучения регионального человеческого капитала проводятся *социолингвистические исследования* в области регионализации диалектов английского языка и процессов конвергенции его с языками маори [220]. Исследователями отмечается важность в условиях Новой Зеландии благоприятного социокультурного климата в регионах для эффективной реализации стратегий регионального развития [161].

В части *регионального развития* исследуются различные факторы социально-экономического характера, непосредственно связанные с процессами формирования устойчивых региональных систем. Особое внимание в исследовательской среде уделяется *анализу финансовых инструментов, регулирующих процессы развития регионов* как в области инвестиционной политики в отношении региональной инфраструктуры [170], так и в области налогообложения и распределения вырученных средств [266]. Важным вопросом для ученых является *инновационная политика*, реализуются исследования по внедрению современных инновационных стратегий, в том числе в рамках под-

ходов «обучающихся регионов» и «6-1» [392]. Также проводятся *исследования в области экономического выравнивания регионов* путем анализа распределения по ним наиболее быстрорастущих и перспективных предприятий, которое, с одной стороны, усугубляет региональное неравенство, с другой стороны, демонстрирует перспективы развития отдельных частей государства [202]. Интересной пометкой в исследованиях Новой Зеландии выделяется кластер работ, изучающих *процессы регионального развития в корреляции с природными факторами*, например, исследование отношения фермерского населения к проблемам изменения климата [390] или выработка стратегий восстановления регионов после природных катаклизмов [162].

Учитывая весь комплекс природных особенностей Новой Зеландии и окружающего ее региона, стоит кратко описать направление *региональных исследований естественно-научного характера*. Широкое поле *климатологических исследований*, помимо изучения общих климатических закономерностей, вырабатывает собственные подходы, учитывающие специфику климатообразования в регионе. Фокус исследователей направлен, например, на формирование «климатических бомб» в прилегающих географических пространствах, являющихся причиной частых циклонов с сопутствующими ураганами, наводнениями и ливнями, имеющими катастрофические последствия для инфраструктуры государства [148]. Исследуются *особенности региона, связанные с высокой степенью сейсмической активности*, в особенности землетрясениями [409], выстраиваются матрицы гравитационных и сейсмических аномалий [276]. Также разрабатываются уникальные подходы к *изучению морских пространств региона*, выстраиваются специальные типологии в соответствии с их гидрологическими, климатическими и биотическими особенностями [364].

Австралийская модель территориально-государственного устройства, как уже сказано выше, во многом соответствует схеме «метрополии – регион». Формирование контуров региональной политики, как правило, происходит в метро-

полях, что создает определенный идеологический буфер между центрами принятия решений и регионами, в отношении которых данные решения применяются. Тем не менее в австралийском политическом и правовом дискурсе ведется активное обсуждение механизмов выработки наиболее эффективных политико-правовых сценариев в отношении региональных процессов, предлагаются пути реконцептуализации фрагментированной, сложной, исторически сложившейся системы принятия решений от дробления полномочий и ответственности на разных уровнях федерального правительства в сторону становления системы регионального развития сетевого типа [169]. Также и в научном дискурсе, и при формулировке принципов региональной политики отмечается, что важно учитывать сложную систему региональных идентичностей и специализаций, имеющих глубокие исторические корни и напрямую отражающихся в формах устройства региональной повседневности [175]. Данные факторы детерминируют направления внутренних австралийских региональных исследований, стремящихся к комплексному изучению региональных процессов с целью выработки наиболее релевантных путей внутренней политики в отношении регионов.

Основными направлениями *региональных исследований Австралии* являются:

- региональное развитие;
- бизнес как фактор регионального развития;
- проблемы систем здравоохранения в регионах и факторы здоровья населения;
- сельскохозяйственная региональная проблематика.

Вопросы регионального развития в первую очередь обусловлены неравномерностью развитости регионов в составе более крупной интегрированной структуры государственной экономики. Функциональные и институциональные влияния макросистемы на регионы и регионов на нее составляют сложный комплекс взаимозависимых процессов и факторов, деконструируя который, исследователи разрабатывают практические модели и теоретические подходы,

направленные на выявление эффективных сценариев регионального развития [21]. В первую очередь стоит сказать о разработке теоретических подходов к проблеме. Фокус ученых-регионоведов заметно сдвигается в соответствии с процессами глобализации, поднимаются *вопросы о роли, месте и значении регионов и малых провинциальных городов в глобализирующейся мировой системе*, перестраиваются аналитические оптики, требующие теперь приближения не только с федерального или локального, но и с глобального уровня [302]. В построении теоретических конструкций указывается на необходимость обновления рамок неolibеральной и социально-капиталистической парадигм с целью соответствия фундаментальных оснований при выработке решений, необходимых для повышения региональной адаптивности в постглобальную эпоху [134]. Критически оценивается *роль федерального правительства в процессах регионального развития*, деконструируются федеральные «интервенции» – попытки реализации различных политически мотивированных инициатив центра по отношению к регионам [242]. Помимо экономических и политических факторов регионального развития, исследователями отмечается важность в данном процессе иных составляющих, например, роль телекоммуникаций [112] или коллективной психологии [366]. Активно обсуждается *роль провинциальных университетов в региональном развитии*. Университетская среда рассматривается не только как база для подготовки будущих специалистов и фундаментальная основа для разработки инноваций, но и в качестве своеобразного продукта австралийского экспорта, являющегося одним из самых ликвидных источников регионального финансирования [191].

Исследования бизнеса, являющегося безусловным фактором гармоничного развития регионов, австралийские авторы выделяют в отдельную проблематику. Особенно важным для поддержания жизнеспособности регионов исследователи считают малый бизнес как наиболее устойчивый, он формирует экономическую активность как на самых малых уровнях, так и на уровне всего региона, являясь свое-

образными кирпичиками более крупной конструкции. Ведутся *исследования природы и значения малого бизнеса для региональной экономики*, часто реализуемые в компаративном ключе в сравнении с малым бизнесом в метрополиях [215]. Исследуется *природа связей между предприятиями малого бизнеса* как особое средство для анализа экономического потенциала региона с целью выработки стратегий повышения эффективности экономики в целом [180]. Рассматриваются *меры по поддержке малого бизнеса в регионах* на предмет эффективности данных действий в рамках федеральных и региональных программ [114]. Также важным направлением исследований региональных бизнес-процессов является *анализ взаимосвязей среды малого бизнеса с предприятиями среднего и крупного*, изучение отраслевого взаимовлияния [178].

Исследования региональных систем здравоохранения и связанных со здоровьем населения факторов являются еще одним важным направлением изучения регионов Австралии. Одним из приоритетных в данном направлении вопросов является *доступность сервисов медицинского обслуживания*. Проводятся, например, *исследования реакции населения на долгосрочное ожидание в приемных региональных поликлиник*, фрустрацию граждан в данных ситуациях и рост числа осложнений в соответствии с этим [101]. Также проводятся качественные *исследования оказания медицинской помощи*, например, исследования пропорций повторных госпитализаций, отражающие как демографические факторы, связанные со здоровьем пациентов, так и эффективность медицинской системы в регионах [278]. Особое внимание в области исследований медицинской направленности уделяется *факторам ментального здоровья населения*. Оценивается эффективность национальных стратегий ментального оздоровления, в том числе доступность в их рамках соответствующих сервисов в регионах [384]. Отдельной проблематикой является *ментальное здоровье аборигенного населения в регионах*, сильно актуализируемой изменениями среды, например, изменением климата [160].

Проблематика исследований сельскохозяйственных регионов Австралии в основном сфокусирована вокруг вопросов благосостояния сельского населения. Проводятся исследования индексов покупательской способности как маркеров уровня материального положения сельских жителей [131]. Анализируются аспекты и последствия политики управления водными ресурсами в регионах сельскохозяйственной специализации, в том числе как фактора депопуляции в сельских местностях [339]. Проводятся исследования феномена сельской преступности как причины и следствия благоприятности социальной среды в регионах [345].

4.4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЮЖНОТИХООКЕАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Региональные исследования в ЮТР являются сложным по структуре и наполнению исследовательским направлением, которое характеризуется многослойностью как со стороны научных дисциплин, так со стороны выделения комплексных типологий регионов, согласно которым это направление также дифференцируется. «В процессе типологизации преобладает интегральный принцип, вмещающий при построении конструкторов исследуемых объектов-регионов географические, культурные и социально-экономические факторы, пропорции которых в исследованиях варьируются в зависимости от предмета, однако степень интегрированности их друг с другом не дает распастись цельным конструкторам, позволяющим формировать регионально-детерминированные типологии направлений научных проектов вне зависимости от проблематики и дисциплинарности исследований. Детерминанты направлений обусловлены как географическим расположением ЮТР, так и историко-цивилизационными особенностями региона и отдельных его частей» [21].

В последнее время наблюдается сближение азиатского и островного направлений в региональных исследованиях

в ЮТР, при этом имеется тенденция перехода от дискретного подхода «исследований Тихого океана и Азии» к «азиатско-тихоокеанским исследованиям». Ориентированность на Азию детерминируется двумя факторами, одним из них является нарастание процессов глобализации, формирующих поле исследований, другим – новые векторы силы в глобальном поле и рост с этой точки зрения влияния Азии, в частности Китая, на развитие западной и южной части Тихоокеанского региона и в целом на глобальные процессы.

По причине географической близости Восточной и Юго-Восточной Азии, а также с учетом уникального геополитического и геоэкономического пространства ЮТР региональные исследования фокусируются на проблематике входящих в него больших и малых регионов, на изучении макропроцессов. В них рассматриваются проблемы не только локального характера, но и проблемы ближайших соседей, которые являются равноправными элементами более крупной структуры и в целом влияют на работоспособность АТР. «Взаимосвязь исследований крупных и малых региональных образований, от макро до микроуровня, лежит в плоскости общенаучного концепта герменевтического круга. Анализируя проблематику АТР в целом, исследователи выкристаллизовывают проблемы и задачи для их решения в малых его частях, также как исследуя малые фрагменты крупной региональной системы, они получают четкое видение процессов в более крупных измерениях. К географически-опосредованным факторам, обуславливающим фокус региональных исследований в ЮТР также можно отнести особенности демографического и экономического характера» [21]. В демографическом плане важным является то, что азиатская часть АТР представляет собой место сосредоточения огромной популяции людей. Благодаря развитию логистики повышается мобильность населения, в связи с чем происходит интенсификация диаспоральных и миграционных процессов, способствующих слиянию азиатских и океанских социумов в макрорегиональную общность. В экономической сфере также наблюдается

тенденция к конвергенции экономических систем, вызывающая рост экономической активности, что провоцирует сильный интерес исследователей как возможность деконструирования данных процессов с целью определения дальнейшего течения регионализации.

Важными факторами для региональных исследований в ЮТР являются цивилизационные и исторические особенности региона, в связи с чем появляется все большее количество исследований, посвященных экологическим, климатическим, международно-политическим аспектам, а также вопросам безопасности и устойчивости. По причине климатических, физико-географических особенностей, а также активной антропогенной деятельности остро встает проблема уязвимости биосферы, в отношении которой проводятся исследования междисциплинарного характера, комбинирующие анализ человеческой деятельности и факторов изменения природных условий. Такого рода научные работы проводятся в рамках концепций «устойчивого развития» и нацелены на выработку стратегий по сохранению природных ресурсов при условии гармонизации социально-экономической жизни. Реализация вектора безопасности региона является еще одним важным аспектом гармонизации международно-политического контекста. «АТР содержит в себе целый ряд территориальных противоречий, имеющих как исторические корни, так и выражающих современные политические амбиции стран-акторов [21]. Исследователи-регионологи, используя комплексный подход анализа исторических факторов данных конфликтов и современных политических и экономических интересов региональных игроков, во многом содействуют выработке путей достижения региональной стабильности, что безусловно повышает уровень безопасности и, соответственно, эффективности системы на макро- и микроуровнях [21]. Влияние критических теорий является исторически обусловленной особенностью региональных исследований, которая отражается на всем академическом поле. В первую очередь это проявляется в большом количестве исследований, носящих

эмансипаторный характер (аборигенные исследования, исследования вопросов регионального гендерного неравенства, исследования с применением критических методологий безопасности), во вторую очередь проявляется во всплеске в академической среде конструирования локальных методологий, основанных на этнокультурных особенностях населения. В данном дискурсе одновременно осуществляются два направления, одно из них фокусируется на выработку специальных, местных подходов в изучении проблем конкретных социумов (прим. «Каупапа Маори» в Новой Зеландии, «Какала» в Тонга или «Вануа» в Фиджи), второе стремится к объединению данных подходов с тем, чтобы выработать универсальную пан-океанскую методологию.

Региональные исследования в ЮТР составляют крупную часть азиатско-тихоокеанских исследований и имеют значительные перспективы для развития. В типологизациях исследуемых объектов используются оптики постколониальных подходов, и в контексте глобальных и региональных геополитических, культурных и экономических изменений типология регионов является одной из важных задач для будущих регионологических исследований. Выявление и закрепление будущей рамки регионализации – это одна из перспектив создания институциональных связей в области региональных исследований. В различных научных организациях имеются разной степени развитости научные школы. Зачастую совместная работа в рамках коллективных исследований узкоспециализированных дисциплинарно и по географической ориентации школ дает более эффективные и объективные результаты, а также повышает степень интегрированности всего научного поля. Использование цифровых технологий по примеру Японии, которая применяет региональную информатику в региональных исследованиях, является своего рода вызовом и перспективным направлением в развитии регионального научного поля [35].

Применение инновационных инструментов в исследованиях ЮТР будет являться фактором, повышающим скорость и качество академической коммуникации в регионе. Артикуляция же многопрофильной научной парадигмы, инкорпорирующей в себя как локальные подходы, так и заимствования из современного западного знания, позволят обеспечить высокий уровень когезии и когерентности местной регионологии, соответствующей современному глобальному и региональному контексту.

ГЛАВА 5

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

*К. А. Иванов
Е. В. Кремнёв*

Южная и Юго-Восточная Азия представляют собой, с одной стороны, чрезвычайно гетерогенный регион с точки зрения этнического, культурного и религиозно-конфессионального разнообразия. С другой стороны, существующие в регионе общие цивилизационные черты, детерминированные общностью векторов исторического развития, выступают своеобразными регионообразующими факторами, позволяющими судить о его естественной гомогенности. Наконец, наличие в регионе интеграционных политических и экономических межгосударственных образований (АСЕАН, СААРК и др.), а также повышающаяся роль региона в международном разделении труда высвечивают и явные признаки функциональности.

Яркой чертой региона является также наличие большого количества проблем, касающихся различных аспектов безопасности, например: перенаселение [88], вопросы экологии [102, р. 242–244], проблемы доступности социальных и медицинских сервисов [142], межэтнические и межконфессиональные конфликты [187, р. 1–7], продовольственная безопасность [273], проблема терроризма [316], пиратства [206], наркопроизводства [243] и др.

Данная матрица региона во многом формулирует основные направления школ региональных исследований и их проблематику. Важным уточнением также является тот факт, что фокус исследователей обычно определяется местонахождением университета, с которым ученый аффилирован. Например, исследователи из Индии и Бангладеш,

как правило, занимаются проблематикой Южной Азии, в то время как малазийские и вьетнамские – проблематикой Юго-Восточной Азии, Индонезии и Филиппин, проблематикой регионального пространства АСЕАН и т. д. Безусловно, это не исключает возможности участия каждого в комплексных проектах, однако такая тенденция наблюдается.

5.1. ЮЖНОАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования Южной Азии сосредоточены в основном в университетах Индии, Бангладеш и Непала. В частности, развитие академического поля наиболее связано с такими подразделениями, как факультет географии Департамента социальных наук Делийского университета, Центр южноазиатских исследований Университета Пенджаба, Ассоциация учреждений по развитию управления в Южной Азии Хайдарабадского университета, Центр межнациональной коммуникации в Южной Азии Университета Махатмы Ганди, Центр изучения регионального развития Университета Джавахарлала Неру. Отдельно стоит отметить деятельность не аффилированных с университетами, но всегда при должной развитости важных звеньев в цепи институций, занимающихся региональными исследованиями, – местных секций RSI. Особенно в этом смысле известна индийская. Наиболее интересна и авторитетна она как минимум тем, что является старейшей в субрегионе. Создание секции связано с именем известного индийского профессора архитектуры и регионального планирования Читтаранджана Патхака, прошедшего в 1967 г. учредительную региональную конференцию в стенах Индийского технологического института в г. Харагпур в Западной Бенгалии. Конференция была посвящена, в соответствии с канонами региональной науки У. Айзарда, определению основных актуальных направлений для региона в области экономического регионального развития, масштабных социальных изменений в наступившую эру постколониализ-

ма²². Стоит отметить и тот исторический факт, что сам профессор Айзард присутствовал на учредительной конференции. С тех пор секция не сильно выросла численно, она насчитывает в настоящее время 350–400 активных членов. Важным институционализирующим научное поле фактором также является издание с 1968–1969 гг. и по сей день «Индийского журнала региональной науки» (Indian Journal of Regional Science). К настоящему времени секция Ассоциации успешно организовала 50 ежегодных конференций в различных университетах и институтах по всей Индии, некоторые из них в Мумбаи, Бароде, Калькутте, Трипуре, Дарваде.

Основными направлениями в поле южноазиатских исследований являются:

- региональные исследования естественно-научного характера;
- исследования, посвященные социальным аспектам региона;
- исследования социокультурного ландшафта;
- исследования в области экономических процессов и явлений региона;
- исследования региональных международных отношений;
- исследования, посвященные региональным межэтническим конфликтам и проблемам терроризма.

В русле *работ естественно-научного плана* выделяется ряд характерных для Южной Азии проблем, на основе которых строится основная проблематика.

В первую очередь это *проблема глобального потепления*, ее последствий для региона как для природных его характеристик, так и для антропогенной среды. Особое внимание изменениям природного ландшафта обусловлено и тем, что Южная Азия является регионом с самыми разнообразными экосистемами, топографиями и сосредото-

²² Regional science association, India. Our History: <https://rsai.org.in/pages/our-history>.

чением различных климатических зон, что ставит вопросы о комплексной адаптации биоценоза региона к процессам изменения климата [103, р. 125]. Как правило, авторы данных работ обращают особое внимание на необходимость интеграции заинтересованных в минимизации негативных эффектов акторов региона, включая местные власти, бизнес и различного рода финансовые структуры, на их синергичное взаимодействие, что при условии соблюдения демократичности процесса принятия решений значительно уменьшит риски. В данных исследованиях активно используются различные методологии, связанные с цифровым моделированием природных процессов, что с достаточно высокой степенью точности позволяет прогнозировать те или иные явления, в том числе аномальные [350]. Что касается той части работ, что посвящены эффектам изменений климата относительно антропогенной среды, то в целом можно разделить их на две основных группы. Первая посвящена анализу влияния климатических изменений на процессы урбанизации в регионе, например, на опасность городских наводнений в силу увеличения количества осадков или активного таяния ледников, повышающего речной сток [369, р. 8–9]. Вторая группа исследований сосредоточена на проблемах адаптации сельской местности, в том числе различных флуктуациях в традиционных сельскохозяйственных практиках [227]. При этом одним из условий успешного приспособления агрокультурного сектора к новым климатическим реалиям видится разработка релевантных траекторий инноваций в области ведения сельского хозяйства [332].

Другим крупным блоком региональных исследований Южной Азии из сферы естественно-научного знания являются работы по *проблематике гидроэкологии*. Учитывая огромный демографический бум региона, необходимость в качественных гидроресурсах возрастает, что вкупе с экологическими проблемами создает необходимость эффективных решений в данном направлении. В частности, многие исследования, посвященные данной проблеме, проводятся

через призму целей устойчивого развития и сосредоточены на санитарии и сохранении запасов чистой воды [210, р. 95–105]. Отдельное внимание в научной среде уделяется проблемам менеджмента грунтовых вод как равноценно важному источнику водных ресурсов [357, р. 1–2].

Представляется возможным также выделить в качестве отдельного направления круг тех работ, которые посвящены *анализу природных катастроф в регионе*. Отдельно в данном кластере выделяются исследования прогностического характера, в особенности сфокусированные на процессах тектонических сдвигов в горных районах северного Индостана и в бассейне Индийского океана как потенциального источника землетрясений и цунами [115]. В качестве другого крупного ответвления выделяются работы, посвященные взаимосвязи природных катастроф и экономической сферы [233].

Исследования социума Южноазиатского региона строятся вокруг основных проблем, касающихся социального благополучия местных обществ. В частности, местные специалисты по региональному общественному развитию выделяют такие основные индикаторы гармонизации, как уровень ВВП, факторы здоровья населения (в том числе в корреляции с доступностью медицинских сервисов), уровень образования, индексы развития человеческого потенциала, уровень бедности, уровень занятости и безработицы, субъективные показатели личного счастья и комфорта [355, р. 19]. Однако для реализации стратегий, выравнивающих данные показатели, необходимо разрешение целого ряда фундаментальных вопросов, наличие которых детерминирует формулирование проблематики социологических исследований.

В первую очередь это *факторы гендерной дискриминации* южно-азиатских обществ, разрешение этих проблем исследователи видят в корректировке образовательных и воспитательных паттернов, выступающих фактором социального и культурного воспроизводства, формирующим основание для будущих консолидаций или разъединений по

половому признаку [352]. Также в контексте исследований гендерных дискриминаций велико количество работ, посвященных вопросам ограничений доступа к медицинским услугам по половому признаку, искоренение этих ограничений, безусловно, необходимо для построения качественно новой общественной парадигмы как сегодня, так и в перспективе [168].

Другой важной частью изучения эмансипаторных процессов в регионе являются работы по *исследованию факторов социального отчуждения*. Не в последнюю очередь это связано с культурно-цивилизационными особенностями региональных обществ, в том числе с наличием варно-кастовой системы, обуславливающей формы социальной стратификации, а также с наличием пестрого мозаичного этноциноза. Особенно остро стоит проблема далитов, количество которых в регионе по разным оценкам варьируется в пределах 15–25 %²³. Условно исследования в данной области можно поделить на два кластера: теоретические – деконструирующие культурный и социально-экономический базис данного явления [255] и прикладные – предлагающие различные пути и векторы по выработке релевантных стратегий инклюзии данных социальных страт в общественное пространство [250].

Третьим крупным направлением в социальных исследованиях региона следует считать *исследования в области здоровья населения*. В данном направлении можно выделить две основные группы. Первая касается общего доступа к медицинским услугам в странах региона, в данной группе особенно часто применяются медикометрические методологии и методы кейсов [329]. Также велико количество региональных исследований герантологического плана, изучающих демографический и медицинский срез пожилого населения, в том числе в разбивке по странам [141].

²³ Caste-based discrimination in South Asia. Situational overview, responses and ways forward // European Commission to the International Dalit Solidarity Network. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/droi/dv/201/201102/20110228_510eustudy_en.pdf

Исследования социокультурной среды региона детерминируются широким спектром присутствующих этнических групп, а также особенностями общественного культурного кода, включающего среди прочего уже упомянутый выше компонент социальной стратификации, основанной на традициях варно-кастового строя. По сути, если смотреть на южноазиатский социум с макроуровня, то можно выделить две основные плоскости жесткой социальной дифференциации, связанные с культурной средой: *кастовая система и трайбализм*. Обе активно изучаются социальными антропологами и культурологами региона. Интересной чертой данных исследований является тот факт, что если касательно каст исследователи делают упор на аннигиляции явления [359], то в случае с трайбализмом речь идет в большей степени о переосмыслении [244].

Особым направлением в культурных исследованиях Южной Азии являются работы по *изучению исламского фактора* в странах региона. На передний план ученые выдвигают проблемы трансформации религиозной сферы жизни в соответствии с нарастающими процессами глобализации, широко распространена проблематика исламских реформаторских движений [286].

Широко поле *исследований культурных практик этносов* региона. Особое внимание в научных кругах уделяется аспектам взаимовлияния традиционного природопользования и экологической обстановки вне урбанизированной местности [354]. Отдельным вопросом в данном контексте стоит ментальное здоровье населения, в нем наблюдаются существенные сдвиги под влиянием процессов изменения климата, глобализации и индустриализации [239]. Что касается изучения процессов адаптации традиционалистского населения к городскому пространству, то речь в региональном научном дискурсе идет в основном о культурной устойчивости и культурной изменчивости в условиях урбанизации [358].

Исследования в области экономических процессов Южной Азии строятся в основном вокруг проблем мак-

роэкономии. С одной стороны, обладая гигантскими людскими ресурсами, но оставаясь пока областью мировой экономики с очень низким уровнем стоимости рабочей силы, регион, безусловно, видится перспективным с точки зрения перемещения в него производств крупных транснациональных и иностранных компаний. С другой стороны, мировой капитал заинтересован в регионе не только как в источнике рабочих ресурсов, но и как в потенциально мощном рынке сбыта. Данные обстоятельства порождают мощный приток прямых иностранных инвестиций, что, во-первых, усиливает процессы экономической интеграции региона в глобальную экономику [347, р. 121], во-вторых, при грамотном использовании данных инвестиционных потоков создает положительный эффект в области повышения уровня жизни и создания благоприятного коммерческого климата в странах Южной Азии [297].

Другим важным фактором экономического роста региона местными экономистами видится энергетическая безопасность. Первая группа исследований в данном ключе рассматривает корреляции между потреблением энергоресурсов и экономическим ростом как микрорегионов (например, штатов Индии), так и отдельных стран [319]. Другая группа рассматривает процессы трансформации и развития системы электроэнергетики, в том числе необходимым условием для развития устойчивой региональной экономики отмечается либерализация сферы в соответствии с процессами либерализации местных рынков [99]. Также в данном аспекте отмечается важность процесса либерализации международной экономической жизни в регионе, применяются различные подходы к оценке международной энергетической кооперации [221, р. 31–41]. В сопоставлении с прочими процессами интеграции, в том числе в области торговли и финансовых отношений, исследователи отмечают высокий потенциал развития общего регионального рынка [254].

В области международных отношений в Южной Азии ставятся вопросы как политических связей внутри

регионального пространства, так и исследуется политика внешних игроков по отношению к странам региона. Что интересно, если в 1980–90-е гг. основная масса исследований внешних акторов была посвящена анализу деятельности США [380], то сегодня в силу изменения геополитической обстановки их место заняла КНР [331]. Также в силу присутствия здесь одного из предполагаемых полюсов будущего многополярного мира, крупнейшего игрока, вокруг которого строится вся региональная система, – Индии, большое количество работ посвящено внешней политике страны как на глобальном, так и на местном уровне [143].

Исследования в области безопасности социальной сферы посвящены в том числе проявлениям мотивированного насилия в регионе. В первую очередь данная проблематика включает в себя изучение проблем терроризма и межэтнических и межконфессиональных столкновений как двух наиболее болезненных для Южной Азии в данном аспекте точек общественной жизни.

Исследователи отмечают широкий региональный спектр *террористической активности*, включающий религиозный террор, политически мотивированный террор (в частности, левый), этнический и наркотеррор [256, р. 1–5]. Несмотря на серьезный потенциал региона, включающий богатство природными ресурсами, большое количество активной рабочей силы, благоприятные условия для ведения сельского хозяйства и длинную приморскую полосу, здесь отмечаются и сдерживающие интеграцию и развитие факторы, в частности, нищета, безработица, коррупция и маргинализация отдельных меньшинств. Данные обстоятельства выступают детонатором, инспирирующим разные формы террористической активности, которая, в свою очередь, мешает регионализации и серьезно влияет на пространство безопасности. С другой стороны, ученые отмечают, что борьба с террором может выступать и скрепляющим межгосударственную активность аспектом [379]. Отметим, что в исследовательской среде устойчива точка зрения об определенном рода корреляции. Несмотря на то что ос-

новой массой пострадавших от террористической активности являются сами участники террористических формирований, тем не менее статистически террористические атаки коррелируют с индексом развития человеческого потенциала в регионе и значительно сдерживают его рост, что порождает негативные последствия в экономике. Данный фактор, в свою очередь, вызывает дополнительную необходимость кооперирования стран региона в борьбе с явлением [163, p. 179–189].

Межэтнические и межконфессиональные столкновения в регионе также являются серьезной проблемой в области безопасности, сдерживающей как процессы социальной модернизации обществ субконтинента, так и региональную интеграцию. В качестве наиболее значимых в исследовательской среде выделяются следующие узлы противоречий: проблема Чакма в Бангладеш, мусульманская и сикхская проблемы в Индии, индуистская и мухаджирская проблема в Пакистане, тамильская проблема в Шри-Ланке, а также конфликт Индии и Пакистана вокруг Кашмира [283]. Для оценки природы данных явлений широко используется конструктивистский подход. Утверждается, что местные этнические конфликты – это в первую очередь конфликты идентичностей, в которых ключевую роль играет процесс конструирования «угроз», «врагов» и «друзей», причем данные конструкты часто зависят от материального положения конструирующего, от политики государства по отношению к его этической общности [145].

Велико также количество исследований, посвященных *оценке индийского федерализма* как одного из инструментов управления межэтнической напряженностью. Выделение административно-территориальных единиц по принципу этнической и лингвистической сепарации являются, по мнению ученых, естественным императивом региональной политики государства, стремящейся развить политический плюрализм в многонациональном государстве, а также выровнять баланс в процессе принятия решений по внутренним вопросам, особенно касающимся аспектов жизни национальных меньшинств [118]. Отмечается, что

индийский вариант федерализации на сегодняшний день имеет ряд существенных недостатков в своей функциональности. Данные недостатки, в частности, связаны с асимметрией развития, которая явно наблюдается на примере северо-восточных штатов [207], а также с незавершенностью самого процесса. Подтверждением этого является факт появления в текущий исторический период новых этноцентричных образований в рамках индийской федерации, например, выделение в отдельный штат Телингана в 2014 г. [208].

В целом исследователи данных проблем сходятся во мнении, что от безопасности каждого отдельного человека зависит безопасность общества, что влияет на устойчивость института государства и, соответственно, на развитие всего региона. Делается вывод, что меры по гармонизации общественной жизни столь сложных по своему составу социумов являются необходимым условием региональной интеграции и институционализации Южной Азии в качестве важнейшего элемента мировой глобальной архитектуры [230].

5.2. ИССЛЕДОВАНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Другим важнейшим исследовательским полем, доминирующим в области региональных исследований в Южной и Юго-Восточной Азии, являются исследования Юго-Восточной Азии²⁴. Наиболее авторитетными в данном направлении являются такие академические подразделения, как Междисциплинарный институт развития Юго-Восточной Азии в Антиполо на Филиппинах, Департамент исследований Юго-Восточной Азии Национального университета Сингапура, факультет географии и развития Университета Брунея, Институт современных южно-азиатских исследований в Бангкоке. Помимо аффилированных с университетами, стоит отметить также местные секции RSAI, в частности, малайзийскую (Malaysian Region-

²⁴ Southeast Asia studies.

al Science Association) и индонезийскую (Indonesian Regional Science Association). Особенно здесь интересна вторая. Образованная еще в середине восьмидесятых²⁵, с 1998 г. индонезийская секция проводит собственную ежегодную конференцию, выступая своеобразным механизмом консолидации ученых, специализирующихся на исследованиях аспектов регионального развития и функционирования.

Данная отрасль знаний в сегодняшних условиях переживает серьезные изменения, касающиеся предмета и объекта, дисциплинарных границ, методологических подходов, парадигмальной ориентации и т. д. Во-первых, это связано с тем, что заложенные в период холодной войны концептуальные основы дисциплины были сконструированы в первую очередь западными учеными, и данное влияние западного взгляда на явления в регионе по сей день остается очень заметным в академическом дискурсе [214]. Однако в последние десятилетия в условиях существенных глобальных сдвигов в экономике, политике и социальном развитии в научном сообществе стран Юго-Восточной Азии, среди исследователей, занимающихся региональной проблематикой, проявляется своего рода аутоэтнографическая рефлексия, что вкупе с некоторым падением интереса в западном сегменте науки к азиатским исследованиям порождает в местной среде эпистемологическую задачу реконфигурировать данную область знания, преодолев постколониальные пережитки [241]. Во-вторых, глобальные изменения формулируют собственные требования к качественно новой оценке региона, который больше не может мыслиться абстрагировано от мирового контекста, все глубже включаясь в глобальную систему международных отношений [97]. Данные обстоятельства служат серьезным стимулом для формирования методологий и подходов, учитывающих местную специфику, контекстуализирующих региональные исследования, артикулирующих собственную альтернативную логику в оценке локальных процессов и явлений [223, р. 41–42].

²⁵ About IRSA: <https://irsa.or.id/about-irsa/>

Направления исследований в рамках данного дисциплинарного поля разнообразны и соотносятся как с актуальными для региона проблемами, так и с его определенными особенностями. Выделяются следующие кластеры научного знания:

- 1) исследования естественно-научного плана;
- 2) исследования в области международных (в том числе экономических) отношений региона²⁶;
- 3) социальные исследования, особенно в области благополучия населения (включая соблюдение прав человека, доступность социальных и медицинских сервисов, эмансипаторные исследования и т. д.);
- 4) исследования культурного и конфессионального ландшафта.

В **естественно-научном направлении** большое количество работ посвящено *биомониторингу региональных морских пространств*. Примечательно, что данные исследования носят комплексный характер. Учитывая то, что антропогенные факторы являются определяющими в изменении морфологии морского биоценоза и его биохимического состава, помимо гидроэкологических методов, также параллельно применяются бихевиористские подходы к оценке деятельности населения, что формулирует междисциплинарность данных исследований, строящихся на стыке естественных и гуманитарных наук [119]. С другой стороны, в научном поле присутствует большое количество работ, которые изучают влияние природных факторов на общество, например, на процессы миграции населения, вызванные структурными изменениями в климате [189], или оценивают отношение местных жителей к разрушительным последствиям тропических штормов в странах региона [222].

Географическое положение Юго-Восточной Азии, ее нахождение в тропической и экваториальных зонах, а также высокая степень влияния морской климатологии являются причиной *экстремального уровня осадков*. Данный

²⁶ Особое развитие получили в рамках такой отрасли знания, как асеанология (ASEAN studies)

факт детерминирует интерес в исследовательской среде к этой проблеме, ученые выстраивают модели-симуляции климатических процессов, строя прогнозы в долгосрочной перспективе, вырабатывая возможные сценарии смягчения последствий изменения климата [289]. Также процессы изменения климата и активная антропогенная деятельность, в том числе выраженная в интенсивной эксплуатации лесных ресурсов, ставят перед исследователями задачи оценки степени обезлесивания в регионе, в частности, выраженные в попытках проанализировать релевантность и эффективность программ REDD и REDD+, в корреляции с политико-экономическими и правовыми условиями в странах Юго-Восточной Азии [217].

Регион является местом с высокой степенью **экономической активности**, что обусловлено его географическим положением, наличием в нем важных для глобальной архитектуры стран-акторов и развитостью региональной интеграции, проявляющейся в том числе в рамках структуры АСЕАН. Важнейшими факторами гармоничного экономического развития, по мнению местных исследователей, являются несколько фундаментальных аспектов. Во-первых, глубоко анализируется транспортно-логистическая инфраструктура, позволяющая выравнять когерентность местных рынков, что особенно важно для стран с развивающейся экономикой [320]. Во-вторых, деконструируются рынки рабочей силы в странах региона, выделяются их основные проблемы, влияющие на процессы экономического развития, в том числе связанные с отсутствием баланса между квалифицированным и неквалифицированным кластером, отмечается важность в данном аспекте развития профессионального образования [388, р. 221–237]. В-третьих, исследователи концентрируют свое внимание на реализации различных подходов в рамках парадигмы «зеленой экономики», являющейся ключом к построению системы устойчивого территориального развития [105].

Как уже сказано выше, большая доля исследований экономических отношений Юго-Восточной Азии сосредоточена в рамках такой области знания, как *асеанология*. В

широком смысле данная дисциплина является интегральной междисциплинарной научной областью, стремящейся сформировать комплексное понимание процессов и явлений в рамках АСЕАН, включая изучение региональной дипломатии, торговли, безопасности, геополитики, социальных изменений, вопросов окружающей среды и т. д.

Деконструируя структуру АСЕАН и ее перспективы в качестве одного из полюсов надвигающегося многополярного мира, исследователи отмечают, что обсуждение перспектив организации – это фактически обсуждение двух отдельных региональных проектов: экономической интеграции и интеграции в области региональной безопасности [147]. Наличие этих двух траекторий в рамках одной организации детерминирует формирование в исследовательском поле особой методологической оптики, так называемого разобщенного регионализма, стремящейся концептуализировать исследовательский подход не только в рамках анализа расширения и углубления организации, но и в рамках анализа этих двух проектов в их комплексной взаимосвязи [Там же].

В *сфере экономических отношений* асеанология наиболее полно раскрывает несколько аспектов. Изучаются детерминанты экономической кооперации стран-членов. При этом рассматриваются как внутрорегиональные императивы для интеграции, например, характеристики стран, создающие привлекательность для прямых иностранных инвестиций – размер и сбалансированность рынков, качество инфраструктуры, политическая стабильность [218], так и внешние факторы, например, заинтересованность внешних контрагентов в развитии двухсторонних торговых отношений с экономическим пространством АСЕАН [216]. Особое внимание экономисты уделяют анализу эффектов соглашений о свободной торговле с крупными азиатскими странами, такими как Индия и Китай, на региональный экспорт и импорт.

Сложность структуры *региональной безопасности АСЕАН* усиливается, в этом заинтересованы крупнейшие игроки глобальной архитектуры, такие как США и КНР.

Китай заинтересован как в поддержании политической стабильности региона, так и в усилении здесь своего влияния, выступая таким образом в качестве своеобразного гаранта, преследующего собственные цели, что порождает диспропорции в сфере безопасности, делая акцент на межгосударственном аспекте, но уделяя мало внимания гуманитарному [415]. Цели США в регионе также строятся вокруг сохранения своего влияния, особенно в пространстве Индо-Пацифики, по отношению к которому Юго-Восточная Азия выступает своеобразным плацдармом, что, в свою очередь, детерминирует развитие кооперации со странами региона. Однако представления в АСЕАН и США по поводу определения рамок регионального сотрудничества неоднозначны, разные интересы формулируют разные задачи, что выливается в комплексность и многомерность данного процесса [420]. Соотношение сил и интересов внешних игроков формирует дилеммы в отдельных странах региона, находящиеся в пространстве геополитического противостояния, вызванные как необходимостью балансировать между двух сторон, так и стремлением к проведению собственной суверенной политики [393]. Однако важнейшим фактором в данном процессе, по мнению исследователей, все-таки является наличие общих региональных ценностей, позволяющих при соблюдении правил коллективного управления держать местную систему международных отношений в равновесии вне зависимости от внешних факторов [281].

Особое внимание в исследованиях в рамках асеанологии уделяется *изучению структуры взаимоотношений АСЕАН и ЕС*. Во-первых, это конечно связано с тем, что начавшаяся в 1960-х гг. европейская интеграция, безусловно, дала толчок региональной интеграции в Юго-Восточной Азии. Служа в течение последних десятилетий своеобразным примером, Европейский Союз, развивая собственную регионализацию, тесно связан с АСЕАН в теоретическом измерении. Подтверждением является и тот факт, что кризис еврозоны 2009 г. сильно повлиял как на отношения между этими организациями, так и на восприя-

тие ЕС в политическом и академическом пространстве региона [183]. Особое внимание исследователей на сегодняшний день сосредоточено на сотрудничестве ЕС и АСЕАН в борьбе с терроризмом, где фиксируются определенные заимствования опыта как в области развития внутрирегиональной контртеррористической кооперации, так и в области создания эффективной нормативно-правовой базы по борьбе с дестабилизирующим явлением [416].

Как уже сказано выше, проблематика социальных исследований Юго-Восточной Азии в большей своей части вращается вокруг **социального благополучия**. Регион, отдельные части которого имеют склонность к различного рода формам социального напряжения (межэтнического, межконфессионального и т. д.), с учетом часто архаичной структуры общественного сознания, несущего также разнообразные дискриминационные издержки, содержит в себе широкий спектр соответствующих проблем социального развития, что и является во многом определяющим для выбора предмета исследований социологов-регионологов. Конечно, существует и немалое количество работ, рассматривающих другие аспекты социума, например, исследования региональной структуры питания и государственных стратегий в этой области [293] или демографические исследования, изучающие местную половую и возрастную структуру [335].

Однако ученые отмечают повышенную актуальность нарастающих процессов, формирующих состояние социальной незащищенности, что детерминирует проблематику социальных исследований. Среди наиболее актуальных для региона факторов, влияющих на гуманитарное благополучие, специалисты выделяют следующие: социальные изменения, обусловленные национальными, региональными или глобальными сдвигами и процессами; борьба за природные ресурсы; вооруженные конфликты; ускоренная урбанизация и индустриализация, сопровождаемые разрушением традиционного уклада; масштабная коммерциализация повседневной жизни [139, р. 7]. Помимо этого, ситуация осложняется активной миграцией населения внутри региона, создающей проблемы социальной инте-

грации в принимающих обществах [261, р. 125]. В этих условиях специалисты отмечают особую необходимость выработки механизмов как на национальном, так и на региональном уровне (например, в рамках структур АСЕАН), контролирующим соблюдение прав человека [194, р. 38]. Принципиальными аспектами, выделяемыми исследователями в качестве базиса для таких инструментов, являются выработка правовой основы, направленной на гармонизацию общественной жизни [100], и контроль над миграционными процессами [407].

Исследования, сфокусированные на **культурном ландшафте региона**, строятся вокруг двух его особенностей – этническое разнообразие и многоконфессиональность. Несмотря на значительные усилия в рамках региональной интеграции, отраженные в том числе в слогане АСЕАН «Одно видение, одна идентичность, одно сообщество», тем не менее Юго-Восточная Азия по сей день представляет собой очень мозаичное и гетерогенное геокультурное пространство [232].

Социокультурное разнообразие населения детерминирует в исследовательской среде развитие такой регионологической субдисциплины, как *этнотаксономия* [177]. Отмечается, что этнографическое таксонирование, особенно в районах проживания автохтонного населения, служит эффективным инструментом для мониторинга состояния языков коренных народов и их традиционного знания [402]. Познаваемое же через данный подход служит в том числе ключом к пониманию практик традиционного природопользования, что помогает ученым-региологам создать максимально четкое видение других коррелирующих явлений, например, влияние экосистемных сдвигов на ментальное здоровье коренного населения [401]. Также исследователи отмечают, что для построения гармоничного интегрированного регионального сообщества важно изучать процессы аккультурации как традиционного населения в современном социально-экономическом контексте, так и населения, мигрирующего из менее развитых районов в более развитые [348, р. 255–259].

Исследования религиозной подсистемы региона, несмотря на большое разнообразие представленных конфессий, включающих индуизм, буддизм, ислам, христианство и традиционные культы, долгое время игнорировались в качестве объекта в западном научном сообществе [330]. Сегодня местные исследователи во многом стараются заполнить данный пробел, охватывая не только широкий спектр наличествующих конфессий, но и изучая процессы изменения в них.

Работы по изучению индуизма в регионе делятся на два основных направления: исследования диаспорального индуизма, привносимого потоками мигрантов из соседствующей Южной Азии, и исследования индуистских компонентов, инкорпорированных в местные анимистические культы [212]. Региональный буддизм особенно подробно разбирается в рамках бирманских исследований. Бирма исторически является одним из центров развития данной религии, выступая своего рода плацдармом, оказавшим влияние на ее распространение во всем регионе, и также она является одним из векторов проникновения буддизма в пространство китайской цивилизации. По мнению исследователей, Бирма и сегодня – своего рода буддистский заповедник, в котором сохранились как очень архаичные черты древней религии, так и путем синтеза с местными верованиями сформировались собственные локальные культы в рамках отдельных конфессий [318].

Разработанное направление в поле религиозных исследований Юго-Восточной Азии – *региональное исламоведение*. Изучаются пути исламизации, основными векторами которой в исторической ретроспективе являлись торговые контакты региона с территориями Ближнего Востока, политические процессы и вследствие их развития внедрение институтов исламского образования, ставших, по мнению исследователей, основным двигателем распространения мусульманской веры [299]. При этом отмечается, что, несмотря на значительные сдвиги в данной сфере в соответствии с процессами глобализации, на сегодняшний день исламское образование выступает не только в качестве

обучающей среды, но и формирует своеобразную сеть идеологий, глубоко влияющую на социальную модернизацию стран региона [280, р. 22–32].

Другим важным аспектом, изучаемым в рамках региональных исследований ислама, является взаимодействие данной религии и экономической сферы. Во-первых, это, конечно, изучение влияния шариатских правовых норм на торговлю и банковскую сферу, определяющих их формы в таких экономически развитых странах, как Малайзия и Бруней [298]. Данные нормы влияют также на структуру потребления в этих частях региона, что вызывает академическую заинтересованность в деконструкции консюмеристских процессов [225]. Второй определяющей проблематикой в области исследований исламской экономики являются процессы модернизации экономической сферы. Анализируя возможные сценарии реализации в регионе процессов «четвертой промышленной революции», ученые строят новые концептуальные схемы в области финансов и банковского сектора [310, р. 202–205]. В качестве одного из потенциально эффективных способов модернизации экономической сферы исследуется область финансовых технологий, влияющая в последние годы на структурные изменения в исламском банковском секторе [105].

В рамках исследований ислама раскрывается также проблематика безопасности. В одной части работ анализируется роль исламского фактора в многоконфессиональном и поликультурном пространстве региона, предлагаются концепции модернизации социальных представлений в исламе с целью гармонизации общественной жизни [327]. Также исламский фактор в регионе создает определенные риски террористической активности. Согласно австралийскому бюро статистики в странах Юго-Восточной Азии только в период 2014–2016 гг. произошло 1490 террористических актов²⁷. Не в последнюю очередь на это влияют

²⁷ Regional risk assessment on terrorism financing 2016: <http://www.fatf-gafi.org/countries/a-c/australia/documents/ctf-summit-regional-risk-assessment-2016.html>

внешние факторы, например, деятельность транснациональных террористических организаций. Влияние ситуации на Ближнем Востоке выражается в том числе в идеологическом импорте радикальных фундаменталистских идей в пространство АСЕАН, что также учитывается учеными при анализе данной проблематики [391].

5.3. ВЗАИМОСВЯЗЬ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Исследования Южной и Юго-Восточной Азии имеют определенную схожесть в артикуляции направлений. Во-первых, проблематика, как правило, формулируется насущными проблемами регионов. Исследователи, вне зависимости от области знаний, в первую очередь обращают свои научные интересы в те поля, где более необходимо оперативное экспертное решение как в текущем контексте, так и в прогностическом смысле, в стремлении уменьшить возможные риски. Во-вторых, географическое положение регионов, их ориентация на стратегически важные для эффективной работы глобальной системы морские пространства (Индо-Пацифика – своеобразный коридор между акваториями Индийского и Тихого океанов) служат серьезным и перспективным фактором экономического и социального развития цельных региональных систем, а соответственно, фактором заинтересованности местных акторов в процессах регионализации.

Основная часть исследований регионов строится вокруг нивелировки препятствующих этому процессу аспектов: социального, культурного, политического плана. При этом важно учитывать этнолингво-конфессиональную пестроту данных областей земного шара. Можно сказать, что исследования направлены на поиск стратегий гомогенизации регионов при условии сохранения национального и культурного разнообразия.

Что касается различий, то они, на наш взгляд, в первую очередь детерминированы разницей в степени регионализации. Наличие в пространстве Юго-Восточной Азии такой интеграционной площадки, как АСЕАН, конечно, влияет на глубину и четкость институционализации академического поля. Существование в научном дискурсе термина асеанология, выпуск посвященных данному интегральному направлению журналов²⁸ лишь подтверждение данному выводу. С другой стороны, в исследованиях Южной Азии также наблюдается определенная склонность к унификации изучаемого пространства в рамках сепарированной научной дисциплины, однако пока регион не решит серьезные территориальные противоречия между входящими в него странами и не гармонизируется внутреннее состояние многонациональных государств, судьба местного регионализма остается вопросом открытым.

Безусловно, видится перспективным сближение исследований Южной и Юго-Восточной Азии в единое научное поле. Но здесь все зависит от результатов в сдвигах глобальной архитектуры. Если взять за концептуальную основу для построения прогноза тот факт, что мир становится многополярным, то минимум один полюс силы должен будет в будущем располагаться здесь. Вопрос в том, как это будет выглядеть. На наш взгляд, существует два основных сценария: формирование некоего двуединого полюса, включающего оба субрегиона и действующего относительно консолидировано на мировой арене, или продолжение регионализации в каждом отдельном случае самостоятельно, что породит два соперничающих соседа-региона, на основе характера взаимоотношений и взаимовлияния которых будет строиться будущая проблематика исследований в монопольной или дискретной формах.

²⁸ Прим. JAS – Journal of ASEAN studies.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XXI в. Азиатско-Тихоокеанский регион является наиболее динамично развивающимся регионом мира, что в первую очередь объясняется нахождением в нем лидирующих мировых держав – Китая, США, Японии, России, Республики Корея. Среди факторов, обеспечивающих региону высокие темпы экономического развития, эксперты традиционно называют выгодное геополитическое и геостратегическое положение; демографический критерий – сосредоточенность более 40 % населения в регионе; высокий уровень ВВП и др. Именно от того, как будет развиваться АТР, во многом зависит будущее глобальной экономики. Не стоит забывать и про значительный ракетно-ядерный потенциал региона, делающий его одним из важных игроков на мировой арене.

Тем не менее в процессе развития регион испытывает множество сложностей. Во-первых, на примере АТР мы можем наблюдать беспрецедентный случай объединения в один регион большого числа стран со значительной разницей в социально-экономическом уровне, разнообразием историко-культурного наследия, иногда радикально различающимися политическими системами и идеологическими ориентирами, что значительно затрудняет интеграцию участников региона.

Во-вторых, несмотря на то что после окончания холодной войны региональная структура азиатской части АТР формировалась в значительной степени по принципу, согласно которому конфронтация лидеров международной системы сглаживалась бы коллективными усилиями малых и средних держав, в регионе наблюдается скрытая борьба государств за лидерство. Кроме того, как отмечает А. Дирлик, регион структурируется противостоянием Востока и Запада, противостоянием между Севером и Югом, верхним и нижним уровнями иерархии акторов [55].

В рамках написания данной работы мы руководствовались целью изучения опыта региона по проведению региональных исследований, выделению приоритетных направлений и факторов, влияющих на их развитие.

Безусловно, история развития региональных исследований, как и науки в целом, начинается в Европе, лидирующей в течение значительного периода времени как в географических, так и в экономических исследованиях. Например, хорошо известные географические «мозговые центры» – Royal Geographical Society, Società Geografica Italiana, Société de Géographie de Paris – определяли вектор географических исследований как в XIX в., так и в начале XX в. Именно под воздействием европейской научной мысли в середине XX в. появилась идея о необходимости институционализации нового научного направления – отдельной науки о регионах. Эта идея и была успешно реализована американским ученым У. Айзардом. С 1950-х гг. начинается процесс продвижения региональной науки в мире.

В работе авторами выделены следующие **этапы в развитии региональных исследований** в АТР:

- этап проторегионологического знания, в основном представленного описаниями иных стран и путешествий;
- этап формирования методологических различий между Западом и Востоком;
- этап модернизации общества и сближения методологических позиций;
- этап развития собственно региональных исследований.

Первый этап отчетливо выделяется в истории формирования регионологического знания на Востоке, но в то же время достаточно размыт в США, где в силу определенной специфики «молодой» страны (отсутствия архивов и научных центров, которые бы долгое время активно функционировали, так же как в ведущих колониальных державах) описательные и прагматикоориентированные прикладные региональные исследования стали развиваться практически параллельно.

Важным фактором является разница в традиционных представлениях об устройстве мира и приоритете областей знания на Востоке (морально-гуманитарное направление, мифологическое мышление) и Западе (естественно-научное направление, применение математических методов в гуманитарных науках, рационалистическое мышление), также оказавшая влияние на способы получения регионологических знаний.

Вместе с тем в результате систематизирующего анализа представляется возможным констатировать, что во многих восточных странах, например, в Китае и Южной Корее, векторы региональных исследований в значительной степени повторяют американские, сосредоточиваясь на социально-экономических вопросах. Одним из приоритетных направлений деятельности японской регионологической школы является поиск возможностей гармоничного сосуществования разных культур.

В целом региональные исследования стран АТР характеризуются комплексностью и многослойностью и направлены на поиск путей достижения региональной стабильности. Тематика исследований, как правило, формулируется насущными проблемами субрегионов, определенное влияние оказывает и географическое положение субрегиона, его цивилизационные и исторические особенности. Все большее внимание уделяется изучению макропроцессов, данный фактор преобладает в регионах с более высоким уровнем регионализации, например, входящих в АСЕАН.

По нашему мнению, история развития региональных исследований в России представляет собой попытку найти срединный подход, чем и может быть объяснена излишняя поляризация направлений исследований. Нам представляется, что эта единая концепция сможет объединить комплексный, синтетический подход к научному знанию азиатских стран и конкретное, аналитическое научное знание Запада.

Согласно концепции авторов монографии важнейшей задачей регионологов в XXI в. должно стать формирование поля трансдисциплинарного регионологического знания,

что позволит решить проблемы излишней комплексности, терминологической путаницы в региональных исследованиях, с одной стороны, и определить отправную точку – научную сферу, в рамках которой проводится исследование – с другой.

Трансдисциплинарность предполагает иной уровень открытости новому знанию и построение новой системы междисциплинарных отношений, а первым шагом на этом пути является изучение, систематизация и обобщение особенностей развития региональных исследований в разных регионах мира, чему и была посвящена данная работа.

В заключение отметим, что данное исследование отнюдь не ограничивается границами настоящей монографии, прежде всего, потому что на данном этапе работы нами были проанализированы не все субрегионы АТР. Так, абсолютно не изученной осталась южноамериканская часть АТР. Кроме того, более подробного изучения требует и феномен соседства восточных и западных подходов к региональным исследованиям в АТР, это и составляет перспективу дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература на русском языке

1. Абрамов А. Л., Курилов В. И., Матвиенко Н. Н. Прогноз развития экономики АТР // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-1. С. 377–386.
2. Адилханян Н. Л. Древнекитайский каталог «Шань хай цзин» (山海经): опыт регионоведческого анализа // Теория и практика регионоведения : труды II Междунар. науч.-практ. регион. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 386–391.
3. Алепко А. В. Основы регионоведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск : Хабаров. гос. ин-т культуры, 2019. 335 с.
4. Волков Ю. Г. Регионоведение : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 448 с.
5. Волков Ю. Г. Регионоведение и его роль в интеграционных процессах на Юге России // Высшее образование в России. № 8-9. 2015. С. 109–116.
6. Воробьев М. В., Соколова Г. А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1976. 231 с. (Культура народов Востока).
7. Геттнер А. География, ее история, сущности и методы. Л. : Госиздат «Красный пролетарий», 1930. 416 с.
8. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование) : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : Инфра-М, 2014. 333 с.
9. Глубокие корни дают густую листву: перспективы образовательных и научных связей между Россией и КНР / П. П. Дерюгин, А. А. Барбарич, Л. А. Лебединцева, Н. В. Кухаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Т. 12, вып. 3 : Социология. С. 288–294.
10. Гранберг А. Г. Василий Леонтьев в мировой и отечественной экономической науке // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 3. С. 471–491.
11. Грачев М. В. Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн дзю:ни кадзё» – «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.) // Политическая культура древней Японии / под ред. А. Н. Мещерякова. М. : РГГУ, 2005. С. 109–181. (Orientalia et Classica / Тр. Ин-та вост. культур и античности).
12. Грачилов Е. Н. Исторический экскурс в геополитику Китая // Вестник МГУ. Серия 18, Социология и политология. 2012. № 3. С. 154–169.

13. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. 368 с.
14. Демина О. В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2, № 4. С. 21–3.
15. Демина Я. В. Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 16–40.
16. Доленко Д. В. Александр Иванович Сухарев и развитие регионалогии // Регионология. 2011. № 3. С. 4–8.
17. Зайчиков В. Т. Путешественники Древнего Китая и китайская географическая наука в Китайской Народной Республике. М. : Географгиз, 1955.
18. Захаренко И. А. Востоковедное страноведение Китая: мифы и реальность // Общество и государство в Китае. 2013. Т. 2, № 43. С. 240–246.
19. Захаренко И. А. Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 95–103.
20. Захаренко И. А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII – начало XX в.) : автореф. ... дис. д-ра геогр. наук. М., 2009. 34 с.
21. Иванов К. А., Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Южнотихоокеанском регионе: современное состояние, региональные особенности, перспективы развития // Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем ; монография / отв. ред.-сост. Д. С. Панарина. М. : ИВ РАН, 2020. 554 с.
22. Иванова М. В. Введение в регионоведение. Томск : Изд-во ТПУ, 2008. 177 с.
23. Изотов Д. А. Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 20–31.
24. Изотова Н. Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 179–182.
25. Исаев Б. А. Геополитика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. 384 с.
26. Исаченко А. Г. О географических идеях Карла Риттера и его влиянии на развитие географии (комментарий к статье Н. Г. Суховой) // Известия русского географического общества. 2009. № 5 (141). С. 82–85.
27. История человечества. Факты. Открытия. Люди. Харьков : Фолио, 2013. 640 с.
28. Кобзев А. И. География // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / РАН, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко.

М. : Вост. лит., 2009. Т. 5 : Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 226–249.

29. Кобзев А. И. Шуй цзин // *Духовная культура Китая : энциклопедия* : в 5 т. / РАН, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Вост. лит., 2009. Т. 5 : Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 958–959.

30. Кобзев А. И., Еремеев В. Е. Цзя Дань // *Духовная культура Китая : энциклопедия* : в 5 т. / РАН, Ин-т Дальнего Востока ; гл. ред. М. Л. Титаренко. М. : Вост. лит., 2009. Т. 5 : Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 916–917.

31. Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // *Вестник МГИМО Университета*. 2016. № 5 (50). С. 63–69.

32. Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад Джеффри Хьюингса в создание лаборатории прикладной региональной экономики и американские региональные исследования // *Теория и практика регионоведения*. Т. 3 : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / [отв. ред. В. В. Яковлев]. СПб., 2020а. С. 23–31.

33. Коробко В. О., Кузнецова О. В. Вклад региональных экономистов в становление американской региональной науки (на примере деятельности Г. Хотеллинга) // *IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 295–302.*

34. Костюнина Г. М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // *Вестник МГИМО Университета*. 2011. № 1. С. 34–42.

35. Кремнев Е. В. Региональные исследования в Японии : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионоведение).

36. Кремнев Е. В., Ананьев В. В. Осмысление концепций Нисиды Китаро о пространстве в контексте современных региональных исследований в Японии // *IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 303–307.*

37. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионоведения // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2019. № 3 (50). С. 65–75.

38. Кремнёв Е. В., Шалина И. В., Озеров Д. Г. К вопросу о направлениях региональных исследований в Японии // *Slovak international scientific journal*. 2019. № 33. С. 14–17.

39. Кремнёв Е. В., Ананьев В. В. Предпосылки формирования региональных исследований в Японии в рамках японской традиционной науки // Регионоведение. 2020. Т. 28, № 2. С. 279–302.
40. Кремнёв Е. В., Ананьев В. В., Серых Т. С. Структура японских региональных исследований в трактовке Научного совета Японии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 157–165.
41. Кузнецова О. В. Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 193 с. (Трансдисциплинарная регионология).
42. Кузнецова О. В. Место региональной науки в системе интегрированного научного знания (на примере работ американских ученых второй половины XX в.) // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 307–322.
43. Кузнецова О. В. Научные центры и высшие школы международных и региональных исследований в Республике Корея: современные тенденции // Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / отв. ред. Е.А. Канаев. СПб. : Алетейя. 2020. С. 364–377.
44. Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / [под науч. ред. Е.Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 363 с. (Трансдисциплинарная регионология).
45. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения. Т. 3. : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / [отв. ред. В. В. Яковлев]. СПб., 2020. С. 44–51.
46. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.
47. Кузнецова О. В., Пелихова Д. В. Американские исследования в европейских научных центрах: основные направления деятельности // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / [отв. ред. В. В. Яковлев]. СПб., 2020. С. 52–61.
48. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе

современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

49. Курбанов С. О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. 680 с.

50. Ланцова И. С. Азиатско-Тихоокеанский регион в современной мировой политике // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2006. Вып. 3. С. 36–41.

51. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 1999. 532 с.

52. Лебединцева Л. А., Авакян А. А. Интеллектуальный потенциал китайского проекта «Один пояс, один путь»: проблемы и тенденции // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 291–296.

53. Лесниковская Е. В. Зарубежное регионоведение: вызовы XXI века // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 192–195.

54. Лесниковская Е. В. Трансформация парадигм региональных исследований в Европе в контексте изучения Азиатско-Тихоокеанского региона // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 331–339.

55. Лесниковская Е. В., Кремнев Е. В. Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. (Трансдисциплинарная регионология).

56. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. М. : Тид Русское слово – РС, 2000. 464 с.

57. Лукин А. В., Кашин В. Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Соавнительная политика. 2019. Т. 10, № 2. С. 135–151.

58. Макеева С. Б. Из истории распространения географических знаний в Китае в конце XIX – начале XX века // Тезисы докладов XXIII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 24–25 окт. 2018 г. М. : ИДВ РАН, 2018. С. 163–164.

59. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Кн. 2. Санкт-

Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.

60. Макеева С. Б. История регионального развития Китая в русле формирования системы китайских регионоведческих знаний : монография. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 204 с.

61. Макеева С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 1. С. 225–236.

62. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. 799 с.

63. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М. : Конкорд, 1996. 148 с.

64. Нартов Н. А., Нартов В. Н. Геополитика : учеб. для вузов / под ред. В. И. Старовойта. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана : Единство, 2007. 527 с.

65. Научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово». URL: https://kursksu.ru/labs/information/kursk_word.

66. Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения. URL: https://www.herzen.spb.ru/main/nauka/1297769731/Research_Institute/region/

67. Нименская О. С. Философская синология во Франции в XX–XXI вв. : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2018. 170 с.

68. Новикова А. А. Синтез восточных и западных географических представлений в трактате «Нихон суйдо ко» Нисикава Дзэкэн (1648–1724) // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2014. № 3. С. 30–43.

69. Пак М. Н. Предисловие // Ким Бусик Самгук саги. В 3 т. Т. 1. Летописи Силла. М. : Вост. лит. РАН, 2001. С. 8–14.

70. Пелихова Д. В. Изучение Китая в европейских научных центрах: основные направления деятельности регионов // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы 3 Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–8 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 206–212.

71. Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / отв. ред. Н. И. Конрад. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 452 с.

72. Расулов Т. С., Махмасобирова Н. У. Японский опыт кластеризации национальной экономики // Экономика и финансы. 2017. № 8. С. 31–37.

73. Ратцель Ф. Народоведение. СПб. : Просвещение, 1902. 764 с.

74. Ратцель Ф. Человечество как жизненное явление на Земле. М. : Кн. дело, 1901. 133 с.

75. Регионоведение : учеб. для акад. бакалавриата / В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич, И. Н. Белобородова, А. В. Дука ; под ред. И. Н. Барыгина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 391 с. (Бакалавр. Академический курс).

76. Рензин О. М., Суслов Д. В. Перспективы интеграции Тихоокеанской России в АТР // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4. С. 44–52.

77. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.) / О. В. Новакова, Е. К. Симонова-Гудзенко, М. Ю. Ульянов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 5–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30159974> (дата обращения: 15.02.2020).

78. Симонова-Гудзенко Е. К. Представления о географическом пространстве архипелага в письменной культуре древней Японии VII–IX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. М., 2006. 384 с.

79. Социокультурное регионоведение // Центр по изучению взаимодействия культур. URL: <http://regionalstudies.ru/>

80. Усолцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 8. С. 67–75.

81. Филологическая регионалистика. URL: <http://filologia.tsutmb.ru/ nauka/nauchnyie-shkoly-i-napravleniya/filologicheskaya-regionalistika.html>

82. Харви Д. Социальная справедливость и город. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 440 с.

83. Целищев И. С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М. : ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.

84. Цыганок Н. А. Перспективы регионального сотрудничества в АТР // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 97–103.

85. Чжу фань чжи (Описание иноземных стран) Чжао Жугуа – важнейший историко-географический источник китайского средневековья / исслед., пер. с кит., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова ; науч. ред. Д. В. Деопик. М. : ИВЛ, 2018. 407 с.

86. Шишмарева Т. Е. Китайский словарь «Эръя» в идеографическом и этнокультурном аспектах : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 289 с.

87. Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Элементы. 2000. № 7. URL: <http://arcto.ru/article/524> (дата обращения: 01.11.2020).

88. Яковлев А. Ю., Яковлев П. Ю. Проблемы перенаселенности и незаконной миграции в Южной Азии // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. ст. по матер. XXX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. № 10(30). С. 41–46.

Литература на английском языке

89. Abe H. and Alden J. D. Regional Development Planning in Japan // *Regional Studies*. 1988. N 22. P. 429–438.
90. About // Federation for the Humanities and Social Sciences. URL: <http://www.ideas-idees.ca/about/about-the-federation> (дата обращения: 19.09.2020).
91. About BAKS // British Association for Korean Studies. URL: <http://www.baks.org.uk/wptest/about/> (дата обращения: 12.10.2020).
92. About EACS // European Association for Chinese Studies. URL: http://chinesestudies.eu/?page_id=1200 (дата обращения: 31.10.2020).
93. About PIBC // Planning Institute of British Columbia. URL: <https://www.pibc.bc.ca/about-pibc> (дата обращения: 19.10.2020).
94. About the NRF // National Research Foundation of Korea. URL: <https://www.nrf.re.kr/eng/page/9439993c-2105-4834-b000-7b4dc15b3f39> (дата обращения: 02.10.2020).
95. *About us // Canadian Institute for Planners*. URL: <https://www.cip-icu.ca/About/About-Us> (дата обращения: 10.10.2020).
96. About us // The International Institute for Asian Studies. URL: <https://www.ias.asia/about> (дата обращения: 12.10.2020).
97. Acharya A. Remaking Southeast Asian studies: doubt, desire and the promise of comparisons // *Pacific Affairs*. 2014. Vol. 87, N 3. P. 463–483.
98. Ades J., Apparicio P. Séguin A-M. Is Poverty Concentration Expanding to the Suburbs? Analyzing the Intra-Metropolitan Poverty Distribution and its Change in Montreal, Toronto and Vancouver // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2016. Vol. 39, N 1/3. P. 23–37.
99. Ahluwalia S. Liberalization of Electric Power in India // *Global business review*. 2002. Vol. 3, N 2. P. 289–298.
100. Ahmad N., Lilienthal G., Hussain M. Law of assisted reproductive surrogacy in Malaysia: a critical overview // *Commonwealth Law Bulletin*. 2016. Vol. 42, N 3. P. 355–374.
101. ‘Did not waits’: A regional Australian emergency department experience / D. Blake, D. Dissanayake, R. Hay, L. Brown // *Emergency Medicine Australasia*. 2014. Vol. 26, N 1. P. 145–152.
102. Ahrestani F. S., Sankaran M. *The Ecology of Large Herbivores in South and Southeast Asia*. Singapore : Springer, 2016. 257 p.
103. Alam M., Lee J., Sawhney P. *Status of Climate Change Adaptation in Asia and the Pacific*. Singapore : Springer, 2019. 265 p.
104. Alexander R. J. Lázaro Cárdenas. URL: <https://www.britannica.com/biography/Lazaro-Cardenas> (дата обращения: 10.10.2020).
105. Ali H., Abdullah R., Zaini M. Fintech and its potential impact on islamic banking and finance industry: a case study of Brunei Darussalam and Malaysia // *International Journal of Islamic Economics and Finance*. 2019. Vol. 2, N 1. P. 73–108.
106. American Studies Network. URL: <https://eaas.eu/eaas-networks/american-studies-network> (дата обращения: 05.10.2020).

107. Area Studies // Ewha Womans University URL: <http://home.ewha.ac.kr/~asg/english.htm> (дата обращения: 05.11.2020).
108. Armstrong P. H., Martin G. Geographers: Biobibliographical Studies. London : Bloomsbury Publishing, 2015. Vol. 20. 152 p.
109. Austrian Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas/constituent-members/16-austrian-association-for-american-studies> (дата обращения: 01.10.2020).
110. Bachtler J. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
111. Bailly A. S., Coffey W. J., Gibson L. J. Regional Science: Back to the Future? // *The Annals of Regional Science*. 1996. Vol. 30. P. 153–163.
112. Bamberry G., Dale P. Telecommunications and regional development // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2009. Vol. 15, N 2. P. 135–152.
113. Barnes T. J. What's Wrong with American Regional Science? A View from Science Studies // *Canadian Journal of Regional Science*. 2003. Vol. 26, N 1. P. 3–26.
114. Barrett R., Billington L., Neeson R. Evaluating hands-on small business assistance in the Latrobe valley // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2004. Vol. 10, N 2. P. 181–194.
115. Baruah S., Baruah S., Kayal J. State of tectonic stress in North-east India and adjoining South Asia Region: an appraisal // *Bulletin of the Seismological Society of America*. 2013. Vol. 103, N 2A. P. 894–910.
116. Basedau M., Köllner P. Area Studies, Comparative Area Studies, and the Study of Politics: Context, Substance, and Methodological Challenges // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2007. N 1. P. 105–124.
117. Belesky P. Regional governance, food security and rice reserves in East Asia // *Global food security*. 2014. Vol. 3. P. 167–173.
118. Bhattacharyya H., Hausing K., Mukherjee J. Indian federalism at the crossroads: Limits of the territorial management of ethnic conflict // *India Review*. 2017. Vol. 16, N 1. P. 149–178.
119. Biomonitoring of Malaysian aquatic environments: A review of status and prospects / K. Prabakaran, R. Nagarajan, F. Merlin Franco, A. Anand Kumar // *Ecohydrology & Hydrobiology*. 2017. Vol. 17, N 2. P. 134–147.
120. Boccagni P. Rethinking Transnational Studies: Transnational Ties and the Transnationalism of Everyday Life // *European Journal of Social Theory*. 2012. N 15(1). P. 117–132.
121. Boyce D. A Short History of the Field of Regional Science // *Papers in Regional Science*. 2004. N 83. P. 31–57.

122. Boyd R., Ibararan M. E., Vélez-Grajales R. Understanding the Mexican Economy: A Social, Cultural, and Political Overview. Bingley : Emerald Group Publishing, 2018. 232 p.
123. Brenner T. Global Cities, Glocal States: Global City Formation and State Territorial Restructuring in Contemporary Europe // Review of International Political Economy. 1998. Vol. 5. P. 1–37.
124. Brigg M. Relational and Essential: Theorizing Difference for Peacebuilding // Journal of Intervention and Statebuilding. 2018. Vol. 12. N 3. P. 1–15.
125. Brigg M., Bleiker R. Mediating Across Difference: Oceanic and Asian Approaches to Conflict Resolution. Honolulu : University of Hawaii Press, 2011. 295 p.
126. British Association for Korean Studies: Past Events. URL: <http://www.baks.org.uk/wptest/past-events/> (дата обращения: 02.10.2020).
127. Bryan Christine. From the Archives: Pacific Research Archives // The Journal of Pacific History. 2016. Vol. 51, Iss. 4. P. 409–446.
128. Brym R., Fox B. From Culture to Power: The Sociology of English Canada. Toronto : Oxford University Press, 1989.
129. Bull M., George N., Curth-Bibb J. The virtues of strangers? Policing gender violence in Pacific Island countries // Policing and Society. 2019. Vol. 29, N 2. P. 155–170.
130. Burnett J., Brunelle C. The Uneven Economic Diversification of Small and Mid-Sized Canadian Cities, 1971–2006 // The Canadian Journal of Regional Science. 2019. Vol. 42, N 2. P. 113–122.
131. Burns E., Willis E. Empty shops in Australian regional towns as an index of rural wellbeing // Rural society. 2011. Vol. 21, N 1. P. 21–31.
132. Byrom S., Thomas S., Dargusch P. Millennium development goals and clean development: synergies in the Pacific // Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change. 2014. Vol. 19, N 1. P. 33–44.
133. Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? URL: http://www.yorku.ca/ishd/LED/CD.SP/Links%20BQ/B5_Territorial%20competitiveness_camagni.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
134. Campbell-Ellis M. Adaptive regions, deliberate power spaces and the sustainable development platform method // Australasian Journal of Regional Studies. 2012. Vol. 18, N 1. P. 26–59.
135. Canadian Journal of Regional Science. URL: <http://www.cjrs-rcsr.org/> (дата обращения: 19.10.2020).
136. Canadian Regional Science Association. URL: <https://geog.utm.utoronto.ca/crsa-acsr/constitution0709.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).
137. Canadian Sociological Approaches. URL: <http://uregina.ca/~gingrich/d7f99.htm> (дата обращения: 09.10.2020).
138. Cancer control in the Pacific: A South Pacific collaborative approach / S. Foliaki, C. Bates, I. Tukana, N. Palafox // Cancer Epidemiology. 2017. Vol. 50, N 2. P. 193–198.

139. Carnegie P., King V., Ibrahim Z. Human insecurities in Southeast Asia. Singapore : Springer, 2016. 200 p.
140. Carroll T., Hameiri S., Jones L. The Political Economy of South-east Asia. Politics and Uneven Development under Hyperglobalisation. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. 412 p.
141. Chalise H. Socio-Demographic and Health Status of Nepalese Elderly // *Indian Journal of Gerontology*. 2012. Vol. 26, N 2. P. 151–160.
142. Chan R. The welfare system in Southeast Asia: development and challenges // Working paper series. 2013. Vol. 13. URL: http://www.cityu.edu.hk/searc/Resources/Paper/WP13_01_Chan.pdf
143. Chandra V. India's accommodation in the emerging international order: challenges and prospects // *India Quarterly*. 2018. Vol. 74, N 4. P. 420–437.
144. Chari S. Trans-Area Studies and the Perils of Geographical 'World-Writing' // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2016. Vol. 34, Iss. 5. P. 791–798.
145. Chatterjee S. Ethnic conflicts in South Asia: a constructivist reading // *South Asian survey*. 2005. Vol. 12, N 1. P. 75–89.
146. China Division. Regional Studies Association. URL: <https://www.regionalstudies.org/network/china/>
147. Choiruzzad S. ASEAN in the age of anti-globalization: compartmentalized regionalism(s) and three trajectories // *IKAT: The Indonesian Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 1, N 1. P. 1–16.
148. Climatology of meteorological “bombs” in the New Zealand region / L. Leslie, M. Leplastrier, B. Buckley, L. Qi // *Meteorology and Atmospheric Physics*. 2005. Vol. 89, N 1. P. 207–214.
149. Cockburn-Wootten C., Brewis J. Crossing thresholds: Hospitality and professionalism in Aotearoa New Zealand social work // *Hospitality & Society*. 2014. Vol. 4, N 2. P. 115–133.
150. Cohen A. Youth Gangs, Violence, and Local Culture in Chiang Mai, Northern Thailand // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2017. Vol. 47, N 4. P. 484–507.
151. Cohen D., LeGoff J. P. Regional Development: a Critical Overview of the Evidence // *Canadian Journal of Regional Science*. 1987. Vol. 10, N 2. P. 150–167.
152. Community blemish or new dawn for the public realm? Governance challenges for self-claimed gardens in urban China / J. Zhu [et al.] // *Cities*. 2020. Vol. 102. P. 1–31.
153. Connell J. Regulation of space in the contemporary postcolonial Pacific city: Port Moresby and Suva // *Asia Pacific Viewpoint*. 2003. Vol. 44. N 3. P. 243–257.
154. Connell J., Lowitt K. Food Security in Small Island States. Singapore : Springer, 2019. 307 p.
155. Cooke P. Introduction: Regional innovation systems – an evolutionary approach // *Regional Innovation Systems* / ed. by P. Cooke,

M. Heidenreich, H. J. Braczyk. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 1–18.

156. Crawford C. The leprosy problem in the South Pacific // *The New Zealand Medical Journal*. 2014. Vol. 127, N 1394. P. 91–93.

157. Crookes I. Achieving Cooperation through Connectivity in EU-China Relations: the BRI and Beyond Europe's World. URL: <https://www.friendsofeurope.org/insights/achieving-cooperation-through-connectivity-in-eu-china-relations-the-bri-and-beyond/> (дата обращения: 05.03.2020).

158. Crow-Miller B., Webber M., Rogers S. The Techno-Politics of Big Infrastructure and the Chinese Water Machine // *Water Alternatives*. 2017. Vol. 10, N 2. P. 233–249.

159. Curley M. Combating child sex tourism in South-East Asia: law enforcement cooperation and civil society partnerships // *Journal of law and society*. 2014. Vol. 41, N 2. P. 283–314.

160. Cut from “country”: the impact of climate change on the mental health of aboriginal pastoralists / M. Pearce, L. Eagle, D. Low, A. Schumann // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2015. Vol. 21, N 1. P. 50–79.

161. Dalziel P., Matunga H., Saunders C. Cultural well-being and local government: lessons from New Zealand // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2006. Vol. 12, N 3. P. 267–280.

162. Dalziel P., Saunders C. Regional development before and after an earthquake: the Canterbury New Zealand experience // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2012. Vol. 18, N 1. P. 100–127.

163. Das R. *The Impact of Global Terrorism on Economic and Political Development: Afro-Asian Perspectives*. Bingley : Emerald Publishing Limited, 2019. 435 p.

164. David Barkin. URL: https://www.researchgate.net/profile/David_Barkin (дата обращения: 19.10.2020).

165. Davis R. C. *Lobsticks and Stone Cairns: Human Landmarks in the Arctic*. Calgary : University of Calgary Press, 1996. 326 p.

166. Departments and Agencies. URL: https://www.canada.ca/en/government/dept.html?utm_medium=decommissioned+site&utm_campaign=Canada+Site+Redirect+Tracking&utm_source=canada.gc.ca/depts/major/depind-eng.html&utm_content=Launch+Tracking (дата обращения: 19.10.2020).

167. Dirlik A. *Asia Pacific Studies in an Age of Global Modernity // Remaking Area Studies Teaching and Learning Across Asia and the Pacific* / ed. Wesley-Smith T., Goss J. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2010. P. 5–23.

168. Dixit P., Cleland J., James K. Sex differences in child health and healthcare: A reappraisal for India // *Population studies*. 2020. Vol. 74, N 3. P. 379–398.

169. Dollery B., Buultjens J., Adams K. Enhancing Australian regional policy: a conceptual framework for assessing the role of Regional Development Australia // *Space and Polity*. 2011. Vol. 15, N 3. P. 241–255.
170. Dollery B., Mounter S. Local infrastructure investment maintenance and renewal: a comparative analysis of contemporary Australian and New Zealand local government // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2010. Vol. 16, N 2. P. 217–232.
171. Dornan M., Newton-Cain T. Regional Service Delivery among Pacific Island Countries: An Assessment // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2014. Vol. 1, N 3. P. 541–560.
172. Douglas B. Past, Present and Possibilities of Pacific History and Pacific Studies: As Seen by a Historian from Canberra // *The Journal of Pacific History*. 2015. Vol. 50, N 2. P. 224–228.
173. Durlle M. Indigenous health: New Zealand experience. What can the Treaty of Waitangi teach Australia about reducing disparities in health? // *The Medical Journal of Australia*. 2012. Vol. 197, N 1. P. 10–11.
174. Eames C. Climate change education in New Zealand // *Curriculum Perspectives*. 2017. Vol. 37, N 1. P. 99–102.
175. Eklund E. Negotiating Industrial Heritage and Regional Identity in Three Australian Regions // *The Public Historian*. 2017. Vol. 39, N 4. P. 44–64.
176. Energy intensity and its differences across China's regions: Combining econometric and decomposition analysis / F. Guang, Y. He, L. Wen, B. Sharp // *Energy*. 2019. Vol. 180. P. 989–1000.
177. Ethnotaxonomic systems can reflect the vitality status of indigenous languages and traditional knowledge / M. Franco, S. Hidayati, B. Ghani, B. Ranaivo-Malancon // *Indian Journal of Traditional Knowledge*. 2014. Vol. 14, N 2. P. 175–182.
178. Evans N., Sawyer J. The mining boom: challenges and opportunities for small businesses in regional south Australia // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2009. Vol. 15, N 3. P. 355–372.
179. Eversole R. Economies with people in them: regional futures through the lens of contemporary regional development theory // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2017. Vol. 23, N 3. P. 305–320.
180. Exploring the nature of linkages as a means of examining the potential for business collaboration within a Queensland region / Y. Brunetto, J. Campbell, R. Farr-Wharton, A. Greenhill // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2004. Vol. 10, N 1. P. 29–48.
181. Fels E. *Shifting Power in Asia-Pacific? The Rise of China, Sino-US Competition and Regional Middle Power Allegiance*. Switzerland: Springer International Publishing, 2017. 768 p.
182. Firth S. Future Directions for Pacific Studies // *The Contemporary Pacific*. 2003. Vol. 15, N 1. P. 139–148.

183. Fitriani E. The impact of the EU crisis on EU-ASEAN relations // *Geopolitics, History, and International Relations*. 2014. Vol. 6, N 1. P. 78–93.
184. *Food Security: Best Practices from the Pacific* / Iese V. [et al.]. Suva : Pacific Centre for Environment and Sustainable Development, 2015. 107 p.
185. Ford M., Gillan M. Employment relations and the state in South-east Asia // *Journal of Industrial Relations*. 2006. Vol. 58, N 2. P. 1–16.
186. Freeman C. Japan: a new national system of innovation? // *Technical Change and Economic Theory* / G. Dosi [et al.] (eds). London : Pinter, 1988. P. 330–348.
187. Ganguly R. *Autonomy and Ethnic Conflict in South and South-East Asia*. New York : Routledge, 2012. 176 p.
188. Gao M. Vital factors for Chinese rural development: the reach of the state and lineage identity in villages // *Journal of the Asia Pacific economy*. 2017. Vol. 22, N 4. P. 547–559.
189. Geest K., Khoa N., Thao N. Internal migration in the upper Mekong Delta, Viet Nam: What is the role of climate related stressors? // *Asia-Pacific Population Journal*. 2014. Vol. 29, N 2. P. 25–41.
190. **George Woodcock**. URL: <https://www.britannica.com/biography/George-Woodcock-Canadian-writer> (дата обращения: 08.10.2020).
191. Gerritsen R. A test of the role of universities in regional development: the case of international education students in the Northern territory // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2016. Vol. 22, N 1. P. 125–157.
192. Gertler M. S., Wolfe D. A. The Dynamics of Regional Innovation in Ontario. URL: https://munkschool.utoronto.ca/downloads/ipl/publications/pdfdoc/1998/GertlerWolfe98_dynreginov.PDF (дата обращения: 19.10.2020).
193. Gibson-Graham J. K. 'After' Area Studies? Place-Based Knowledge for our Time // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2016. Vol. 34, Iss. 5. P. 799–806.
194. Gomez J., Ramcharan R. *National human rights institutions in Southeast Asia: selected case studies*. Singapore : Palgrave Macmillan, 2020. 300 p.
195. Goodwin-White J. Hanging together or Falling apart? Estimating City Wage Inequality of Race, Gender, and Ethnicity: 2000-2010 // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2014. Vol. 37, N 1. P. 27–39.
196. Gottmann J. *La politique des Etats et leur geographie*. Paris : Armand Colin, 1952. 225 p.
197. Graduate School of International and Area Studies / Hankuk University of Foreign Studies. URL: https://builder.hufs.ac.kr/user/hufsenglish/gra_3.jsp (дата обращения: 05.10.2020).
198. Gray D., Mills J. A., Zandvakili S. New Perspectives on Canadian National and Regional Income Inequality // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2012. Vol. 35, N 1/3. P. 41–50.

199. Green behavior and financial performance: Impact on the Malaysian fashion industry / Q. Ali, A. Salman, S. Parveen, Z. Zaini // Sage open. 2020. Vol. 10, N 3. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020953179>
200. Grimes W. Walter Isard, Economist Who Studied How Regions Evolve, Dies at 91 // The New York Times. 2010. Nov. 10. URL: <https://www.nytimes.com/2010/11/11/business/economy/11isard.html#:~:text=Walter%20Isard%2C%20an%20economist%20who,He%20was%2091> (дата обращения: 19.10.2020).
201. Hall R. Area Studies: With Special Reference to Their Implications for Research in the Social Sciences. NY. : Social Science Research Council, 1948. 90 p.
202. Hamilton R., Satterthwaite S. Regional spread of high-growth enterprises in New Zealand // Australasian Journal of Regional Studies. 2019. Vol. 25, N 1. P. 26–53.
203. Handbook of Regional Science / ed. Fischer M. M., Nijkamp P. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2014. 1732 p.
204. *Hans Blumenfeld*. URL: <https://www.cip-icu.ca/About/College-of-Fellows/Recipients/Hans-Blumenfeld-FCIP-d> (дата обращения: 10.10.2020).
205. Hansen N. M., Quigley J. M. An Introduction to Regional Science by Walter Isard // Land Economics. 1976. Vol. 52, N 3. P. 407–413.
206. Hastings J. The return of sophisticated maritime piracy to Southeast Asia // Pacific affairs. 2020. Vol. 93, N 1. P. 5–29.
207. Hausing K. Asymmetric federalism and the question of democratic justice in Northeast India // India Review. 2014. Vol. 13, N 2. P. 87–111.
208. Hausing K. Telangana and the politics of state formation in India: recognition and accommodation in a multinational federation // Regional and federal studies. 2018. Vol. 28, N 4. P. 447–468.
209. Hay K. “There is competition”: Facing the reality of field education in New Zealand // Aotearoa New Zealand Social Work. 2018. Vol. 30, N 2. P. 16–27.
210. Hazra S., Bhukta A. Sustainable Development Goals. An indian perspective. Singapore : Springer, 2020. 307 p.
211. Hegarty D., Tryon D. Politics, Development and Security in Oceania. Canberra : ANU press, 2013. 219 p.
212. Heikkilä-Horn M. Southeast Asia, Hinduism in. 2018. https://doi.org/10.1007/978-94-024-1036-5_70-1
213. Helen MacGill Hughes. URL: <https://cwrc.ca/islandora/object/ceww%3Aaf010e3a-f955-4bda-8891-2f103f2cb863> (дата обращения: 10.10.2020).
214. Heryanto A. Can there be southeast asians in Southeast Asian studies? // Moussons. 2002. Vol. 5. P. 3–30.
215. Hetthewa S., Wright C. Nature and importance of small business in regional Australia, with a contrast to studies of urban small businesses // Australasian Journal of Regional Studies. 2018. Vol. 24, N 1. P. 96–121.

216. Hoan T., Chung D., Hoang N. Taiwan – ASEAN Trade Relations: Trade Structure and Trade in Value Added // China report. 2019. Vol. 55, N 2. P. 102–124.
217. Hoang C., Satyal P., Corbera E. ‘This is my garden’: justice claims and struggles over forests in Vietnam’s REDD+ // Climate policy. 2019. Vol. 19, N 1. P. 23–35.
218. Hoang H., Goujon M. Determinants of intra-region and extra-region Foreign Direct Investment inflow in ASEAN: a spatial econometric analysis // Applied Spatial Analysis and Policy. 2019. Vol. 12. P. 965–982.
219. Hoang N., Truong H., Dong C. Determinants of trade between Taiwan and ASEAN countries: a PPML estimator approach // Sage open. 2020. Vol. 10, N 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244020919516>
220. Holmes J. Maori and Pakeha English: Some New Zealand social dialect data // Language in Society. 1997. Vol. 26, N 1. P. 65–101.
221. Huda M. Energy cooperation in South Asia: Utilizing Natural Resources for Peace and Sustainable Development. London : Routledge, 2020. 208 p.
222. Human ecological effects of tropical storms in the coastal area of Ky Anh (Ha Tinh, Vietnam) / T. Nguyen [et al.] // Environment, Development and Sustainability. 2017. Vol. 19. P. 745–767.
223. Huotari M., Ruland J., Schlehe J. Methodology and research practice in Southeast Asian studies. London : Palgrave Macmillan, 2014. 330 p.
224. Improving emergency preparedness and response in the Asia-Pacific / B. Marais [et al.] // BMJ Global Health. 2019. Vol. 4, N 1. P. 1–5.
225. Intertemporal consumption behaviour in OIC countries / S. Shaikh, M. Ismail, A. Ismail, S. Shahimi, M. Mohd Shafiai // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. 2018. Vol. 11, N 4. P. 529–552.
226. IQ driving QI: the Asia Pacific Consortium on Osteoporosis (APCO): an innovative and collaborative initiative to improve osteoporosis care in the Asia Pacific / M. Chandran [et al.] // Osteoporosis International. 2020. <https://doi.org/10.1007/s00198-020-05495-w>
227. Is South Asian Agriculture Adapting to Climate Change? Evidence from the Indo-Gangetic Plains / H. Ojha [et al.] // Agroecology and Sustainable Food Systems. 2014. Vol. 38, N 5. P. 505–531.
228. Isserman A. M. Intellectual Leaders of Regional Science: A Half-Century citation Study // Papers in Regional Science. 2003. N 83. P. 91–126.
229. Isserman A. M. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective // International Regional Science Review. 1995. N 17 (3). P. 249–296.
230. Jathol I., Rehman S. From state to human security in South Asia // Journal of Politics and International Studies. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 173–181.

231. Jeffery C. *The Regional Dimension of the European Union: Towards a Third Level in Europe?* NY. : Routledge, 2015. 240 p.
232. Jereza V. Many identities, many communities: religious freedom amidst religious diversity in Southeast Asia // *The Review of Faith & International Affairs*. 2016. Vol. 14, N 4. P. 89–97.
233. Jha R. *Routledge Handbook of South Asian Economics*. New York : Routledge, 2011. 348 p.
234. Johansson-Fua S., Nabobo-Baba U., Otunuku M. *Of Waves, Winds and Wonderful Things: A Decade of Rethinking Pacific Education*. Suva : USP Press, 2014. 205 p.
235. Johansson-Fua S., Manu S., Takapautolo T., Taufe-ulungaki A. *Sustainable Livelihood and Education in the Pacific: Tonga Pilot*. Suva : USP Press, 2007. 70 p.
236. Jones A., Moreland J. *Technology Education in New Zealand* // *The Journal of Technology Studies*. 2002. Vol. 28, N 2. P. 130–134.
237. Joon-Kyo Seo. *Balanced National Development Strategies: The Construction of Innovation Cities in Korea* // *Land Use Policy*. 2009. Vol. 26. P. 649–661.
238. Jowitt A., Cain T. *Passage of Change: Law, Society and Governance in the Pacific*. Canberra : ANU press, 2010. 357 p.
239. Kallivayalil R. *Mental health issues in South Asia region* // *Indian Journal of Psychiatry*. 2004. Vol. 46, N 4. P. 295–298.
240. Karl Polanyi. *The Great Transformation and a New Political Economy*. URL: <https://warwick.ac.uk/newsandevents/features/polanyi/> (дата обращения: 19.10.2020).
241. Kelley L. *The Decline of Asian Studies in the West and the Rise of Knowledge Production in Asia: An Autoethnographic Reflection on Mobility, Knowledge pProduction, and Academic Discourses* // *Research in Comparative & International Education*. 2020. Vol. 15, N 3. P. 273–290.
242. Kelly A., Dollery B., Grant B. *Regional development and local government: three generations of federal interventions* // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2009. Vol. 15, N 2. P. 171–193.
243. Kenny P. *Populism and the War on Drugs in Southeast Asia* // *The brown journal of world affairs*. 2019. Vol. 25, N 2. P. 121–136.
244. Kham Khan Suan H. *Rethinking ‘tribe’ identities: The politics of recognition among the Zo in north-east India* // *Contributions to Indian Sociology*. 2011. Vol. 45, N 2. P. 157–187.
245. Kim Sang Mook, Park Min Jae. *Evaluation of Cross-National Global Market Segmentation and Strategy: The Case of Korean Wave for ASEAN Countries* // *Asia Pacific Management Review*. 2020. Vol. 25. P. 207–215.
246. Kim Yumi, Kim Sang-Woo, Yoon Soon-Chang et al. *Characteristics of Formation and Growth of Atmospheric Nanoparticles Observed at Four Regional Background Sites in Korea* // *Atmospheric Research*. 2016. Vol. 168. P. 80–91.

247. Kitagawa F. Policy Reforms, New University-Industry Links and Implications for Regional Development in Japan // *Papers in Innovation Studies / Lund University, CIRCLE – Center for Innovation, Research and Competences in the Learning Economy*. 2008. N 2008/8. URL: <http://www.circle.lu.se/publications/> (дата обращения: 29.10.2020).
248. Kitagawa F. Regionalization of innovation policies: the case of Japan // *European Planning Studies*. 2005. N 13. P. 601–618.
249. Koch N. Is a “Critical” Area Studies Possible? // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2016. Vol. 34, Iss. 5. P. 807–814.
250. Kohler G. Policies Toward Social Inclusion: A South Asian Perspective // *Global Social Policy*. 2009. Vol. 9, N 1. P. 24–29.
251. Kominos N. Regional intelligence: Distributed localised information systems for innovation and development // *International Journal of Technology Management*. 2004. Vol. 28. P. 483–506.
252. Korea Foundation. URL: <https://en.kf.or.kr/?menu=3771> (дата обращения: 02.11.2020).
253. Kuijper H. Redesigning Area/Country Studies // *Journal of Globalization Studies*. 2017. Vol. 8, N 2. P. 42–67.
254. Kumar M., Begam A., Noman N. Trade Facilitation and Regional Integration in South Asia // *Sindh Economics & Business Review International*. 2020. Vol. 1, N 2. P. 11–36.
255. Kumar Rai R. Social exclusion of dalits in eastern Nepal // *Intellectual Integrity*. 2016. Vol. 1, N 1. P. 224–234.
256. Kumaraswamy P. *South Asia: The spectre of terrorism*. New Delhi: Routledge, 2009. 196 p.
257. Kwak Yo., Park Ch., Deal B. Discerning the Success of Sustainable Planning: A Comparative Analysis of Urban Heat Island Dynamics in Korean New Towns // *Sustainable Cities and Society*. 2020. Vol. 61. Article number 102341.
258. Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae. Regional Preferences for the Living Environment and Mobility of Researchers and General Workers: the Case of Korea // *The Annals of Regional Science*. 2019. Vol. 62. P.169–186.
259. Leven C. Obituary William Alonso // *Urban Studies*. 1999. Vol. 36, Iss. 8. P. 1427–1430.
260. Lewis M. W. *Locating Asia Pacific: The Politics and Practice of Global Division // Remaking Area Studies Teaching and Learning Across Asia and the Pacific / ed. Wesley-Smith T., Goss J. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2010. P. 41–66.*
261. Lian K., Rahman M., Alas Y. *International migration in Southeast Asia: Continuities and Discontinuities*. Singapore : Springer, 2016. 216 p.
262. Linton S. Deciphering the landscape of international humanitarian law in the Asia-Pacific // *International Review of the Red Cross*. 2019. Vol. 101, N 911. P. 737–770.

263. Long-Term Warming Trends in Korea and Contribution of Urbanization: An Updated Assessment / Park Bo-Joung, Kim Yeon-Hee, Min Seung-Ki, Kim Maeng-Ki, Choi Youngeun, Boo Kyung-On, Shim Sungbo // *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*. 2017. Vol. 122. P. 10637–10654.
264. Lortie P. The Changing Strains of Federalism // *Policy Options*. 2020. Feb. 13. URL: <https://policyoptions.irpp.org/magazines/february-2020/the-changing-strains-of-federalism/> (дата обращения: 19.10.2020).
265. Lovlin T., Seasons M. A History of the Core Curriculum of Planning Education in Canada // *Canadian Journal of Urban Research*. 2014. Vol. 23, Iss. 11. P. 98–115.
266. Mangioni V. Land value taxation: opportunity and challenges for funding regional Australian and New Zealand // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2018. Vol. 24, N 2. P. 191–212.
267. Mansbridge J. *Self-Interest in Political Life* // *Political Theory*: Sage Publications. 1990. Vol. 18, N 1. P. 132–153.
268. Mapping national REDD+ initiatives in the Asia-Pacific region / T. Maraseni [et al.] // *Journal of Environmental Management*. 2020. Vol. 269. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110763>
269. Marchand Y., Breau S., Essletzbichler J. How does Inequality Affect Growth? Evidence from a Panel of Canadian Regions // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2019. Vol. 42, N 2. P. 130–139.
270. Marinelli-Poole A., McGilvray A., Lynes D. New Zealand health leadership // *Leadership in Health Services*. 2011. Vol. 24, N 4. P. 255–267.
271. Markusen A. Two Frontiers for Regional Science: Regional Policy and Interdisciplinary Research // *Papers in Regional Science*. 2002. Vol. 81. P. 279–290.
272. Martin F., Dragojlovic A. Gender, Mobility Regimes, and Social Transformation in Asia // *Journal of intercultural studies*. 2019. Vol. 40, N 3. P. 275–286.
273. Marzęda-Młynarska K. Food Security Governance in the Southeast Asia Region: from National to Regional Governance // *Historia i Polityka*. 2017. N 20 (27). P. 31–48.
274. Mayer H., Renouf T. Rural Medical Education in New Zealand // *Cureus*. 2016. Vol. 8, N 10. <https://doi.org/10.7759/cureus.826>
275. McCall L. Spatial Routes to Gender Wage (In)equality: Regional Restructuring and Wage Differentials by Gender and Education // *Economic Geography*. 1998. Vol. 74, N 4. P. 379–404.
276. McCubbine J., Stagpoole V., Caratori Tontini F., Amos M., Smith E., Winefield R. Gravity anomaly grids for the New Zealand region // *New Zealand Journal of Geology and Geophysics*. 2017. Vol. 60, N 4. P. 381–391.
277. McDonald M., Critical security in the Asia-Pacific: an introduction // *Critical studies on security*. 2017. Vol. 5, N 3. P. 237–252.

278. McLean R., Mendis K., Canalese J. A ten-year retrospective study of unplanned hospital readmissions to a regional Australian hospital // *Australian Health Review*. 2008. Vol. 32, N 3. P. 537–547.
279. Meek V., Suwanwela C. Higher Education, Research, and Knowledge in the Asia-Pacific Region. New York : Palgrave Macmillan, 2006. 240 p.
280. Miichi K., Farouk O. Southeast Asian muslims in the era of Globalization. London : Palgrave Macmillan, 2015. 271 p.
281. Miller M., Rigg J., Taylor D. Governing transboundary commons in Southeast Asia // *Asia Pacific Viewpoint*. 2020. Vol. 61, N 2. P. 185–189.
282. Mills G. Which way for welfare in the South Pacific? // *International social work*. 2015. Vol. 45, N 2. P. 239–250.
283. Mir M., Ahmed Z. Ethnic conflicts in South Asia: impediments to regional integration // *World affairs*. 2020. Vol. 24, N 3. P. 10–19.
284. Mission Statement // German Association for Asian Studies (DGA). URL: <http://asienforschung.de/about/mission-statement/?lang=en> (дата обращения: 12.10.2020).
285. Mission Statement // European Association for American Studies. URL: <https://eaas.eu/about-eaas/mission-statement> (дата обращения: 31.10.2020).
286. Mohiuddin A. Islamic Revival in South Asia // *Handbook of Contemporary Islam and Muslim Lives / Lukens-Bull R., Woodward M. (eds.)*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73653-2_102-2
287. Mongkol K. The Critical Review of New Public Management Model and its Criticisms // *Research Journal of Business Management*. 2011. Vol. 5, Iss. 1. P. 35–43.
288. Mullins P., Burns L. The fiscal regime for deep sea mining in the Pacific region // *Marine Policy*. 2018. Vol. 95. P. 337–345.
289. Multi-model projections of precipitation extremes in Southeast Asia based on CORDEX-Southeast Asia simulations / Supari [et al.] // *Environmental Research*. 2020. Vol. 184. <https://doi.org/10.1016/j.envres.2020.109350>
290. Nabobo-Baba U. Decolonising Framings in Pacific Research: Indigenous Fijian Vanua Research Framework as an Organic Response // *AlterNative*. 2008. Vol. 4, N 2. P. 140–154.
291. Naepi S. Masi methodology: centring Pacific women’s voices in research // *AlterNative*. 2019. Vol. 15, N 3. P. 234–242.
292. Naepi S. Navigating the currents of kaupapa Māori and Pan-Pacific research methodologies in Aotearoa New Zealand // *MAI journal*. 2015. Vol. 4, N 1. P. 71–84.
293. National nutrition strategies that focus on maternal, infant, and young child nutrition in Southeast Asia do not consistently align with regional and international recommendations / T. Nguyen [et al.] // *Matern Child Nutrition*. 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/mcn.12937>

294. Naufahu M. A Pasifika research methodology: Talaloto // *Waikato Journal of Education*. 2018. Vol. 23, N 1. P. 15–24.
295. Nel E. Introduction: Regional and local development in Australia and New Zealand // *Local Economy*. 2015. Vol. 30, N 1. P. 3–4.
296. Newton T. Policing in the South Pacific Islands // *The Police Journal: Theory, Practice and Principles*. 1998. Vol. 71, N 4. P. 349–352.
297. Nizam I., Hassan Z. The impact of good governance of foreign direct investment inflows: a study on the South Asia region // *International Journal of Accounting & Business Management*. 2018. Vol. 6, N 1. P. 66–79.
298. Noor N., Ismail A., Shafiai M. Shariah risk: its origin, definition, and application in islamic finance // *Sage open*. 2018. Vol. 8, N 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244018770237>
299. Nurbaiti. Islamic education: the main path of islamization in Southeast Asia // *Jurnal Pendidikan Islam*. 2019. Vol. 8, N 2. P. 345–374.
300. O'Brien A. Community Treatment Orders in New Zealand: Regional Variability and International Comparisons // *Australasian Psychiatry*. 2014. Vol. 22, N 4. P. 352–356.
301. O'Brien K. L., Leichenko R. M. Double exposure: assessing the impacts of climate change within the context of economic globalization // *Global Environmental Change*. 2010. N 10. P. 221–232.
302. O'Connor K. Rethinking globalization and urban development: the fortunes of second-ranked cities // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2002. Vol. 8, N 2. P. 247–260.
303. O'Hallahan J., Church E., Shaw C. Cancer screening in New Zealand // *Journal of Cancer Policy*. 2020. Vol. 23. Art. 100203. <https://doi.org/10.1016/j.jcpo.2019.100203>
304. Ocean governance in the South Pacific region: Progress and plans for action / J. Vince, E. Brierley, S. Stevenson, P. Dunstan // *Marine Policy*. 2017. Vol. 79. P. 40–45.
305. Odagiri H., Goto A. The Japanese system of innovation: past, present, and future // *National Innovation Systems* / ed. by R. R. Nelson. Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 76–114.
306. Oh Deog-Seong, Kim Kyung-Bae, Jeong Sook-Young. Eco-Industrial Park Design: a Daedeok Technovalley Case Study // *Habitat International*. 2005. Vol. 29, N 2. P. 269–284.
307. Oh Deog-Seong, Lee Eung-Hyun. Endogenous Development Strategy of Technopolis in Korea: Case of Daedeok INNOPOLIS // *World Technopolis Review*. 2016. Vol. 5, N 1. P. 2–18.
308. Oh Deog-Seong. High-Technology and Regional Development Policy: An Evaluation of Korea's Technopolis Programme // *Habitat International*. 1995. Vol. 19, N 3. P. 253–267.
309. Oh Deog-Seong. Technology Based Regional Development Policy: Case Study of Taedok Science Town, Taejon Metropolitan City, Korea // *Habitat International*. 2002. Vol. 26, N 2. P. 213–228.

310. Ordoñez de Pablos P., Almunawar M., Abduh M. Economics, Business, and Islamic Finance in ASEAN Economics Community. IGI Global: Hershey, 2020. 374 p.

311. Organization. URL: <https://krsa83.or.kr/37> (дата обращения: 02.11.2020).

312. Pacific Research Protocols from the University of Otago / J. Bennet, M. Brunton, J. Bryant-Tokalau, F. Sopoaga, N. Weaver // *The Contemporary Pacific*. 2013. Vol. 25, N 1. P. 95–124.

313. Palda F. Provincial Trade Wars: Why the Blockade Must End. Vancouver : The Fraser Institute, 1994. 170 p.

314. Park Chuhwan, Chung Mo, Lee Sukgyu. The Effects of Oil Price on Regional Economies with Different Production Structures: A Case Study from Korea Using a Structural VAR Model // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. P. 8185–8195.

315. Park Sung-Hyun. A Strategic Approach to Policy Tasks for the Development of Korea's Island Areas // *Journal of Marine and Island Cultures*. 2016. Vol. 5. P. 14–21.

316. Partwary O., Chakma A. A study on the terrorism of South Asia // *Social science review (The Dhaka university studies, part-D)*. 2013. Vol. 30, N 2. P. 215–224.

317. Past Conferences. URL: <https://www.koreanstudies.eu/conferences/past-conferences/> (дата обращения: 12.10.2020).

318. Perrière B. Spirit possession: an autonomous field of practice in the burmese buddhist culture // *The Journal of Burma Studies*. Vol. 20, N 1. P. 1–29.

319. Petroleum consumption and economic growth relationship: evidence from the indian states / S. Narayan, T. Le, B. Narayan Rath, N. Doytch // *Asia-Pacific Sustainable Development Journal*. 2019. Vol. 26, N 1. P. 21–65.

320. Phi V., Dang T. Selected mode of transportation index (SMT) and its impact on firm performance: the case study of the west-southern of Vietnam // *Transportation Research Procedia*. 2020. Vol. 45. P. 343–351.

321. Piper N., Rosewarne S., Withers M. Redefining a Rights-Based Approach in the Context of Temporary Labour Migration in Asia. Geneva : UNRISD, 2016. 21 p.

322. Polèse M. From Regional Development to Local Development: On the Life, Death and Rebirth (?) of Regional Science as a Policy Relevant Science // *Canadian Journal of Regional Science*. 1999. Vol. 22, Iss. 3. P. 300–314.

323. Polèse M. On the Origins of Regional Science and the Birth of Canadian Regional Science: Reminiscences of an Old Warrior // *Canadian Journal of Regional Science*. 2019. Vol. 22, N 2. P. 93–98.

324. Poot J., Roskrug M. Population Change and Impacts in Asia and the Pacific. Singapore : Springer, 2019. 358 p.

325. Porter M. Clusters and the new economies of competitiveness // *Harvard Business Review*. 1998. December. P. 77–90.
326. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. London : Macmillan, 1990.
327. Prasajo Z., Elmansyah., Haji Masri M. Moderate Islam and the social construction of multi-ethnic communities in the hinterland of West Kalimantan // *Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies*. 2019. Vol. 9, N 2. P. 217–239.
328. Pratt F. Isabel Atkinson // *Western People*. 1985.
329. Primary healthcare policy implementation in South Asia / C. Weel [et al.] // *BMJ Global Health*. 2016. Vol. 1. URL: <https://gh.bmj.com/content/bmjgh/1/2/e000057.full.pdf>
330. Qurtuby S. Southeast Asia: history, modernity and religious change // *Borneo Journal of Religious Studies*. 2013. Vol. 2, N 2. P. 145–168.
331. Rahman M. China-South Asia cooperation: CSOs in perspective // *Biiss Journal*. 2013. Vol. 34, N 3. P. 253–271.
332. Reddy V., Hall A., Sulaiman R. Locating research in agricultural innovation trajectories: Evidence and implications from empirical cases from South Asia // *Science and Public Policy*. 2012. Vol. 39. P. 476–490.
333. Regional Australia Institute Limited constitution, 2011 / Final version. September, 2011. URL: http://www.regionalaustralia.org.au/wp-content/uploads/2013/06/Constitution_-_Regional_Australia_Institute_Limited_FINAL.pdf
334. *Regional Intelligence. Spatial Analysis and Anthropogenic Regional Challenges in the Digital Age* / ed. Vaz E. Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2020. 249 p.
335. *Research and Policy to Achieve Healthy Aging in Asia: Recommendations from an Expert Workshop* / P. Ng Tze, M. Balasubramanyam, M. Fenech, R. Head, M. Amarra, S. Loke // *Open Longevity Science*. 2013. Vol. 7. <http://dx.doi.org/10.2174/1876326X01307010001>
336. Resnick P. *The Politics of Resentment: British Columbia Regionalism and Canadian Unity*. Vancouver : UBS Press, 2000. 184 p.
337. Reynolds D. *From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s*. Oxford University Press, 2006. 376 p.
338. Robertson S., Ho E. Temporalities, materialities and connecting locales: migration and mobility in Asia-Pacific cities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 42, N 14. P. 2263–2271.
339. Rochford F. Failure to thrive: water policy and rural depopulation // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2017. Vol. 23, N 2. P. 261–294.
340. Rodríguez D. A., Kang Chang-Deok. A Typology of the Built Environment around Rail Stops in the Global Transitoriented City of Seoul, Korea // *Cities*. 2020. Vol. 100. Article N 102663.

341. Rosow S. J. Toward an Anti-Disciplinary Global Studies // *International Studies Perspectives*. 2003. N 4. P. 1–14.
342. Rozmus C., Sharma K., Szmedra P. Differences in health-promotion behavior among the chronically ill in three South Pacific island countries // *Development in Practice*. 2007. Vol. 17, N 2. P. 291–300.
343. RSAI Worldwide. URL: <https://www.regionalscience.org/index.php/about-us/rsai-worldwide.html> (дата обращения: 19.10.2020).
344. Rugman A. M. Globalization, Regional Multinationals and Asian Economic Development // *Asian Business & Management*. 2008. Vol. 9, N 3. P. 299–317.
345. Rural crime in Australia: contemporary concerns, recent research and future directions / P. Jobes, E. Barclay, J. Donnermeyer, A. Graycar // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2001. Vol. 7, N 1. P. 3–21.
346. Safire W. *China watchers*. Safire's Political Dictionary. Oxford University Press, 2008. P. 118–119.
347. Sahoo P., Nataraj G., Kumar Dash R. Foreign direct investment in South Asia: policy, impact, determinants and challenges. New Delhi : Springer, 2014. 357 p.
348. Sam D. *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 576 p.
349. Sanga K., Reynolds M. To know more of what it is and what it is not: Pacific research on the move // *Pacific Dynamics*. 2017. Vol. 1, N 2. P. 198–204.
350. Sannan M., Nageswararao M. Mohanty U. Performance evaluation of CORDEX-South Asia simulations and future projections of northeast monsoon rainfall over south peninsular India // *Meteorology and Atmospheric Physics*. 2020. Vol. 132. P. 743–770.
351. Satterthwaite D., McGranahan G., Tacoli C. Urbanization and its Implications for Food and Farming // *Philosophical Transactions of the Royal Society. Biological Sciences*. 2010. Vol. 365. P. 2809–2820.
352. Sen A., Seth S. Gender Identity of the Girl Child in South Asia // *Canadian woman studies*. 1995. Vol. 15, N 2. P. 58–63.
353. Shah I. H., Dong Liang, Park Hung-Suck. Tracking Urban Sustainability Transition: An Eco-Efficiency Analysis on Eco-Industrial Development in Ulsan, Korea // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 262. Article N 121286.
354. Shrestha S. Cultural practices and environment along the Bishnumati river in Kathmandu // *The Geographical Journal of Nepal*. 2009. Vol. 7, N 2. P. 53–60.
355. Shrotryia V. *Human Well-Being and Policy in South Asia*. Singapore : Springer, 2019. 171 p.
356. Sidaway J. D. Geography, Globalization, and the Problematic of Area Studies // *Annals of the Association of American Geographers*. 2013. Vol. 103, N 4. P. 984–1002.

357. Sikdar P., Pradip K. Groundwater Development and Management. Issues and Challenges in South Asia. Singapore : Springer, 2019. 534 p.
358. Singh B., Keitsch M. Cultural sustainability and the negotiation of public space - the case of Indrachowk square, Kathmandu, Nepal // *Journal of Sustainable Development*. 2014. Vol. 7, N 3. P. 129–139.
359. Sirapangi S. Annotated critical deliberation on the ‘Annihilation of Caste’ // *The Criterion: An International Journal in English*. 2014. Vol. 8, N 2. P. 1266–1268.
360. Slocum K., Thomas D. H. Rethinking Global and Area Studies: Insights from Caribbeanist Anthropology // *American Anthropologist*. 2003. Vol. 105(3). P. 553–565.
361. Smith D. B. Honoré Jaxon: Prairie Visionary. Regina : Coteau Books, 2007. 294 p.
362. Smith L., Dargusch P., Thomas L. The Economic Drivers and Environmental Outcomes of the Clean Development Mechanism in Vietnam // *Annals of Tropical Research*. 2011. Vol. 33, N 1. P. 121–141.
363. Smith N. Remapping Area Knowledge: Beyond Global/Local // *Remaking Area Studies Teaching and Learning Across Asia and the Pacific* / ed. Wesley-Smith T., Goss J. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2010. P. 24–40.
364. Snelder T. Development of an Ecologic Marine Classification in the New Zealand Region // *Environmental Management*. 2006. Vol. 39, N 1. P. 12–29.
365. Sorensen A. Megalopolitan development and the transformation of rural Japan: sustainability implications of extended metropolitan regions in Asia // *Human Settlement Development*. Vol. 1 / ed. S. Sassen. Eloss Publishers Co. Ltd, Oxford, 2003. P. 186–206.
366. Sorensen T. The psychology of regional development // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2010. Vol. 16, N 1. P. 85–98.
367. Southcott C. Sociology and Regional Science in Canada // *Canadian Journal of Regional Science*. 1994. Vol. 17, N 3. P. 329–349.
368. Speech on 30 years of AKSE history by Dr. Daniel Bouchez, April 2007. URL: <https://www.koreanstudies.eu/constitution-history/history/> (дата обращения: 12.10.2020).
369. Srivastava R. Managing urbanization, climate change and disasters in South Asia. Singapore: Springer, 2019. 469 p.
370. Stanley T., Kelly S. Weaving Sociology into New Zealand Social Work Education // *Social Work Education*. 2010. Vol. 29, N 6. P. 683–694.
371. Steward G. Kaupapa Māori science. Hamilton, NZ: The University of Waikato, 2007. 231 p.
372. Suaalii-Sauni T., Fulu-Aiolupotea S. Decolonising Pacific research, building Pacific research communities and developing Pacific research tools: The case of the talanoa and the faafaletui in Samoa // *Asia Pacific Viewpoint*. 2014. Vol. 55, N 3. P. 331–344.

373. *Sustainable Diplomacies* / C. Constantinou [et al.]. Cham : Palgrave Macmillan, 2010. 289 p.
374. Teaiwa T. K. For or Before an Asia Pacific Studies Agenda? Specifying Pacific Studies // *Remaking Area Studies Teaching and Learning Across Asia and the Pacific* / ed. Wesley-Smith T., Goss J. Honolulu : University of Hawai'i Press, 2010. P. 110–124.
375. Teaiwa T. On Analogies: Rethinking the Pacific in a Global Context // *The Contemporary Pacific*. 2006. Vol. 18, N 1. P. 71–87.
376. Teaiwa T., Marsh S. Albert Wendt's Critical and Creative Legacy in Oceania: An Introduction // *The Contemporary Pacific*. 2010. Vol. 22, N 2. P. 233–248.
377. *Technopolis. Best Practices for Science and Technology Cities* / ed. Oh Deog-Seong, Phillips F. London : Springer-Verlag, 2014. 506 p.
378. Tecun A., Hafoka I., 'Ulu'ave L., 'Ulu'ave-Hafoka M. Talanoa : Tongan epistemology and Indigenous research method // *AlterNative*. 2018. Vol. 14, N 2. P. 156–163.
379. *Terrorism and War on Terror in South Asia: A Threat to National Sovereignty of Pakistan* / G. Mustafa, M. Imran, M. Ismail, M. Arslan // *Journal of the Research Society of Pakistan*. 2020. Vol. 57, N 2. P. 107–113.
380. Thakur R. American policy in South Asia: regional fallout of global strategy // *Political Science*. Vol. 36, N 2. P. 145–161.
381. Tham A., Ruhanen L., Raciti M. Tourism with and by Indigenous and ethnic communities in the Asia Pacific region: a bricolage of people, place // *Journal of Heritage Tourism*. 2020. Vol. 15, N 3. P. 243–248.
382. The Korean Studies Institute. URL: <http://www.koreastudy.or.kr/en/pubConts.do> (дата обращения: 02.11.2020).
383. The Local Government System in New Zealand, Country Profile. 2017. URL: http://www.clgf.org.uk/default/assets/File/Country_profiles/New_Zealand.pdf
384. The national mental health strategy and geographical access to mental health services: some empirical results / D. P. Doessel, R. Scheurer, D. Chant, H. Whiteford // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2006. Vol. 12, N 2. P. 233–257.
385. *The SAGE Handbook of Asian Foreign Policy* / Inoguchi T. [et al.]. Thousand Oaks : SAGE Publishing, 2019. 1252 p.
386. The social, economic, and environmental implications of biomass ethanol production in China: A multi-regional input-output-based hybrid LCA model / C. Wang [et al.] // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 249. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119326>
387. The Theory, Practice, and Potential of Regional Development: The Case of Canada. URL: <https://www.regionalstudies.org/news/the-theory-practice-and-potential-of-regional-development-the-case-of-canada/> (дата обращения: 19.10.2020).

388. The transition from graduation to work: challenges and strategies in the twenty-first century Asia Pacific and beyond / S. Dhakal, V. Prikshat, A. Nankervis, J. Burgess. Singapore : Springer, 2019. 263 p.
389. Thomas J. Courchene // Queen's University. URL: <https://www.queensu.ca/iigr/sites/webpublish.queensu.ca.iigrwww/files/files/about/Fellows/Courchene/CV.pdf> (дата обращения: 09.11.2020).
390. Tisch D., Hamilton-Hart N. An affective explanation of climate beliefs: evidence from dairy farmers in New Zealand // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2019. Vol. 25, N 1. P. 115–132.
391. Tobing F., Indradjaja E. Islamic state in Iraq and Syria (ISIS) and its impact in Indonesia // *Global: Jurnal Politik Internasional*. 2019. Vol. 21, N 1. P. 101–125.
392. Toland J., Yoong P. The development of learning regions in New Zealand: The “6-I” framework // *Australasian Journal of Regional Studies*. 2012. Vol. 18, N 3. P. 283–314.
393. Tolentino E., Ham M. The entrapment of asymmetry: the Philippines between the US and China // *Bandung Journal of Global South*. 2015. Vol. 1, N 2. URL: <https://bandungjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40728-015-0016-8>
394. Toumbourou T. Asia-Pacific Lessons from the Clean Development Mechanism // *Alternative Law Journal*. 2011. Vol. 36, N 1. P. 54–55.
395. T'oung Pao. Brill publishing house. URL: <https://brill.com/view/journals/tpao/tpao-overview.xml> (дата обращения: 06.10.2020).
396. Transforming urban dichotomies and challenges of South Asian megacities: rethinking sustainable growth of Dhaka, Bangladesh / M. Swapan [et al.] // *Urban science*. 2017. Vol. 31. N 1. P. 1–31.
397. Trentmann F. *Free Trade Nation: Commerce, Consumption, and Civil Society in Modern Britain*. Oxford : Oxford University Press, 2008. 450 p.
398. Trundle A. Resilient cities in a Sea of Islands: Informality and climate change in the South Pacific // *Cities*. 2020. Vol. 97. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.102496>
399. Tudor K., Viljoen B. Counselling and psychotherapy of and in the South Pacific // *Asia Pacific Journal of Counselling and Psychotherapy*. 2018. Vol. 9, N 1. P. 3–19.
400. Tunufa'I L. Pacific Research: Rethinking the Talanoa 'Methodology' // *New Zealand Sociology*. 2016. Vol. 31, N 7. P. 227–239.
401. Using ethnotaxonomy to assess traditional knowledge and language vitality: A case study with the Vaie people of Sarawak, Malaysia / S. Hidayati, B. Ghani, B. Giridharan, M. Hassan, M. Franco // *Ethnobiology Letters*. 2018. Vol. 9, N 2. P. 33–47.
402. Using Ethnotaxonomy to assess Traditional Knowledge and Language vitality: A case study with the Urang Kanekes (Baduy) of Banten, Indonesia / S. Hidayati, N. Suansa, S. Franco, M. Franco // *Indian Journal of Traditional Knowledge*. 2017. Vol. 16, N 4. P. 576–582.

403. Vaioleti T. Talanoa research methodology: a developing position on pacific research // *Waikato Journal of Education*. 2006. Vol. 12, N 1. P. 21–34.
404. Van Trinh L., Gibson J., Oxley L. Measuring the stock of human capital in New Zealand // *Mathematics and Computers in Simulation*. 2005. Vol. 68, N 5. P. 484–497.
405. Vickerman R. Regional Science in Crisis? A European View // *Papers in Regional Science*. 1994. Vol. 73, N 1. P. 33–36.
406. Vivó Jorge A. WorldCat Identities. URL: <http://worldcat.org/identities/lccn-n50013493/> (дата обращения: 09.10.2020).
407. Wahab A., Khairi A. Smuggling of Rohingyas from Myanmar to Malaysia: A threat to human security // *Akademika*. 2020. Vol. 90, N 3. P. 27–37.
408. Wairiu M. Land degradation and sustainable land management practices in Pacific Island Countries // *Regional Environmental Change*. 2017. Vol. 17, N 4. P. 1053–1064.
409. Wallace C. Earthquakes in the New Zealand Region // *New Zealand Journal of Geography*. 1995. Vol. 99, N 1. P. 3–17.
410. Weaver C., Gunton T. J. From Drought Assistance to Megaprojects: Fifty Years of Regional Theory and Policy in Canada // *The Canadian Journal of Regional Science*. 1982. N 1. P. 5–37.
411. Wesley-Smith T., Goss J. *Remaking Area Studies: Teaching and Learning Across Asia and the Pacific*. Honolulu : University of Hawaii Press, 2010. 243 p.
412. What is the AFEA? / French Association for American studies. URL: <http://www.afea.fr/What-is-the-AFEA.html> (дата обращения: 11.10.2020).
413. What we do // Česko-korejská společnost. URL: <http://www.cks-korea.cz/what-we-do/> (дата обращения: 12.10.2020).
414. Why Are There So Few Carbon Offset Projects in Pacific Island Countries? / P. Dargusch, S. McMahon, S. Thomas, R. Collins // *Annals of Tropical Research*. 2011. Vol. 33, N 1. P. 101–119.
415. Wibisono A. ASEAN-China Non-Traditional Security Cooperation and the Inescapability of the Politics of Security // *Global & Strategis*. 2017. Vol. 11, N 1. P. 39–54.
416. Wibisono A., Kusumasomantri A. Assessing the expectations and limitations of ASEAN-EU counter-terrorism cooperation // *ASEAN Studies*. 2020. Vol. 8, N 1. P. 61–80.
417. Wilsem B., Rogers S. Planned resettlement to avoid climatic hazards: What prospects for just outcomes in China? // *Asia Pacific Viewpoint*. 2019. Vol. 60, N 2. P. 118–131.
418. Woolgar L. New Institutional Policies for University-Industry Links in Japan // *Research Policy*. 2007. N 36. P.1261–1274.

419. Yang C., Lawson G., Sim J. Digitisation of Scenic and Historic Interest Areas in China // ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2015. Vol. 2-5. W3. P. 363–369.

420. Yunanto S., Samhudi G. Different Interests Explain Different Proposals: The Contestation of Indo-Pacific Cooperation Framework between ASEAN and the US // Global & Strategis. 2019. Vol. 13, N 2. P. 1–16.

Литература на испанском языке

421. Cerutti M. Monterrey y su ámbito regional (1850-1910). Referencia histórica y sugerencias metodológicas // Secuencia. 1989. Núm. 15. P. 17–38.

422. Delgado Campos G. J. Reinventar la Ciudad y su Región // Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales. 1991. Vol. 36, N 145. P. 27–38.

423. Dr. Ángel Bassols Batalla // Academia Mexicana de Economía Política. URL: <http://amepmexico.com.mx/angel-bassols-batalla/> (дата обращения: 09.10.2020).

424. Dr. David Peter Barkin Rappaport // Universidad Autónoma Metropolitana. URL: http://dcsh.xoc.uam.mx/produccioneconomica/MDCE/david_barkin.html (дата обращения: 09.10.2020).

425. Emilio Alanís Patiño // YUMPU. URL: <https://www.yumpu.com/es/document/read/38292653/ing-emilio-alanis-patino-1905-1998> (дата обращения: 09.10.2020).

426. Fernando Carmona de la Peña // Academia Mexicana de Economía Política. URL: <http://amepmexico.com.mx/fernando-carmona-de-la-pena/> (дата обращения: 19.10.2020).

427. Fernando Carmona de la Peña // Red Latinoamericana Celso Furtado. URL: <http://www.redcelsofurtado.edu.mx/carmona.html> (дата обращения: 09.10.2020).

428. Garza F. J. R., Gutiérrez F. J. M. La Docencia en la Escritura Económica: Semblanza de Ricardo Torres Gaitán // Análisis Económico. 2012. Vol. 27, N 66. P. 332–351.

429. Historia del CRIM. URL: https://www.crim.unam.mx/web/historia_del_CRIM (дата обращения: 19.10.2020).

430. Jorge A. Vivó. URL: <https://www.biografiasyvidas.com/biografia/v/vivo.htm> (дата обращения: 09.10.2020).

431. Jorge L. Tamayo. URL: https://www.biografiasyvidas.com/biografia/t/tamayo_jorge.htm (дата обращения: 09.10.2020).

432. *José Fernández Ramírez* // Universidad Nacional Autónoma de México. URL: http://www.historicas.unam.mx/publicaciones/publicadigital/libros/lecturas/T2/LHMT2_018.pdf (дата обращения: 09.10.2020).

433. Macías J. D., Torres F. T. Estudios Regionales en México. México : UNAM, 2011. 115 p.

434. Manuel Orozco y Berra. URL: http://www.historicas.unam.mx/publicaciones/publicadigital/libros/lecturas/T2/LHMT2_022.pdf (дата обращения: 09.10.2020).

435. Margarita Camarena Luhrs. URL: https://www.researchgate.net/profile/Margarita_Camarena_Luhrs (дата обращения: 19.10.2020).

436. María Francisca Atlántida Coll Oliva. URL: <http://www.ub.edu/geocrit/coll-hurtado.htm#datper> (дата обращения: 09.10.2020).

437. Navarro L. H. José Luis Ceseña: Elogio a la Congruencia // *La Jornada*. 2012. Martes 10. URL: <https://www.jornada.com.mx/2012/01/10/opinion/015a1pol> (дата обращения: 09.10.2020).

438. Ricardo Torres Gaitán // Universidad Nacional Autónoma de México. URL: <https://dgara.unam.mx/index.php/78-perpae/1978/605-torres-gaitan-ricardo> (дата обращения: 22.10.2020).

439. Sánchez-Salazar M. T. *La Industria Petrolera como Factor de Cambios Territoriales en la Economía Nacional a Partir de los Años Setenta // Investigaciones Geográficas. Boletín del Instituto de Geografía*. 1990. Nú. 21. P. 75–95.

Литература на французском языке

440. Brunelle C., Dubé J., Devaux N. L'analyse des Trajectoires Territoriales de Développement : un Apport Possible des Données Micro Spatial-es? // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2013. Vol. 36, N 1/3. P. 87–99.

441. Charron M., Shearmur R., Beauchemin G. Données Massives et Sciences du Territoire // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2018. Vol. 41, N 1/3. P. 15–27.

442. Écologie Industrielle, Milieu Innovateur et Gouvernance Territoriale : le Cas de Dunkerque (Nord-France) / F. Kasmi, B. Laperche, C. Merlin-Brogniart, A. Burmeister // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2017. Vol. 40, N 2. P. 103–113.

443. Klein J.-L., Pecqueur B. Living Labs, Innovation Sociale et Territoire // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2017. Vol. 40, N 1. P. 1–5.

444. Les Living Labs: un Atout pour la Gouvernance des Territoires? / J. Rochman, J.-L. Klein, M. Doyon, J.-M. Fontan, S. Dugré, S. Ducruc // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2017. Vol. 40, N 2. P. 141–148.

445. Michel M., Dubé J., Devaux N. Déterminants de l'Émergence d'Initiatives Locales de Développement Régional au Québec : une Analyse Exploratoire // *The Canadian Journal of Regional Science*. 2019. Vol. 42, N 2. P. 99–112.

446. Association Française Pour l'Etude de la Corée. URL: <https://afpec.hypotheses.org/> (дата обращения: 02.11.2020)

Литература на китайском языке

447. RSAC. 中国区域科学协会. URL: <http://www.rsac.org.cn/>
448. 艾萨德. 区域科学导论 / 陈宗兴, 译. 北京: 高等教育出版社, 1991.
449. 陈宗兴. 经济活动的空间分析作. 西安: 陕西人民出版社, 1989 年.
450. 地理学报. URL: <http://www.geog.com.cn/CN/0375-5444/home.shtml>
451. 者胡序. 区域与城市研. 北京: 社科学出版社, 2008. 580页.
452. 李京文, 李剑玲. 京津冀协同创新发展比较研究 // 经济与管理. 2015年. 第2期. 第13-17页.
453. 李京文. 21世纪的中国经济发展战略. 北京: 中国城市出版社, 2002. 354页.
454. 李京文. 生产率与中、美、日经济增长研究. 北京: 中国社会科学出版社, 1993. 第532页.
455. 李京文. 科技富国论. 北京: 社会科学文献出版社, 1995. 496页.
456. 马洪. 中国经济调整改革与发展. 山西人民出版社, 1982b. 404页.
457. 马洪. 社会主义制度下的商品经济. 上海, 1985. 69页.
458. 马洪. 经济结构与经济管理. 北京, 1984. 333页.
459. 马洪. 试论我国社会主义经济发展的新战略. 北京, 1982a. 134 页.
460. 米娟, 苏星宇. 区域经济增长影响因素及差异性分析 // 生产力研究. 2012年. 第9期. 第18-22页.
461. 史念海. 唐代的地理学和历史地理学 // 史学史研究. 1989年. 第2期. 第 47-59页.
462. 实施区域协调发展战略. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0105/c415067-29747975.html>.
463. 孙久文, 夏文清. 区域差距与亟待解决的问题 // 改革. 2011年. 第6期. 第48-53页.
464. 王在亮. 改革开放以来中国区域合作理论研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2016年. 259页.
465. 武友德. 不发达地域经济成长论. 北京: 中国经济出版社, 2000. 304页.
466. 张相文 // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/张相文/1390973>
467. 张超, 沈建法. 区域科学论. 东京: 华中理工大学出版社, 1991. 359页.
468. 赵荣. 中国古代地理学. 北京: 社商务印书馆出版, 1997年. 174页.
469. 中国区域科学协会 // 百度百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/中国区域科学协会>.
470. 国际区域研究协会中国分会. URL: <http://www.rsachina.org/>

Литература на корейском языке

471. 강성철, 이기영, 이종식, 김도엽 부산의 지속가능성 분석: "부산의제21"을 중심으로, 2006. URL: <http://www.papersearch.net/the-sis/article.asp?key=2938060> (дата обращения 25.12.2020)

472. 김문수, 이학연, 최창우, 이성룡, 최경일, 전진우 국가연구개발 성과추적평가관리 시스템 모형 및 활용, 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=node01213390> (дата обращения: 25.10.2020).
473. 김형주, 이정협, 손동원 정부의 R&D 정책과 연구개발 네트워크의 구조 및 공간적 특성: 한국의 국가연구개발사업 사례를 중심으로. 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08950638> (дата обращения: 25.10.2020).
474. 글로벌한국학전공 = *Graduate School of International Studies, Dong-A University*. URL: <http://gsis.donga.ac.kr/gsis/5322/subview.do> (дата обращения: 05.10.2020).
475. 남진, 윤병훈, 박관우 도시성장단계평가를 통한 도시재생의 타당성 분석- 차별적 도시화 모델과 순환적 도시화 모델 적용, 2015. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE06284662> (дата обращения: 15.10.2020).
476. 류춘호 부산광역시(직할시) 체육 50년과 도시발전 경로, 2015. URL: <http://www.papersearch.net/thesis/article.asp?key=3327870> (дата обращения: 12.10.2020).
477. 박병식 한국 낙후지역 개발 정책의 추진과정과 개선방안, 2019. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09264757> (дата обращения: 25.10.2020).
478. 반영운, 이재준, 김정곤, 오용선, 설영선, 최정석 기후변화에 대응한 국토 및 도시개발전략, 2008. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01062125> (дата обращения: 06.10.2020).
479. 박인서, 김성철 국가연구개발사업의 프로젝트 관리방법 적용에 관한 사례연구, 2015. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE07427493> (дата обращения: 16.10.2020).
480. 박재욱, 정해용, 강문희 동북아 도시의 성장전략과 거버넌스 비교연구:부산·오사카·상하이를 중심으로, 2006. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE08996884> (дата обращения: 09.10.2020).
481. 박헌준, 오세홍, 김상준 국가 연구개발 투자시스템의 레버리지 전략: 시스템 다이내믹스 접근, 2004. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE10424884> (дата обращения 09.10.2020)
482. 손정렬 새로운 도시성장 모형으로서의 네트워크 도시 - 형성과정, 공간구조, 관리 및 성장전망에 대한 연구동향, 2011. URL:

<https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01642868> (дата обращения: 25.10.2020).

483. 안재섭 도시재생의 지속가능성에 관한 연구, 2011. URL: <http://www.papersearch.net/thesis/article.asp?key=2947866> (дата обращения 25.10.2020).

484. 이미홍, 김륜희 통합 지역개발제도의 의미와 향후 전망, 2017. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07271927> (дата обращения: 25.10.2020).

485. 이병호, 김가연, 박민근 지역개발과 삶의 질 신도시 여부가 삶의 만족도에 주는 영향, 2018. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07540282> (дата обращения: 25.10.2020).

486. 임은선, 이종열, 이희연 도시성장관리를 위한 공간구조의 확산-압축패턴 측정, 2006. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01173943> (дата обращения: 25.10.2020).

487. 우양호 항만이 해항도시의 경제성장에 미치는 효과 - 부산과 인천의 사례(1985-2007), 2009. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE01754567> (дата обращения: 25.10.2020).

488. 황석원, 안두현, 최승현, 권성훈, 천동필, 김아름, 박종혜 국가연구개발사업 R&D 효율성 분석 및 제고방안, 2009. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE06286111> (дата обращения: 25.10.2020).

489. 홍영록, 권상준, 명현 지속가능성을 위한 도시재생 계획요소에 관한 연구, 1999. URL: <https://www.dbpia.co.kr/Journal/articleDetail?nodeId=NODE09603426> (дата обращения: 25.10.2020).

Литература на японском языке

490. 白杵陽. 特集にあたって //地域研究論集. Vol. 2, N 1. 1999年3月. P. 5-6.

491. これからの地域政策を考える // RPレビュー. 2000. N 1. Vol. 1. P. 4-11.

492. 大学教育の分野別質保証のための教育課程編成上の参照基準. 地域研究分野平 // 日本学術会議. 2014年9月3日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-22-h140903.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

493. 地域学の推進の必要性についての提言. 太平洋学術研究連絡委員会地域学研究専門委員会報告 // 日本学術会議. 2000年6月26日. URL: http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/17htm/17_43.html#mokuji (дата обращения: 29.10.2020).

494. 地域研究分野の展望 // 日本学会議. 2010年4月5日. URL: <http://www.scj.go.jp/ja/info/kohyo/pdf/kohyo-21-h-1-7.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

495. 中生勝美. 地域研究と植民地人類学 // 地域研究論集. Vol. 2, N 1. 1999年3月. P. 19–36.

496. 山本博之. [総特集にあたって] 新しい地域研究をめざして // 地域研究方法論. 2012a. 12 卷 2 号. P. 6–15.

497. 山本博之. 地域研究方法論——想定外に対応する「地域の知」 // 地域研究. 2012b. 12 卷 2 号. P. 18–27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев Владимир Валерьевич, координатор международных отношений префектуры Исикава (Япония), старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Научные интересы: история и методология японских региональных исследований, типология культур, межкультурная коммуникация, проблемы перевода.

Иванов Кирилл Андреевич, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Научные интересы: развитие региональных исследований и культурной антропологии в Южно-Тихоокеанском регионе, Южной и Юго-Восточной Азии, городская антропология.

Карачева Надежда Сергеевна, старший преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета, аспирант Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань). Научные интересы: история региональных исследований в США.

Коробко Виолетта Олеговна, сотрудник кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Научные интересы: проблемы институционализации региональных исследований в Северной Америке.

Кремнев Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Научные интересы: теория трансдисциплинарной регионологии, культура управления и социально-политические системы стран Дальнего Востока, проблемы грамматики и перевода. Руководитель магистерской программы «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона».

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Иркутского государственного университета. Научные интересы: эволюция регионологических подходов в АТР, межкультурная коммуникация, образовательные траектории в подготовке бакалавров и магистров-регионоведов. Руководитель проекта «История и методология регионоведческих исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе в русле трансдисциплинарной регионологии».

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Научные интересы: смена парадигм в регионологии, социальное творчество, межсекторное взаимодействие, лингвокультурология.

Пелихова Дарья Вячеславовна, магистрант Иркутского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение», профиль «Регионоведение и этнология стран Азиатско-Тихоокеанского региона». Научные интересы: история и современное состояние европейских региональных исследований.

Хо Ольга Александровна, кандидат филологических наук (PhD), доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета, магистр зарубежного регионоведения. Научные интересы: этнология стран Дальнего Востока, гид-текст как вид дискурса, проблемы подготовки бакалавров и магистров в сфере межкультурной коммуникации.

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета, руководитель отделения японоведения. Научные интересы: культура Японии, региональные исследования в Японии, проблемы преподавания японского языка, российско-японские отношения.

Научное издание

**ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ**

Ананьев Владимир Валерьевич,
Иванов Кирилл Андреевич,
Карачева Надежда Сергеевна
и др.

ISBN 978-5-9624-1894-0

Редактор *Н. А. Михайлова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2020. Поз. 127
Подписано в печать 24.12.2020. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 18,0. Тираж 125 экз. Заказ 144

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124